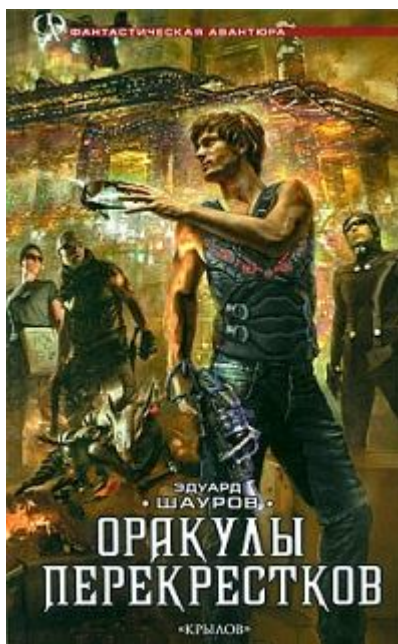

Эдуард Шауров Оракулы перекрестков

Аннотация

Вишь и ввысь раскинулись гигаполисы, в которых теперь и живут люди. Натуральные овощи стоят дороже, чем наркотики, разные чипы и телефоны вживлены в тело, по улицам бегают искусственные собаки, над головой порхают биллектронные воробы. Вот оно, наше с вами далекое будущее.

Простого переводчика, знатока разных диалектов гигаполиса, берут на очень странные переговоры в один из самых одиозных городских Секторов. И там подло бросают. Возвращение домой превращается в зубодробительное приключение. Ведь каждый Сектор гигаполиса — это своя страна, со своими законами и порядками и даже со своим языком. Где-то правят корпорации, где-то банды, где-то вообще не пойми кто. Пересечь город куда как тяжелее, чем тайгу пешком и наугад.

Череда перекрестков, череда новых встреч и открытий, в том числе открытий в себе самом. И вот уже понимаешь, что все не случайно, что некая сверхъестественная сила направляет тебя, ведет сквозь смертельные опасности к неведомой цели.

Трудно поверить, но простому переводчику предстоит стать невольным разрушителем всей цивилизации гигаполисов. Да что там гигаполисов! Предстоит перевернуть мир! И даже сверх того — заложить новый мировой порядок. Не более и не менее.

Эдуард Шауров Оракулы перекрестков

— Есть два пути, — объяснил Дуг. — Или ты получаешь знание от органов чувств, и тогда оно называется эмпирическим, или оно само появляется в твоей голове, и тогда это называют a priori.

Филип К. Дик

Мы источник веселья — и скорби родник. Мы вместилище скверны — и чистый родник. Человек, словно в зеркале мир, —

многолик. Он ничтожен — и он же безмерно велик.

Гияс ад-Дин Абул-Фатих Омар Хайям ибн Ибрахим аль-Нишапури

Глава 1

По-арабски гора будет — джябаль, а если скала, то сахра. Чайник из Русского Пекина назовёт гору — шан, житель Хадаш Иерусалима — хар. На арси можно сказать: гоха, или гаха, или кайха, в зависимости от диалекта. А на чёрном трэче следует говорить: шапка.

Бенджамиль Френсис Мэй протянул руку и задумчиво вывел на оконном стекле иероглиф «шан». За окном сияли снежными изломами островерхие конусы Скалистых гор, желанные и пугающие. Они походили на зубы исполинского дракона, больного кариесом. Ледяной воздух вокруг изъеденных осыпями склонов был так чист и прозрачен, что при желании можно было различить на белой поверхности ледника пять-шесть темных точек. То ли вереница людей, то ли стадо животных, если в Скалистых горах ещё водятся животные.

Всматриваясь, Бен приблизил лицо к окну и сразу же представил себе альпинистов в оранжевых и жёлтых куртках. Они шаг за шагом размеренно поднимаются по склону, терпеливо вбивая тупые шипастые носы ботинок в твёрдую корку наста. Черные блестящие цилиндрики очков, седая от изморози щетина на скулах, облачка пара срываются с сухих, обветренных губ при каждом выдохе... Бенджамиль Мэй вздохнул. В наши дни едва ли найдутся охотники до горных походов. Да и корпорация подобных глупостей не поощряет — не эргономично.

Бен ещё раз вздохнул и отвернулся от окна. Не было никаких альпинистов, и Скалистых гор не было, не было стекла, не было даже оконного проёма. Сплошная иллюзия. Бенджамиль в четыре шага пересёк свой маленький кабинет и выключил три-М-проектор. Тонкая серебряная фольга горных вершин скомкалась, теряя очертания.

Психологи утверждают, что в каждом рабочем кабинете непременно должно быть окно, хотя бы одно, хотя бы голографическое. Непременно! За это окно Бен готов был простить психологам ежемесячные тесты на социальную пригодность, мучительные, точно ожидание приёма у стоматолога.

Раньше Мэй делил кабинет на семнадцатом этаже с двумя другими переводчиками, и в кабинете было настоящее окно. Из него, без вариантов, открывался вид на жёлто-зелёный сектор делового кольца. Бенджамиль правил машинные переводы с франглийского на евро, вручную переводил шибко важные депеши из Поднебесной вперемешку с отчётами из АрША и время от времени поглядывал в окно на стену «Дэнк Шрифт Билдинг», занимавшую четверть горизонта.

Теперь Бен находился в прямом подчинении у толстяка Ху-Ху. Ху-Ху считался самым перспективным из молодых хайдраев среднего звена, носил туфли из настоящего войлока и воображал себя чистокровным земляным мандарином, хотя мало кто в компании не знал о его малайском происхождении.

В нынешнем положении Мэя были и преимущества, и недостатки. Зарплата выросла почти в полтора раза, зато ничем, кроме арси, Бен больше не занимался — ни китайским, ни франглийским, ни арабским. Только пятнадцать диалектов помоечного жаргона. Ну и ещё немного трэча, который ничем не лучше арси. Впрочем, жаргоном буферного кольца Бенджамиль занимался сугубо из баловства. Корпорация сбывала лицензионные наркотики крупным бандам из Сити, и мелочь из чёрного буфера никого не интересовала, скорее мешала отлаженному ходу бизнес-машины. Так что практической пользы знание трэча Бену почти не приносило, просто его страшно увлекало вылавливание из телефонной сети непрерывно мутирующих слов. К преимуществам относилось и то, что теперь Мэй мог участвовать в живых переговорах, то и дело происходивших на периферии чёрного буфера. Это оказалось не так страшно, как он думал поначалу, это будоражило воображение и вносило в размеренную жизнь простого клерка немного разнообразия. А вот с переездом на

тридцать пять этажей вниз, поближе к резиденции патрона, Мэй никак не мог определиться, хорошо это или не очень. С одной стороны, теперь он мог лицезреть склоны Скалистых гор или кабестаны портовой линии Нового Лиссабона вместо стены «Дэнк Шрифт Билдинг», с другой стороны, четыре миллиона тонн стекла и железа над головой действуют на человека особенно угнетающе, если его кабинет находится на пятьдесят метров ниже уровня моря.

Пройдясь по комнате взад-вперёд, Бен остановился перед своим столом. В душе он глубоко ненавидел любые проявления беспорядка, наверное, именно поэтому на его рабочем месте всегда царил бардак. Сокрушённо вздохнув, Бенджамиль кое-как собрал в стопку интерактивные пластинки официальных предписаний и, не разглядывая, сгрёб в выдвижной бокс информационные капсулы.

Наведя таким образом относительный порядок, молодой человек присел на край стола и принялся вспоминать альпинистов. Когда-то отец, покой его праху, оставил Бенджамиллю отличную коллекцию древних двумерных фильмов. Теперь подборка старых импульсных дисков стоила немалых денег, но Бен ценил её не только как коллекционный экспонат, ему действительно нравились старые фильмы. Постепенно он перевёл почти все записи в формат би-4 и время от времени пересматривал то один, то другой. Имелась среди любимых видео историй парочка про скалолазов и горные восхождения. Так что, как выглядят и что делают альпинисты, Мэй знал досконально.

— Ти-ли-ли, — пропели часы в клипсе наушного телефона, — три-ри-ти, пора идти.

— Очень любезно с вашей стороны. Спасибо, что напомнили, — пробормотал Бенджамиль, поднимаясь со стола.

Он подошёл к двери, пригладил жёсткие, обесцвеченные пергидролем волосы и осторожно выглянул в коридор. Ни души! Только за углом в отдалении певуче гудит пылесос уборщика. Полсотни шагов по абсолютно пустому коридору, лифтовый холл и абсолютно пустая кабина с зеркальными стенами. Тысяча экспонатов дактилоскопического музея на тёмном стекле панели с номерами этажей. Бен нажал на восьмой, и лифт плавно пошёл вверх. Какое всё-таки удовольствие ехать в лифте, который движется плавно и поступательно, а не дёргается, как паралитик, останавливаясь через каждые три секунды.

На восьмом этаже Бен покинул раковину кабины, тихо сомкнувшую створки за его спиной, вышел в центральный коридор и, ловко ухватившись за бегущий поручень, шагнул на узкую полосу абсолютно пустого слипвея.

Бен скользил мимо закрытых дверей рабочих комнат, мимо светильников, мимо указателей на станах, и голова его с каждым поворотом становилась всё легче и беззаботнее, теряя на ходу служебные мысли и заботы. Перед табельной машиной поручень замедлил бег, и Бенджамиль шагнул на незыблемую пластиковую твердь пола.

Возле самого турникета за идеально гладким и пустым столом сидел менеджер контроля за табелем мастер Краус, длинный, надменный евроид с мутными глазками и глубокой залысиной на лбу. Бену нравилось считать, что мастер Краус сидит за своим столом день-деньской, не отлучаясь ни на обед, ни даже по нужде, для пущей надёжности привинченный к жёсткому сиденью огромным ржавым болтом. Однако фантазии Бена нисколько не мешали желчному, вечно чем-нибудь недовольному менеджеру занимать довольно высокую должность, неустанно гордиться чистотой своего евроидного происхождения и при каждом удобном случае делать Мэю выговоры и замечания. Надо отдать должное, память у этого в общем-то глуповатого субъекта была просто феноменальная. Бен отвечал Краусу взаимной любовью и поэтому старался, проходя мимо табельщика, приветливо улыбаться от уха до уха.

— Мистер Мэй, если не ошибаюсь, — проговорил Краус, собирая губы в куриную гузку, — вы опять нарушаете рабочий график?

Бенджамиль вставил правый мизинец в гнездо сканера.

— Вы задержались аж... — Краус взглянул на часы, — на пятнадцать минут. Служебное время закончилось полчаса назад. Чтобы подняться сюда с самых нижних этажей достаточно...

— Но ведь я уйду не раньше, а как раз наоборот, — попытался оправдываться Мэй.

— ...достаточно пятнадцати минут! — продолжал Краус, возвышая голос. — Сударь! Только потому, что вы нарушаете график рабочего времени в сторону увеличения, я пока не ставлю в известность ваше начальство. Но помните, моё терпение не безгранично! Приятных выходных, мистер Мэй!

— И вам того же, мастер, — сказал Бен сквозь зубы.

Он во всех красках представил, как лысина табельного менеджера покрывается нежными бледно-голубыми цветочками, и ему стало легче.

Свежий ветерок остудил горевшие щеки. Бен сощурился на ослепительное, совершенно безоблачное небо и наконец почувствовал, что неделя позади и что впереди выходные. Задрав голову, он оглянулся на циклопическую громадину мегаскрёба, многотонной чертой делившую его жизнь на две неравные части, и, засунув руки в карманы светлого френча, зашагал к станции тубвея.

Четырёхголосная пешеходная эстакада, по которой шёл Мэй, располагалась в тридцати метрах над землёй. Подойдя к ажурному решетчатому ограждению, можно было разглядеть внизу ещё одну эстакаду, а под ней улицу с движущимися электромобилями. За последние пятьдесят лет высокий транспортный налог сократил число частных мобильных почти в восемь раз, но здесь, в деловом поясе, движение было довольно оживлённым.

Вытянутый эллипсоид бара прилепился к краю эстакады, словно почка растения. Надпись над выгнутой стеклянной дверью гласила: «Гансан Маншаль, лицензия № 600001». Бенджамиль замедлил шаг. Сначала его окатило вспышкой сухого песчаного жара, даже мельчайшие капельки пота выступили на верхней губе, но стоило сделать едва приметное движение в сторону заведения, как жара сменилась прохладой ледяного апельсинового сока. Бену всегда нравился этот рекламный ход. Зимой ощущения менялись: осклизлую промозглость северного ветра смывал аромат горячего кофе. Удивительно, что корпорация до сих пор терпит от частного торговца столь яркую вывеску.

Дверь услужливо отъехала в сторону, и Бенджамиль нырнул в бар. Это был его личный ежепятничный ритуал. Привычка, ставшая неким символом верного хода жизни.

Внутри было тихо, прохладно и безлюдно. Только за одним из крайних столиков дама лет сорока в цветном жакете и цветных бриджах уныло ковыряла палочками блюдце, поглядывая на дверь тоскливыми глазами одинокого человека. Хозяин заведения скучал за стойкой бара, вид у него был рассеянный и грустноватый.

— Здравствуйте, Ганс, — издали поздоровался Мэй. — Отчего я не вижу улыбки на вашем лице?

Хозяин улыбнулся:

— Проходите, Бен, всегда рад вас видеть, особенно по пятницам. Вам как всегда?

— Как всегда, — подтвердил Бен, взбираясь на высокий барный стул. — У вас всё в порядке, Ганс? Какой-то вы сегодня печальный.

— Печальный? — Гансан пожал плечами. — Вот весной я бываю по настоящему печален. А это так, меланхолия для начинающих.

Он положил на стойку пластиковый шильдик с номером лицензии, поставил на него высокую кружку, наполненную соевым портером, и пододвинул к посетителю. Бен чуть-чуть подождал, пока осядет тяжёлая пена, и отхлебнул тёмную горьковатую жидкость. Нёбо приятно зашипало, глаза чуть-чуть увлажнились.

— Хорошо! — сказал Бен с чувством, вытирая губы салфеткой.

— А меня оштрафовали на пять тысяч марок, — неожиданно пожаловался Гансан.

— Сочувствую, — сказал Бен. — А за что?

— Нарушение пятнадцатой поправки к закону Киттеля, — грустно сообщил хозяин.

— Я вообще-то в этом не разбираюсь, не моя сфера...

— Использование в сфере обслуживания программируемых машин, — пояснил Маншаль. — У меня стоял автомат для мойки посуды. На самом деле все так делают, просто

мне не повезло.

Бенджамиль покачал головой:

— Не расстраивайтесь, Ганс, со всяким может случиться.

— А я и не расстраиваюсь, — улыбнулся Гансан. — В конце концов, корпорация вытеснит частный бизнес. Это как смерть, можешь возмущаться, можешь нет, всё одно когда-нибудь угодишь в крематорий и продолжишь карьеру в форме удобрения.

Разноцветная дама расплатилась и вышла из бара.

— Слишком мрачно, Ганс. — Мэй машинально проводил женщину взглядом. — Я сейчас не расположен к мрачности. Что это вы всё время крутите в пальцах?

— Это? — оживился хозяин. — Это оракул.

— Что?

— Забавная вещица, раритет. Середина двадцать первого века, электроника, металлический корпус. Можно сказать, антиквариат. — Маншаль положил на барную стойку толстенький диск в четыре сантиметра диаметром.

— А для чего он? — спросил Бенджамиль, отхлёбывая пиво и наклоняясь поближе.

— Он отвечает на любые вопросы, вроде как предсказывает судьбу.

— Судьбу? — Бен осторожно взял диск двумя пальцами. — И как он это делает?

— Нужно взять его в руку, задать интересующий вас вопрос, можно вслух, можно про себя, и шесть раз сжать в ладони, — принялся объяснять Гансан. — И тогда на дисплее, вот здесь, появится ответ или совет, как вам угодно. Дайте его сюда, я покажу.

— А можно мне попробовать самому? — попросил Мэй.

— Нет, Бен, ничего не получится, — заволновался Маншаль. — Оракул отвечает только хозяину.

— Тут какие-то иероглифы, — сказал Бенджамиль, вертя кругляш в пальцах. — Но это не китайские. Чайники так не пишут, скорее похоже на стилизацию. Ганс! Продайте мне эту игрушку.

— Не знаю... не думаю. К чему мне его продавать? — Гансан отобрал диск у Мэя.

Но Бенджамиль уже загорелся идеей покупки оракула и принялся уговаривать бармена.

— Ну для чего он вам, Ганс? — говорил он со всей убедительностью, на какую был способен. — Неужели вы всерьёз верите этим предсказаниям? Это же какая-то ерунда, мистика.

Маншаль вяло сопротивлялся.

— Кончится тем, что вас обвинят в приверженности эзотерике и вообще лишат лицензии, как тихого сумасшедшего, — добавлял мрачных тонов Мэй.

— Ничего не понимаю! Если вы не верите в предсказания, то для чего вам оракул? — в конце концов удивился Маншаль. — Только честно.

— Я коллекционирую редкие безделушки, — признался Бен, — это моя маленькая страсть. Могут быть у человека маленькие слабости?

— У меня полно слабостей, — кивнул головой Гансан, — маленьких и не очень.

— Вот видите! — воскликнул Мэй, ему в голову пришла одна идея. — Ганс, а спросите совета у самого оракула.

Маншаль с сомнением посмотрел на собеседника.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — Почему бы и нет?

Наклонив лицо к своим раскрытым ладоням, он тихонько прошептал несколько слов и шесть раз старательно сжал диск в кулаке.

— А зачем его надо сжимать? — спросил Бен.

— Я думаю, там есть механизм, реагирующий на случайную силу сжатия по принципу чет-нечет. Он имитирует бросок монеты. — Гансан положил оракула на стойку.

— Что он пишет? — Любопытный Бенджамиль даже привстал на стуле.

— В мире всё быстротечно — то омут, то брод.
Всё на свете не вечно и скоро пройдет.

Нам отпущен лишь миг для утех и веселья.
Не держись за былое, не плачь наперед,¹ —

прочитал Маншаль.

— И что это значит?

— Похоже, оракул хочет сменить хозяина. — Ганс растерянно почесал лоб.

— Значит, вы уступите мне игрушку? — полу утвердительно спросил Бенджамиль.

— Похоже, что так. — Хозяин развёл руками. — Я вообще стараюсь быть последовательным. Только, умоляю вас, Бен, оракул далеко не игрушка! И не позволит относиться к себе подобным образом!

— Постараюсь это запомнить, — пообещал Бен.

«Я поставлю его между китайскими шахматами и цветным кубиком-головоломкой», — подумал он и даже представил, как это будет выглядеть.

Маншаль с сомнением покрутил головой.

— А сколько вы хотите за... вещицу? — Бенджамиль бережно потрогал оракула кончиком пальца.

Гансан поморщился.

— Пятьсот тридцать одну марку, — сказал он, не раздумывая ни единой секунды.

Бенджамиль Мэй аж присвистнул:

— Ганс, вы включили в стоимость уважительное отношение?

— Нет. — Вид у Маншалья сделался чрезвычайно довольный. — Уважения оракул добьётся сам. Для вас это дорого?

— Дороговато, — признался Бен. — Два месяца назад я имплантировал себе в ноги аль-найковские мышцы и связки, и мне это обошлось в четыре тысячи вместе с операцией и регенерацией. Может, скинете?

— Исключено, — отрезал Гансан.

— Ладно, будь по-вашему, — вздохнул Бенджамиль. — Всё одно, торговаться я не умею. Пятьсот тридцать так пятьсот тридцать.

— Пятьсот тридцать одна, — поправил хозяин. — И наличными.

— Наличными?!

— Наличными. В моем заведении есть банкомат. — Гансан указал в конец зала.

Не переставая удивляться, Бен слез с табурета и направился к банковскому автомату.

— Этот Маншаль ещё оригинальнее, чем я думал, — бормотал Бен, вставляя мизинец в отверстие.

Банкомат малость подумал, считывая с ногтя информацию, и заявил, что может выдать только тысячную купюру.

— Эй, Ганс! — крикнул Мэй, не вынимая пальца из сканера. — Ваш бессовестный автомат не даёт сотен.

— Я знаю! — крикнул в ответ хозяин. — Берите тысячу, я дам вам сдачу.

Вернувшись к барной стойке, Бен вручил Гансану тысячную купюру, а тот отсчитал четыреста шестьдесят девять марок сдачи. Мужчины пожали друг другу руки.

— У вас действительно искусственные мышцы, Бен? — спросил Ганс, пряча деньги в карман жилетки.

Бенджамиль кивнул.

— Зачем вам это? Вы ведь не спортсмен?

— Люблю велотренажёры.

— А если серьёзно? — На лице Гансана читался неподдельный интерес.

— Да так, ерунда... Дурацкие мечты... Снег и камни, — уклончиво ответил Бенджамиль. — Вот лучше вы мне скажите, Ганс, откуда такая странная цифра: пятьсот

---

¹ В произведении использованы рубай Омара Хайяма.

тридцать одна?

— Не знаю, — пожал плечами Маншаль. — Оракула нельзя продавать за другую сумму, я сам отдал за него ровно столько же.

— А если бы я платил вам ньюанями?

— Было бы тоже пятьсот тридцать один.

— Жалко, — огорчился Бен, — ньюани в два раза дешевле.

— Вы и в магию чисел не верите? — сочувственно спросил Гансан.

— Даже не представляю, что это такое, — беспечно отозвался Мэй. — Просветите.

— Это долго объяснять. Ну, к примеру, — Маншаль сделал рукой неопределённый жест, — сколько вам на данный момент лет?

— На данный момент тридцать два, — сообщил Бенджамиль.

— Тридцать два, — задумчиво повторил хозяин. — Тридцать два — число перелома, число материализации темных магических сил. Типичная ситуация, характеризующаяся числом тридцать два, — это когда к вам приходит сатана и пытается заключить с вами сделку.

Бенджамиль зябко поёжился.

— Но при определённом старании, везении и настойчивости, — продолжал Маншаль, — вы сможете извлечь из ситуации свои выгоды и оставить дьявола ни с чем. Вот что такое тридцать два.

— Вы бы поменьше поминали всяческие суеверия, — попросил Бен. — Корпорация не поощряет подобных разговоров.

— Я не служащий корпорации, — гордо заявил Гансан.

— А я пока ещё служащий, — напомнил Бен.

Он забрал со стойки диск оракула и положил его в карман брюк.

— Погодите, — сказал Гансан, — у меня есть для него шнурок.

Бенджамиль допил пиво, купил пакетик хлебных крошек и, попрощавшись с хозяином, вышел из бара. Прогулочным шагом он двинулся вдоль ограждения, насвистывая что-то из Османа Фишера. Настроение было приподнятое. В понедельник один из секретарей Ху-Ху обязательно заведёт душевную беседу о вреде пьянства и эзотерических разговоров. И Бен и секретарь будут жутко скучать в процессе нудной лекции, но это будет в понедельник. А сейчас пятница.

Бенджамиль остановился возле сетчатой скамейки, достал купленный у Маншала пакет, надорвал его и высыпал крошки на тротуар, потом отошёл на пару шагов и принялся наблюдать.

Первый воробей появился секунд через тридцать, за ним второй. Вскоре у ног Мэя копошилось штук пятнадцать коричневых прыгучих механизмов. Они скакали взад-вперёд, старательно склёвывая хлебные крошки. Бенджамиль с интересом следил за поведением маленьких дворников и размышлял о том, куда они потом потащат содержимое своих животов.

Наверняка никакой это не хлеб, а какая-нибудь синтетическая гадость.

Бенджамиль любил наблюдать за воробьями, это тоже было частью пятничного ритуала. Однажды, давным-давно, когда Бену было лет семь-восемь, он подшиб камнем почти такого же воробья, нарочно подшиб. Вернее, кидал нарочно, а подшиб, конечно, нечаянно. Совершив этот ужасный и совершенно не свойственный ему поступок, Бен здорово перепугался, но отчего-то не затолкал птицу в первую попавшуюся решётку канализации, а притащил её домой. Бенджамиль до сих пор помнил, как ругала его мать, а отец страшно заинтересовался, достал ящичек с инструментами, положил коричневое тельце на свой стол, пошевелил его так и эдак, затем одним ловким движением вскрыл корпус. Мать махнула рукой и ушла из комнаты.

Отец, ковыряясь в механизме, дудел нечто неразборчивое в пышные седые усы, а Бен присел тихонько рядом. Затаив дыхание, он зачарованно следил за отцовскими движениями, ничегошеньки не понимая и не пытаясь понять. Наконец отец закрыл корпус, воробей слабо

дёрнул скрюченными ножками и вдруг с неожиданной прытью перевернулся на брюшко. Отец ловко накрыл его ладонью, а Бен запрыгал от восторга.

Потом они открыли окно и выпустили воробья на свободу. Птица нырнула вниз и, заложив лихой вираж, умчалась по своим механическим надобностям.

— Не так-то просто их поломать, — тихо и строго сказал отец Бену, — но больше так не делай.

И ещё отец рассказал, что раньше, в молодости, видел настоящих воробьёв.

Бенджамиль вытряхнул из пакета остатки крошек. Воробьи прыснули в разные стороны, но тут же вернулись и принялись клевать, нагло поглядывая на человека то одним, то другим глазом. «А ведь тот, подбитый камнем воробей из детства, был как-то естественнее», — с лёгкой грустью подумал Бен. Мысль, конечно, абсурдная, за двадцать пять лет птицы наверняка стали совершеннее, но думалось отчего-то именно так.

— Вас нужно звать робовьи, — сказал Бенджамиль проворным механизмам. — Я никогда в жизни не видел настоящего воробья. Откуда мне знать, похожи вы на них или нет?

Не очень-то хотелось смотреть, как воробьи расправляются с упаковкой. Бен сунул надорванный пакет в брючный карман, наткнулся пальцами на гладкий прохладный бок оракула и даже улыбнулся. На редкость удачное приобретение, настоящий раритет. Бен вынул диск, полюбовался тусклым блеском полированного металла, взвесил на ладони — похоже на старинные часы со стрелками. Бен давно мечтал заполучить что-нибудь подобное в свою коллекцию. Красивая игрушка, предсказывает будущее и даёт бесплатные советы. Интересно, в какой форме надо задавать вопрос?

— Хочу знать... э-э-э... как мне сегодня лучше всего провести вечер? — торжественно проговорил Мэй и шесть раз осторожно сжал диск.

Когда он поднёс оракула к глазам, на сером прямоугольнике дисплея проступили слова:

О, гонимый игрою судьбы человек!
Сколько гор позади, сколько стран, сколько рек!
Только тот, кто весь век направляет твой бег,
Может знать, где сегодня твой будет ночлег.

Глава 2

На станции тубвея было довольно оживлённо. Ночные сабвокеры спешили в офисы — занять на выходные ещё тёплые места своих дневных коллег. Мегаскрёбы делового пояса не засыпают даже ночью. Их дыхание становится медленнее, пульс ровнее, но жизнь в них идёт своим чередом, течёт, словно кровь по венам.

— ...*Может знать, где сегодня твой будет ночлег*, — недоуменно повторял про себя Мэй, поднимаясь на посадочную платформу.

Недалеко от эскалатора стояли два полистоппера. В своих черно-жёлтых рельефных дефендерах они напоминали шмелей-мутантов.

«Чего они торчат здесь, как мухи на сладком?» — подумал Мэй, невольно замедляя шаг и разглядывая стражей порядка.

Один из стопов, будто спиной почуяв чужое любопытство, обернулся и смерил Бенджамиля недобрым взглядом.

— Эй! Мистер! — сказал он, поигрывая длинным стрекалом шокера. — Проходите, не стойте столбом, вы не на выставке.

Второй стоп поправил ремешок каски и сплюнул на платформу.

Вагончик тубвея потому и называют таблеткой, что он представляет из себя плоский цилиндр. Его объёма хватает ровно настолько, чтобы вместить человека средней комплекции. Толстяки выкручиваются как умеют. Довольно рослому Бенджамиллю тоже приходилось терпеть некоторые неудобства.

Бен втиснулся в узкое кресло без подлокотников, изогнутая пластина двери скользнула на место, и таблетка втянулась в горло трубы. С полминуты она двигалась плавно, потом рванула вперёд так, что заложило уши, а от желудка до затылка пробежала волна дурноты. Бен прикрыл глаза, он знал, что через пару минут ощущения войдут в норму. Ехать предстояло час с небольшим. Бен поднял руку и под рубашкой с высоким воротом нащупал медальон оракула. Глупое какое-то предсказание: «...где сегодня твой будет ночлег». Что имел в виду электронный кругляш?

«Может, мне нужно сегодня пойти к Ирэн?» — терялся в догадках Бен.

Вот уже в течение пяти лет он был женат на Ирине Гирш. Долгие пять лет их отношения оставались настолько счастливыми и гармоничными, что два месяца назад они решили перевести свой брак из разряда гостевых в разряд стационарных.

Бен не сомневался, что они с Ирэн проведут замечательные выходные, что с субботы на воскресенье он останется у неё и у них будет волшебная ночь, но к тому, чтобы нанести визит прямо сегодня, он был как-то не готов. Тем более следовало привести себя в порядок. И вообще, пятница была его днём. Он уже наметил планы на вечер: надо определить полку под новое приобретение, надо разобрать ящик с комиксами и почистить аквариум, надо принять душ, на десерт перед сном один из любимых фильмов, в холодильнике есть бутылочка пива, а Ирэн, кстати, не выносит запаха пива.

— Нет, — сказал Бенджамиль сам себе. — Сегодня идти никак не стоит, тем более что корень моих переживаний — сумасшедший бармен и антикварная игрушка.

Бен решительно достал карманный интелблок и углубился в изучение сегодняшних записей, скопированных с рабочего терминала. В основном это был бытовой трёп криминальной прослойки чёрного буфера, термин «трэч», собственно, и переводится, как «трёп». Кое-какие разговоры были закрытыми, и служебного допуска Мэя явно не хватало для дешифровки сигнала. Эти записи Бенджамиль, не раздумывая, стирал. Всё больше входя во вкус, он рылся в этом хламе, время от времени помечая и записывая интересные или не совсем понятные слова. Что-то получалось определить сразу, что-то нет, и Бен подолгу глядел в потолок таблетки, пытаясь почувствовать связи и аналогии.

Он как раз мучительно размышлял над сочетанием «клюдни пашнан», когда назойливый сигнал в левом ухе вернул его к действительности. Бен мысленно выругался.

— Я слушаю, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, с небольшой толикой верноподданнического рвения.

— Мистер Мэй, — зазвенел в ухе неприятный фальцет Соломона Шамсу, — я звоню вам по поручению мастера Ху. Где вы сейчас находитесь?

— В трубе! Еду домой! — не удержался-таки от неприязненного тона Бенджамиль.

— Нет, где вы находитесь? Рядом с какой станцией?

Бен протянул руку и активировал поцарапанный видеомонитор таблетки.

— Проехал пятидесятью, — сообщил он. — А что случилось?

— Вы должны немедленно прибыть в распоряжение мастера Ху, — нетерпеливо задребезжал голос секретаря. — Чрезвычайные обстоятельства!

— А Майер? — совсем потерялся Мэй.

— Майера не будет! Все разъяснения вы получите позже. Сойдите на пятьдесят третьей. — Шамсу прямо-таки захлёбывался от волнения. — Рядом со станцией посадочная площадка. Мастер Ху подберёт вас на своём прыгуне... Что? Да, бортовой номер тридцать один, красный парковочный сектор, пятая зона. Поспешите, мистер Мэй!

«Как же я поспешу, кретин!? — с ненавистью подумал Бенджамиль. — Я в трубе, так тебя и растак!»

С тихим щелчком отключился корпоративный телефон.

— Ч-ч-чёрт! — сказал Бен сквозь зубы.

В ухе опять тихонько пискнуло.

— Бенджамиль Мэй, — сообщил скрипучий механический голос. — За употребление нецензурно-религиозных слов вы оштрафованы на десять марок. Примите к сведению.

— А, ч-ч...тоб тебя! — прошипел Мэй и прикусил язык.

«Что же случилось? — размышлял Бенджамиль, шагая по пассажирской дорожке к пятой зоне красного сектора. — Что за кишер? Что за бедлам? Ху-Ху на сон грядущий потребовался переводчик? Но куда подевался Майер? Одно ясно как день: накрылась моя пятница».

Персональный прыгун мастера Ху-Ху был уже на месте. Вызывающе блестел вишнёво-красными боками, уставив тупое рыло в безоблачное, уже слегка отдающее розовым небо. Машина чем-то походила на самого Ху-Ху: маленькая головка, покатые плечи и толстая, самодовольная задница с эмблемой корпорации. Возле открытого люка ждал секретарь. Его худые ноги, затянутые в светлые бриджи, притопывали от нетерпения.

— Поскорее, поскорее, мистер Мэй! — прокричал он, делая рукой приглашающие жесты.

Бенджамиллю захотелось нарочно пойти помедленнее, но ноги его сами собой прибавили шаг.

— Теперь всё замечательно, — тараторил Шамсу, глядя куда-то в область воротничка Беновой рубашки, он никогда не смотрел в глаза. — Мастер Ху выражает вам благодарность от лица корпорации. Рабочее время будет вам оплачено. Садитесь поскорее.

Слегка обалдевший Бенджамиль, пригнувшись, шагнул в проем люка. Соломон Шамсу, совершая массу ненужных движений, забрался следом, указал Мэю его кресло и велел пристегнуться.

Хуан Ху сидел рядом с пилотом. На появление Мэя хайдрай ровным счётом никак не отреагировал, не соизволил даже обернуться. Но Бен отчётливо видел его локти, плотно охваченные розовым шёлком дорогой рубашки, и складчатый затылок над спинкой кресла. Как всегда в присутствии начальства, на Бенджамилля накатила робость. Он стыдился этого чувства, ненавидел его всеми фибрами души и ничего не мог с ним поделать.

В кресле рядом с Беном оказался Ингленд, личный телохранитель мастера Ху. Ингленд ободряюще подмигнул Бену, они встречались уже не первый раз и, похоже, друг другу симпатизировали.

— Что случилось? — вполголоса спросил Бенджамиль. — Куда мы?

— К юго-восточным воротам. Ситтеры забились с Ху-Ху на переговоры, — шёпотом ответил Ингленд.

— А где Майер?

— Кто его знает? Может статься, уже на полпути к соевым плантациям. — Телохранитель усмехнулся и пояснил: — Большая авария где-то на стыке «воротничка» и «аутсайда».

— Вот оно что, — пробормотал Бен, вспомнив двух стопперов на станции трубы. — Теракт? Ситтеры?

Ингленд пожал плечами:

— Вроде нет. Говорят, столкнулись две таблетки на входе из станционного патрубка в главный ствол. За четверть секунды, пока сработала аварийная автоматика, там человек двести убилося в кашу, поди опознай. И линия, само собой, встала...

— Все пристегнулись? — не оборачиваясь, спросил пилот. — Тогда старт.

Путешествовать на прыгуне — сомнительное удовольствие. Сначала тебя вжимает в кресло так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть, потом ты ухаешь вниз так, что кишки подскакивают до подбородка, и только сама посадка не оставляет особенных впечатлений, ни плохих, ни хороших. Зато скорость перемещения невероятная. Как по мановению волшебной палочки: только что ты был там и вот ты уже здесь.

Всего за три прыжка они пересекли «воротничок», белый буфер, индустриальное кольцо, чёрный буфер и опустились у самой границы Сити.

— Приехали, — сказал пилот.

Мэй отстегнул ремень и на неверных ногах двинулся к выходу. Ингленд слегка придержал его за плечо и выскочил из прыгуна первым. Бенджамиль по короткой лесенке спустился следом. Они стояли на рубчатой жароупорной плите в двух шагах друг от друга и осматривались. Бенджамиллю уже приходилось бывать на границе с Сити, и хотя конкретно здесь он был впервые, всё окружающее выглядело смутно знакомым. Пустырь вокруг посадочной площадки зарос редким дистрофичным кустарником. Вдалеке за пустырём виднелись десяти-двенадцатизэтажные здания непривычной архитектуры. В полусотне метров от посадочной площадки щерился амбразурами блокпост, разбитая асфальтовая дорога огибала его приземистую коробку и упиралась в высокие бронированные ворота. Влево и вправо от ворот тянулась трёхметровая бетонная стена, утыканная поверху колючкой заострённой арматуры. Там, за забором, покрытым следами цветных рисунков и потёками неопределённых оттенков, притаился загадочный и жестокий Сити, цитадель зла и гнездо разврата, раковая опухоль в самом сердце счастливого и благополучного гиганполиса. Бенджамиль мельком подумал, что за сотни лет человечество не придумало ничего эффективнее уродливой бетонной ограды и заточенной арматуры.

Из прыгуна бочком выбрался Шамсу. Он затравленно огляделся и подал руку мастеру Ху, шагнувшему на первую ступеньку трапа. Грузный Ху-Ху руки демонстративно не заметил. Пыхтя и переваливаясь, он спустился сам, лицо его при этом оставалось настолько непроницаемо-самоуверенным, что нелепые телодвижения казались игрой или притворством. Поверх блестящей розовой рубашки Ху-Ху надел чёрный жилет, расшитый серебряными драконами. «И ведь не оштрафуют жирдяя за ношение мистически-окультиных изображений», — с завистью подумал Бен. Бритый череп хайдрая сально поблёскивал в лучах низкого солнца, и весь Ху-Ху целиком казался неприлично ярким пятном на фоне пыльных кустов и бетонной ограды.

Краем глаза Бенджамиль уловил где-то сбоку неприметное стеклянистое движение. Ингленд, похоже, заметил то же самое.

— Вот и эскорт, — сказал он с ноткой скепсиса.

«Где?» — хотел спросить Бенджамиль, но в это время прямо из воздуха появился человек.

Впечатление было такое, будто совершенно прозрачный бокал очень быстро наполнили темно-серой жидкостью. Сделавшись личным переводчиком мастера Ху-Ху, Бенджамиль неоднократно слышал про дефендеры с покрытием типа «камбала», но воочию видел в первый раз.

— Офицер Аббаси, — представился подошедший, на выпуклой шероховатой поверхности нагрудных пластин его костюма красовалась ядовито-чёрная надпись: «D. T. F. Патрульный отряд № 22».

Ингленд кивнул.

— Сейчас мы откроем ворота, — продолжал патруллер, его голос звучал сквозь опущенное забрало, как из гулкой железной бочки. — Оружие оставлять будете?

Ингленд кивнул. Из подмышечной кобуры он извлёк большой воронёный пистолет, потом вытряхнул из правого рукава маленький на пружине и передал оба бронекостюму. Тот бережно принял оружие и сложил в поясную сумку.

— Если что, мы за вами приглядываем. — Офицер Аббаси, так и не подняв забрала, козырнул в сторону Ху-Ху и быстро пошёл к зданию блокпоста, на ходу превращаясь в прозрачный воздух.

— Сидят, патрульные крысы, — то ли одобряя, то ли осуждая, пробормотал Ингленд.

Возле ворот пахло застоялой мочой. На секунду Мэй представил себе, как ночью ситтеры один за другим подкрадываются на цыпочках к воротам и, хихикая, мочатся на их броневые полотна. Мелко подрагивая, левая створка ворот пошла в сторону, отъехала на четверть и стала.

— Можно идти, — сказал Ингленд и, как всегда, вошёл первым.

«Как это они за нами будут присматривать через щель в воротах?» — подумал Мэй и непроизвольно поёжился.

Следом за телохранителем океанским сухогрузом проплыл в ворота Ху-Ху, за патроном трусил Соломон Шамсу, замыкал процессию Бенджамиль Мэй.

Маленькая колонна отошла от ограждения шагов на двадцать и остановилась посреди перекрёстка с покосившимися светофорами.

— Подождём, — негромко сказал Ингленд, засовывая руки глубоко в карманы.

Наверное, лежало там нечто, притиснутое к горячей ляжке, — выкидной нож или кастет с лезвием. Бенджамиль никогда не видел настоящего выкидного ножа или кастета, но почему-то был уверен, что существуют модели, которые свободно помещаются в кармане брюк. Он украдкой покосился на руки Ингленда, на его сосредоточенно-спокойное лицо и подумал, что этот человек действительно будет терпеливо ждать и час, и два, и три, ждать целую вечность, покуда не придёт нужда в одну секунду взорваться серией смертоносных движений. Сам Мэй никогда так не мог и в глубине души остро завидовал подобному уменью.

Пейзаж по эту сторону бетонного забора мало чем отличался от того, что Мэй увидел снаружи. Когда-то здесь был жилой квартал, теперь царило запустение. От разрушенных домов остались одноэтажные коробки с темными провалами окон. Асфальт тротуаров и проезжей части местами выкрошился, сквозь трещины пробивались всё те же пыльные кусты. Тихая жуть закрадывалась в сердце.

— Идут, — негромко сказал Ингленд, и Бенджамиль вздрогнул.

Из-за остова ближайшей постройки появился человек, судя по русалочьим бёдрам — женщина. Вышла на середину улицы и остановилась. Постояла, секунду осматриваясь, и присела на корточки. От стены дома отделилась вторая фигура, на этот раз мужская, и неторопливо, даже вальяжно двинулась навстречу делегации. Шамсу шумно втянул воздух. Женщина ловко, одним неуловимым движением поднялась на ноги и пошла чуть сбоку и сзади.

Мэй во все глаза рассматривал ситтеров. Мужчина был молод, лет двадцати пяти, не больше, длинное костистое лицо, углы рта брезгливо опущены книзу. Сначала Бенджамиллю показалось, что на голове у парня светлые коротенькие кудряшки, но, когда тот подошёл поближе, Бен с изумлением разглядел вместо волос массу крохотных золотых колечек. Продетые прямо сквозь кожу, они покрывали череп ситтера ото лба до затылка. Что касается одежды, то Хуан Ху явно утратил здесь пальму первенства по части яркости. Красные как кровь и блестящие, как вода, узкие брюки, ядовито-жёлтая блуза с меховым воротничком и клёпаными манжетами, высокие шнурованные ботинки-ножи с узкими стальными носами... Молодой ситтер сверкал так, что Бенджамиллю хотелось зажмуриться. Девушка была одета скромнее. В том смысле, что одежды она носила гораздо меньше: прозрачные шаровары с темным треугольником в причинном месте и острые металлические конусы, прикрывавшие соски маленьких крепких грудей. Бенджамиль усердно старался не пялиться на соблазнительную диву, но взгляд его то и дело соскальзывал то на плоский мускулистый живот с чувственной впадиной пупка, то на ложбинку повыше солнечного сплетения, то на тёмный треугольник, срывающий промежность. Кожа девушки поблёскивала, словно натёртая маслом. Её азиатское лицо с правильными чертами было равнодушно, как маска Будды (этот экземпляр своей коллекции Бенджамиль, от греха подальше, никогда не выкладывал на полку).

Ситтер остановился шагах в пяти от Ху-Ху и смерил толстяка презрительным взглядом. Девушка тоже остановилась, она развела в стороны руки с раскрытыми ладонями, демонстрируя отсутствие оружия. Бенджамиль заметил, что ногти у неё на руках плоские и длинные. Не ногти, а заострённые кусочки жести. При этом девушка, не отрываясь, смотрела на Ингленда. Она сразу выбрала его из всей компании и интересовалась теперь исключительно его персоной. Ингленд, криво усмехнувшись, распахнул полы сюртука. Девушка удовлетворённо качнула головой и стала смотреть куда-то в сторону.

— Будут ждать наблюдателя, — негромко сказал Ингленд.

Бен уже участвовал в подобных переговорах и знал, что, кроме двух заинтересованных сторон, во встрече обычно участвует наблюдатель от той группировки, что контролирует район, прилегающий к воротам. Роль этого персонажа всегда представлялась Бенджамиллю в загадочном и полумистическом свете. Наблюдатели приходили, равнодушно смотрели за происходящим и уходили. Они никогда не пытались подойти ближе чем на полтора десятка шагов, ни во что не вмешивались и не высказывали никакого интереса к теме разговора. Но при этом без их участия не начинался ни один диалог.

Бен поглядел в ту же сторону, куда смотрела девушка-ситтер, и увидел пожилого горбоносого мужчину с высоким седым гребнем на голове. Наблюдатель вышел к перекрёстку и остановился на почтительном расстоянии, всем своим видом показывая, что теперь приличия соблюдены. Глядя на его скучающее лицо, Бенджамиль вдруг сообразил, что сейчас потребуются его услуги, а он понятия не имеет, на каком диалекте пойдёт разговор.

— Хам, — скучно сказал обладатель золотой причёски.

На лице мастера Ху появилось вопросительное выражение. Суетливый Шамсу тихонько дёрнул Бена за полу френча.

— Он здоровается, — перевел Мэй. — Я спрошу его, из какой он семьи?

— Он из Кабуки, — не поворачивая головы, сказал Ингленд.

— Спросите его, согласны ли они на наше предложение? — приказал Ху-Ху.

На секунду Мэй задумался, затем принялся переводить:

— Хам, автате. — Бенджамиль слегка поклонился. — Дасьте твоих башан с... матури кадамой?.. Надо уточнять, с каким именно предложением?

— Нет, — сердито сказал Ху-Ху.

— ...с кадамой ты ноу?

— Нету ты! — Ситтер надменно вскинул подбородок, и Бенджамиль вздрогнул: меховой воротничок его рубахи завозился, оскалил мелкие зубы и оказался здоровенной ручной крысой.

Золотоволосый плюнул себе под ноги, развернулся и зашагал прочь.

— Нет, — перевёл Мэй и подумал ошарашенно: «Поговорили!»

Девушка постояла, пощупала Ингланда злыми раскосыми глазами, затем повернулась и, раскачивая бёдрами, двинулась за своим боссом. Седой гребень на той стороне перекрёстка растворился ещё раньше, исчез, как будто его и не было. Бенджамиль растерянно посмотрел на мастера Ху-Ху и растерялся ещё больше. Толстый хайдрай в войлочных туфлях улыбался сытой и довольной улыбкой.

Возле прыгуна Ингленд приостановился, пропуская вперёд начальство.

— Видал девчонку?! — спросил он Бенджамилля. — Такая ногтём зарежет и не икнёт, курва! — Глаза его блеснули нехорошим бешеным возбуждением.

Ху-Ху вполголоса сказал что-то Шамсу и полез в машину. Ингленд полез следом. Шамсу придержал Мэя возле лесенки.

— Мастер Ху чрезвычайно доволен вашей работой! — торжественно объявил секретарь, пожимая Бенджамиллю руку. — Он рассмотрит вопрос об оплате ваших сверхурочных в двойном размере. Станция трубы в десяти кварталах отсюда, идите по асфальтированной дороге и никуда не сворачивайте. Приятных выходных, мистер Мэй!

С этими словами Шамсу проворно взбежал по трапу и нырнул в проем люка.

— Не стойте рядом с двигателями! — крикнул он, закрывая входной люк. — И рот откройте, а то заложит уши!

Ошалевший, ничего не понимающий Бен, открыв рот, сделал несколько шагов назад. Вишнёво-красный аппарат заурчал, потом заклекотал, потом завизжал, присел на коротеньких ножках и длинным смачным плевком выстрелил себя в предзакатное небо, обдав Бена горячими клубами выхлопа.

Глава 3

— Невероятно! — бормотал Мэй, пересекая очередную сегментарную улицу. — Не могу поверить, что это происходит наяву! Они просто бросили меня и всё! Какого хрена я буду делать в чёрном буфере?

Бенджамиль был уверен, что жирная свинья Ху-Ху просто пожалел горячего на лишнюю посадку или торопился в свою загородную резиденцию. Курти болтал однажды, будто Ху-Ху не живёт, подобно рядовым служащим компании, где-нибудь в сине-жёлтом секторе аутсайда, а имеет личный трёхэтажный домик за кольцом соевых плантаций. Что ж, звучит весьма правдоподобно. Особенно если учесть, что речь идёт о человеке, летающем на персональном прыгуне. Интересно, куда Ху-Ху денет секретаря и телохранителя? Или, может, Ингленд живёт в доме Ху-Ху? Бен почувствовал, что окончательно запутался. «Всё тривиальней, — подумал он с тоской. — Просто мастеру Ху-Ху наплевать на такого таракана, как я. Просто я, Бенджамиль Мэй, не укладываюсь в систему его мироощущений из-за своего мизерного размера. Вот и весь секрет».

Бен тяжело вздохнул и остановился. Сколько он миновал кварталов? Двенадцать? Пятнадцать? Сумерки сгущались с невероятной быстротой. Бен взглянул на часы: половина десятого. Даже если к десяти он доберётся до станции, ему потребуется три часа, чтобы пересечь чёрный буфер, затем ещё три на кольцо «индастри», не меньше двух часов на белый буфер и почти столько же на «воротничок». Итого — без малого двенадцать часов. Бену хотелось заплакать.

Тишина на серых пустынных улицах сгущалась вместе с сумерками. Ни души, только невнятные жутковатые шорохи да обрывки мусора, которые свежий вечерний ветерок гнал по тротуару, хотя район, вне всякого сомнения, был обитаем. Вон, загорелось окошко на пятом этаже, вон — ещё одно. На мгновение у Бенджамиля появилась безумная идея: войти в подъезд и постучать в первую попавшуюся дверь.

Бен вздохнул. Стоять на месте было гораздо страшнее, чем идти, и он пошёл вперёд, внимательно вглядываясь в асфальтовые трещины под ногами и горько сожалея о том, что в карманах нет ничего, хотя бы отдалённо напоминающего оружие. Он даже начал тоскливо оглядываться по сторонам, пытаясь высмотреть какую-нибудь палку или камень. Что угодно, лишь бы придать себе хоть капельку уверенности. Юркая тень, пискнув, метнулась из-под ног, и Мэя прошиб холодный пот.

— Это крыса, всего лишь маленькая крыса, — прошептал Бенджамиль, стараясь унять бешено бьющееся сердце, и в ту же секунду увидел светящийся край объёмной вывески.

Угол первого этажа неказистого трехэтажного дома был охвачен голубым и красным пламенем. Над широкой двустворчатой дверью горела, помаргивая, разинутая акулья пасть, в пасти мерно вращалось нечто вроде корабельного гребного винта. Вокруг зубастой головы с мертвенно-белесыми пуговками глаз пылала багровая надпись: «Х. АРЧИ, еда и питье на любой вкус». Во рту у Мэя пересохло, а на языке появился привкус соли. Бенджамиль в нерешительности остановился перед выщербленными ступенями широкого крыльца.

Сквозь металлические жалюзи окон справа и слева от входа пробивался неяркий свет. Мэй осторожно потрогал дверную ручку в форме кольца, ему очень хотелось войти, но акулья пасть над входом выглядела устрашающе. Пару минут Бенджамиль раздумывал, войти или нет, и вдруг, осенённый внезапной догадкой, быстро сунул руку за ворот рубахи. Послушный кругляш оракула сам лёг в ладонь. Поднеся руку к лицу, Бен прошептал:

— Войти или нет? — Шесть раз сжал диск во влажном кулаке и принялся читать высвечивающиеся на дисплее строчки:

Судьба коварна, берегись её,
Ножа её смертельно острие,
Коль поднесёт тебе красавиц и вино,

Остерегись — отравлено питье.

Проклятая игрушка! Бенджамиль беспомощно оглянулся: за спиной, в тени соседнего дома, ждала, поигрывая жестяными ногтями, зловещая улица чёрного буфера. Бен набрал в грудь воздуха и решительно толкнул дверь.

Мягкий бархатный свет струился по полу, отбрасывая нереальные, фантастические тени на окружающие предметы. Негромкая музыка плыла где-то над полом, чуть-чуть повыше света. Бен остановился посередине уютного и почти пустого зала. Несколько лиц лениво обернулось в его сторону.

В конце зала, прямо напротив входа, изгибалась дугой высокая стойка бара. За стойкой, подперев кулаками тяжёлую молотоподобную челюсть, расположился грузный мужчина лет пятидесяти с небольшим, полная противоположность тонкому и изящному Гансану Маншалю. Мужчина с интересом рассматривал посетителя маленькими доброжелательными глазами. Бен, ободрённый его взглядом, пересёк зал.

— Здравствуйте, сударь, — обратился он к бармену, стараясь выглядеть как можно дружелюбнее. — Могу я поговорить с хозяином этого заведения?

— Запросто, — сипло прогудел мужчина. — Хаарон Арчи к вашим услугам.

— Я, видите ли, был здесь по делам, — принялся сбивчиво объяснять Бен. — Моя фамилия Мэй, мне нужно добраться до станции тубвея. Мне объяснили, что она где-то неподалёку, но я, похоже, заблудился. Я пытался позвонить, но мой телефон, кажется, сломался. Вы позволите позвонить с вашего? Я хочу вызвать такси, мне бы...

— Ваша клипса в порядке, — прервал Бенджамиль бармен, звуки его голоса наводили на мысли о ржавом железе и застарелом бронхите. — Просто связи нет.

— Почему? — удивлённо спросил Мэй.

— Генератор объёмных помех, — туманно объяснил бармен. — Сити глушит базовую станцию.

— Зачем? — ещё больше удивился Бен.

— Это вы уж у них сами спросите! — Бармен засмеялся, словно чёрствую корку каблуком раздавили.

— Значит, позвонить вообще нельзя? — огорчился Бенджамиль.

— Отчего нельзя? — Сиплоголосый Арчи нагнулся, вытащил откуда-то прозрачный футляр и положил на стойку.

В футляре поблёскивал шарик телефона-ракушки.

— Вот, — Арчи ткнул в телефон заскорюзлым пальцем, — через китайский спутник можно.

Бен протянул было руку, но бармен быстро накрыл футляр широкой ладонью.

— Так не пойдёт, сударь, — сказал он миролюбиво. — У меня бар, а не благотворительный фонд. Закажите себе соевое рагу или шанбургер и звоните на здоровье. Моё заведение — лучшая лицензированная дыра во всей пограничной зоне. Лицензия от корпорации и лицензия от пульпы. Это вам не пустой звук, сударь.

«Дьявол!»! — подумал Бен, а вслух попросил:

— Дайте мне рагу и каких-нибудь чипсов, на ваше усмотрение.

— А еду у меня заказывают только под выпивку. — Арчи улыбнулся от уха до уха. — Такова политика заведения.

— Политика? — Бен посмотрел на хозяина круглыми глазами. — Ну хорошо, дайте к чипсам кружку тёмного пива.

— Когда я говорю «выпивка», я имею в виду настоящую выпивку. — Бармен улыбнулся ещё шире. — Мочой не торгуем.

— Я в этом не очень разбираюсь, — признался Бенджамиль. — Вы мне сами что-нибудь посоветуйте.

— Это смотря по тому, сколько вы готовы потратить, — принялся объяснять бармен, поглаживая ладонью блестящую лысину. — Самое дешёвое пойло называется «чёрный

буфер», на вкус так себе, но кишки прочищает до самой задницы. Самое дорогое — «Столичная водка», контрабанда из Байкальской Автономии. Триста марок за джилл.

— Мне чего-нибудь попроще, — жалобно попросил Бен.

— Не всякому по карману, — согласился Арчи. — Закажите «Бэксберг» из Большого Кейптауна, почти настоящий бренди, двенадцать марок за порцию.

— Бэксберг так бэксберг, — вздохнул Бенджамиль. — Сколько мне за всё заплатить? — Он оттопырил мизинец и огляделся в поисках кассового терминала.

Арчи, от души забавляясь, покрутил мощной борцовской шеей:

— Вы ведь корпи? Ну, в смысле, работаете на корпорацию.

Бен кивнул.

— Я не держу кредитного автомата, — продолжал бармен. — Да и вам ни к чему афишировать, что пили крепкое на окраине буфера. Так что готовьте наличные, сударь!

— У меня... — беспомощно начал Мэй и вспомнил, что в кармане его брюк лежат четыре сотенные банкноты, один полтинник, десятка и девять монет по одной марке.

— Семнадцать девяносто, сударь! — Бармен было нахмурился, но, видя, что клиент достаёт деньги, опять пришёл в хорошее расположение духа. — Выбирайте столик, — сказал он, указывая в зал, — через пару минут я пришлю вам заказ.

— А можно сначала позвонить? — Бен робко указал на телефон.

— Конечно. — Арчи пододвинул к Бенджамиллю футляр, но, едва тот протянул руку, снова накрыл коробочку ладонью. — Звонок будет стоить вам пять марок. — Бармен принялся загибать пальцы. — Ещё двести возьмёт с вас транспортная компания за вызов и аренду машины. В куче будет двести пять. Есть предложение: сегодня я закрываюсь в три. У меня есть мобиль. Если подождёте до закрытия, я могу подбросить вас до станции. И это обойдётся вам всего в пятьдесят. Идёт?

— Идет! — обрадованно сказал Бен.

«Этот Арчи ничего себе тип», — думал Бен, усаживаясь за маленький круглый столик.

Кроме Бенджамилля в зале сидело ещё человек семь-восемь, со стороны одного из столов доносились невнятные обрывки разговора, остальные посетители не обращали друг на друга ровным счётом никакого внимания. Не успел слегка успокоившийся Бен хоть немного оглядеться, как из-за барной стойки выкатил шустрый коротышка-робот с вытянутой каплеобразной головой и поставил перед Мэем тарелку с дымящимся рагу, блюдец с чипсами и широкий толстостенный стакан с коричневатой, терпко пахнущей жидкостью. Видимо, в чёрном буфере плевали на пятнадцатую поправку к закону Киттеля. Бенджамиль понюхал рагу и осторожно пригубил бренди. Бен ещё никогда не пробовал такого крепкого напитка. Светло-коричневая жидкость словно огнём обожгла горло и язык, но через мгновение горечь ожога рассыпалась приятным теплом и потекла по гортани вкусом жжёного сахара. Бенджамиллю всегда нравилось пиво, а ещё больше синтетические вина, он иногда покупал их в торговом центре бело-оранжевого сектора аутсайда, но бренди... это было что-то. Мэй отхлебнул смелее и принялся за рагу. Только сейчас он понял, насколько проголодался. Рагу оказалось вполне съедобным, а главное, горячим, алкоголь легчайшей волной ударил в голову, и вечернее приключение уже начало казаться Бену не таким страшным, как вначале.

Внезапно струившаяся над полом мелодия умолкла, свет погас совсем, но через секунду вспыхнули три красных прожектора под потолком, а на маленькой круглой сцене посреди зала невесть откуда появились двое подростков, ампутогенов лет четырнадцати. Они были похожи на ядрышки орехов в скорлупе своих механических коконов. Вязкую вату тишины взорвал удар ритмической музыки в стиле рифф-рафф, и ампутогены начали танцевать. Их механические руки и ноги разом пришли в движение, они изгибались, выворачивались, вращались с характерным жужжанием сервоприводов, в несколько раз усиленным динамиками. Головы и тела ампутогенов оставались почти неподвижными, но что при этом выделяли их конечности!

Бенджамиль глядел как зачарованный, изо всех сил пытаясь уследить за перемещением

блестящих стержней, гофрированных трубок и никелированных шарниров. Он так увлёкся танцем, что не заметил, когда успела появиться она, высокая черноволосая девушка. Или женщина? Нет, всё-таки девушка. Она остановилась рядом со сценой и обвела зал внимательным, неторопливо-высокомерным взглядом. Её гладкие волосы, подстриженные каре, блестели в свете прожекторов, будто полированная эмаль. Она была невероятно красива. На девушке был надет плотно облегавший всё тело бархатно-красный костюм с глубоким узким декольте. Если прищурить глаза, можно было вообразить, что на ней и вовсе нет костюма, что всё её тело просто выкрашено ещё не просохшей, влажноватой краской цвета темной розы. Черноволосая красавица, не обращая внимания на танцующих ампутогенов, успешно завершила процесс прицеливания, наметила нужный объект и умопомрачительной походкой двинулась к свободному столику, соседствующему со столиком Бенджамиля. Под мышкой она несла яркий мохнатый свёрток.

Обогнув столик по изящной дуге, девушка уселась на мягкое сиденье спиной к Мэю, и разочарованные взгляды посетителей вернулись к стаканам и тарелкам.

Рифф-рафф сменился чем-то тягучим, ампутогены замедлили свою бешеную пляску и плавно закружились по сцене. Мэй вздрогнул, почувствовав слабый толчок в ногу, и поглядел вниз. Возле его ботинка, высунув розовый язык, сидел мохнатый свёрток. Выпуклые внимательные глаза изучали Бенджамиля с бесцеремонным любопытством. Бен осторожно отодвинул ногу, свёрток зарычал и оскалил мелкие белые зубки.

— Фу! — неожиданно сказала красивая соседка, нагибаясь к свёртку, и добавила строго: — Нельзя!

Свёрток убрал зубки и замотал пушистым султаном хвоста.

— Не бойтесь, — сказала девушка, оборачиваясь к Бенджамилю. — Он послушный, его зовут Чу-Чу. Почему вы смеётесь? Вам не нравится мой робопёс? — Девушка нахмурилась.

— Нет, нет, нравится, — поспешил заверить соседку Бен. — Просто моего начальника зовут почти так же.

Девушка просияла ослепительной, многозубой улыбкой. Она была не просто красива, она была чертовски красива.

— Не люблю увечных, — сказала соседка, показывая на сцену. — Вы здесь один?

Бен ошалело кивнул.

— Сдвоим?

Бен кивнул вторично, и девушка перешла за его столик. Прежде чем сесть напротив Бена, она подхватила своего робопса с пола и усадила на свободный стул.

— Тихо! Сидеть! — приказала она грозно, и маленькое пучеглазое создание со злобно торчащей вперёд челюстью послушно замерло, слегка подрагивая висячими ушами.

— Какой он породы? — спросил Мэй, разглядывая очаровательную собеседницу.

— Чу-Чу пекинес, — сообщила девушка, поправляя на собаке цветную попонку. — Это китайская порода. Раньше императоры клали их себе под голову вместо подушки. — Девушка засмеялась. — Они вообще-то не должны быть злобными, но Чу-Чу откусил бы императору ухо. Как вас зовут?

— Бен... Бенджамил Мэй.

— А меня зовут Кристмас, можно Кристи.

— Кристмас. Редкое имя. — Бен так разволновался, что залпом допил бренди и закашлялся.

— И редкое, и неудобное, — подтвердила девушка. — Предпочитаю Кристи. Послушайте, Бен, я бы тоже с удовольствием чего-нибудь выпила...

Вспыхивали и гасли потолочные фонари, цветные огни, бегущие по краю сцены, подсвечивали бренди в бокалах то жёлтым, то зелёным. Ампутогены вертелись в своих протезных корпусах, словно пропеллеры.

Кристмас, смеясь, сделала изрядный глоток бэксберга:

— А можешь сказать по-китайски: «Как поживает ваша драгоценная супруга»?!

— Легко! — Бен взмахнул рукой, едва не опрокинув стакан. — Нидэ айжинь кодэ цзынмаян? Супруга поживает недурно!

— Дзыньмянь! — хохотала Кристи. — А как сказать: «Дайте, пожалуйста, кружку пива»?

— Чин кыйво ичжа пхитю! Только они здесь пиво не держат, говорят: моча.

— Ну и не надо! — сказала Кристи, нагибаясь к Бенджамиллю через стол. — Бренди мне нравится больше.

Губы у неё были сочные и влажные, совершенно того же тона, что и платье. Бен с трудом подавил опасный соблазн.

— Гарсон! — крикнул он, пьяно щелкая пальцами. — Ещё два бренди!

— А как будет: «Проводите меня, пожалуйста, до дома»? — спросила Кристи.

— Чин сунво ися... — автоматически перевёл Бен. — Что?

Подъехавший робот поставил на столик заказанный напиток.

— Мне и в самом деле пора. — Кристмас вдруг погрузилась, взяла свой стакан и залпом выпила его содержимое.

— Я действительно могу тебя проводить, — предложил Бен.

Ему так не хотелось отпускать от себя эту волшебную девушку, порочную и невинную, источающую сладкий аромат желания, что его уже не путали мрачные улицы чёрного буфера.

— Хорошо. — Кристи, прищурившись, коснулась кончиками пальцев его щеки. — Если хочешь, можешь остаться со мной, а утром я подброшу тебя до трубы, у меня есть инерпед.

Бенджамиль едва не задохнулся, когда лёгкие пальцы скользнули по его губам. Девушка поманила Чу-Чу и направилась к выходу. Бенджамиль оставил на столике недопитый стакан и, размашисто ступая, подошёл к барной стойке.

— Сколько я должен, сударь? — спросил Мэй, нетерпеливо оглядываясь через плечо.

— Девяносто шесть марок, сударь. — Лысый здоровяк фамильярно подмигнул Бену и прибавил, ухмыльнувшись: — А ты везунчик.

Бенджамиль выложил на стойку сотенную купюру, отказался от сдачи и почти побежал к выходу.

Кристмас ждала на крыльце. Она взяла Бена под руку, и они пошли посередине проезжей части. Робопес деловито трусил впереди, бдительно зыркая по сторонам выпуклыми глазищами. Прохладный воздух быстро освежил Бена, хотя лихорадочное напряжение от этого только усилилось. Личность Бена словно бы разделилась на три части. Один Бен готов был лопнуть от наполнявших его флюидов возбуждения, он не думал ни о чём, кроме идущей рядом девушки, другой Бен думал об Ирэн и загодя мучился угрызениями совести, третий пытался уверить двух первых, что ничего предосудительного он делать не станет.

— У тебя здесь квартира? — спросил Бенджамиль, чтобы отогнать от себя безумные мысли.

Кристи молча кивнула.

— А ты говорила, что тоже живёшь в аутсайде?

— Живу там, работаю здесь, — пожала плечами девушка. — Снимать квартиру удобней, чем ездить по трубе.

— А кем ты работаешь? — Бен чувствовал локтём горячий бок девушки.

— Это неинтересно, — уклончиво ответила Кристи. — Я тоже тебя хочу кое о чём спросить. После рабочей недели в буфер приезжает куча народа из «воротничка». Здесь можно повеселиться, и никто не проверит, что ты пил, с кем был, что нюхал, что курил. Чёртова уйма народу катит сюда тратить свои денежки. Признайся, Бен, вся история с твоим боссом и его прыгуном — туфта? Ты приехал сюда выпустить пар, а мне просто оттянул уши?

Ещё в середине вечера Бен рассказал Кристи про свои злоключения, опустив только

историю с оракулом, а она, получается, не поверила ни единому слову, хотя кивала вполне убедительно. Бен даже немного обиделся, но спорить не стал.

— Всё верно, — сказал он покорно. — Я просто придумал забавную историю. Кому от этого плохо?

— Никому, — сказала Кристи и улыбнулась своим потаённым мыслям.

Так, время от времени перебрасываясь короткими фразами, они прошли пару кварталов, и Кристи свернула с дороги в глубь дворов.

— Нам туда? — обеспокоенно спросил Бен.

— Так ближе, — нетерпеливо бросила Кристи.

— Может, лучше по дороге?

— Здесь не опаснее, чем на дороге, — ответила девушка. — Кроме того, мой Чу-Чу эффективнее мелкокалиберного пистолета. Волноваться не о чем.

Но чем дальше они углублялись в путаницу переулков, тем беспокойнее становилась Кристи. Она всё ускоряла шаг, то и дело тревожно озираясь по сторонам, будто что-то высматривая. Наконец Кристмас резко остановилась и сказала, указывая на ближайший подъезд:

— Ну всё! Мне надо туда зайти.

— Это твой дом? — удивился Мэй.

Здание выглядело запущенным и совсем не жилым.

— О, господи! Конечно, нет! Просто я уже давно хочу пи-пи, — заявила девушка и с вызовом уставилась на Бена.

Бен оглянулся на подъезд. Тускло освещённый проем с приоткрытой дверью разом разбудил все дремавшие в нем страхи.

— Там никто не живёт, — сказала Кристи, делая шаг к дому. — Чу-Чу покараулит снизу, а ты, если не хочешь оставаться на улице, тоже зайди в подъезд.

Они поднялись на третий этаж по пыльной лестнице, тускло освещённой люминофорными пластинами. Кристи остановилась возле обшарпанной углепластиковой двери, словно чего-то ожидая. Бен хотел пройти дальше, но, сам не зная почему, тоже остановился на последней ступеньке и привалился спиной к стене.

— Как будет по-китайски: «Я хочу тебя»? — голос девушки прозвучал хрипло и негромко.

Ноги Бенджамилля сделались ватными, а Кристмас ловко скинула с ног бордовые туфли и шагнула на середину площадки. Она стояла босиком на грязном бетоне, неизъяснимо прекрасная и развратная.

Девушка взялась двумя руками за тонкое ожерелье на шее, и с её блестящим, как полированный металл, костюмом начали происходить невероятные вещи. В одно мгновение он потерял блеск, распался на тысячу лоскутков, которые осыпались на бетонный пол, подобно лепесткам увядшей розы. Кристи скользнула к Бенджамиллю, обхватила его голову руками и нежно поцеловала в губы. Сначала Бен отшатнулся от этого влажного, умелого прикосновения, затем сжал голую девушку в объятьях, иступлённо и страстно целуя её лицо, чувствуя, как ловкие нетерпеливые пальцы расстёгивают его рубашку и брюки. Они стояли покачиваясь, точно пьяные, пока Бен осторожно не опустил девушку прямо в рассыпанные по полу темно-красные лепестки. А когда Кристмас тихо застонала, он явственно почувствовал запах розы.

Девушка осторожно перешагнула через лежащего на боку мужчину, подобрала бордовые туфли на высоком перфорированном каблуке и прижала пальцем клипсу наушного телефона. Ещё раз переступив через лежащего мужчину, она негромко проговорила, обращаясь к невидимому собеседнику:

— Азиз... Да... Всё в лучшем виде... Да... Дом пять, дробь тринадцать. Даю сигнал.

Девушка ещё постояла, разглядывая человека на бетонном полу, потом потянула за ожерелье, и новый, темно-жёлтый блестящий костюм разлился по груди, по животу и ногам,

послушно повторяя все изгибы соблазнительного упругого тела.

Глава 4

Въедливый мужской баритон бубнил где-то на грани сознания:

— ...обращаться исключительно к её личному адвокату, мистеру Аязу Йоргу.

«Какой нелепый, дикий сон!» — подумал Бен, постепенно возвращаясь к реальности.

— Бенджамиль Френсис Мэй! Бенджамиль Френсис Мэй! — с упорством школьного наставника повторял незнакомый бесстрастный голос. — Пожалуйста, прослушайте официальное сообщение...

Бенджамиль с трудом раскрыл глаза. Он сидел в чудовищно неудобной позе, привалившись спиной к полуразрушенной стене парковой беседки. Из разбитых балясин каменного ограждения во все стороны торчали ржавые усы арматуры. Застонав от боли в затёкшей шее, Бен осторожно повернул голову. Мусор, жухлая трава, измученные подагрой тополя с поломанными ветками, аллейки, выложенные растрескавшейся плиткой, щербатые каменные скамейки. Никогда в жизни Бен не видел этого места и не имел ни малейшего понятия, как умудрился здесь оказаться.

— Бенджамиль Френсис Мэй! Пожалуйста, прослушайте официальное сообщение, — голос доносился откуда-то снизу.

Бен поглядел вниз и ровным счётом ничего не увидел.

— Бенджамиль Френсис Мэй...

Осенённый ужасной догадкой, Мэй принялся судорожно расстёгивать штаны. Так и есть! Голос звучал из микродинамика, вшитого в ярлычок трусов:

— ...прослушайте официальное сообщение. Вашей бывшей супругой Ириной фон Гирш выдвинут иск о расторжении брачного контракта на основании неоспоримого факта супружеской измены со стороны ответчика. Иск удовлетворён, и расторжение гостевого брака зафиксировано двенадцатым отделением судебной комиссии. Декларация о намерениях по заключению стационарного брака аннулирована. Мисс фон Гирш настоятельно просит вас по всем спорным вопросам обращаться к её личному адвокату, мистеру Аязу Йоргу.

Чёрт! Чёрт! Чёрт возьми! Бен с трудом поднялся на ноги. Все происшествия прошлой ночи медленно и неумолимо всплывали в его памяти.

— Мистер Мэй, — не унимался микродинамик, — нанодетектор супружеской измены во избежание нелегального использования отключён и отслоился от стенки уретры. Для успешной деимплантации необходимо произвести мочеиспускание.

Придерживая штаны, Бен забежал за угол беседки.

— Благодарим за содействие, — через полминуты сообщил голос. — Деимплантация успешно завершена. Приятных выходных, мистер Мэй.

Не помня себя от бешенства, Бенджамиль оборвал с трусов ярлычок и швырнул его в сухую траву. Нужды в этом, похоже, уже не было, динамик молчал.

Пошатываясь, Бенджамиль обогнул беседку. На том месте, где он только что сидел, расположился неведь откуда взявшийся оборванец с нечёсаной бородой, на арси таких зовут батоны. Мэй подумал, что, наверное, он должен удивиться, но лимит его эмоций исчерпался. Бенджамиль был сбит, раздавлен и размазан по асфальту, кроме того, невыносимо болела голова.

Он остановился, равнодушно глядя на нищего сверху вниз. Батон хрипло хихикнул и подвинулся, уступая место. Бенджамиль опустился прямо на землю и обхватил руками колени. Батон хихикнул ещё раз, его прямо-таки распирало от веселья.

— Чему вы радуетесь? — устало спросил Мэй.

— Первый раз вижу парня, разговаривающего с собственным членом, — радостно объяснил оборванец, ему уже давно хотелось поговорить, но начать первым он не решался.

— Не с членом, с трусами, — равнодушно поправил Бен. — До разговоров с членом я

ещё не докатился.

— Первый раз вижу большего сумасшедшего, чем я сам! — Батон аж затрясся в приступе восторга. — Это надо sprysнуть! — Он извлёк из-за пазухи плоскую бутылку и протянул Мэю: — Хлебните, сударь, вам сразу полегчает.

Бенджамиль с сомнением глянул на поцарапанную руку с не очень чистыми ногтями.

— Не беспокойтесь, — заверил бродяга. — Я чистый, я моюсь раз в неделю, по крайней мере пока тепло. А если от меня пахнет, то не берите в голову — это просто специфический способ профилактики паразитов. Моё ноу-хау.

В бутылке плескалось на два пальца мутноватой жидкости. Бенджамиль решительно отвернул пробку и сделал изрядный глоток. Сначала ему показалось, что его стошнит. Он с трудом подавил спазм и проглотил алкоголь. В желудке потеплело, а головная боль отступила куда-то в область шейных позвонков.

Батон одобрительно крикнул и, приняв бутылку из рук Бенджамилля, одним духом прикончил её содержимое.

— Меня зовут Мучи, — доверительно сообщил он, с сожалением разглядывая пустую бутылку на свет.

— Очень приятно, — пробормотал Бен.

— Это уменьшительное от Мусима. — Батон хихикнул и добавил мечтательно: — Вот если б у вас нашлась пара монет, я бы сгонял за выпивкой.

Бенджамиль машинально сунул руку в карман и обнаружил там пустоту. Проверил другой карман. Пусто! Бен принялся тщательно ощупывать и обыскивать свою одежду. Результаты осмотра оказались плачевны. Исчезла транспортная карточка, исчезла карта медицинского кредита, интельблок, вся оставшаяся у Бена наличность, исчезли наручные часы с активным стереоэкраном. Оракул, к немалому облегчению, остался на месте, видимо, его сочли бесполезной игрушкой, да из бокового кармана френча Бен выудил одинокую монетку. Пару секунд он смотрел на блестящий кругляшок, а потом захохотал как сумасшедший, безжалостно колотя кулаком по своему колену.

Перепуганный батон быстро отодвинулся подальше и наблюдал приступ беспричинного веселья с почтительного расстояния. Вволю насмеявшись, Бен провёл пальцами по уху и убедился, что клипса телефона откочевала вместе с часами. Бенджамиль взялся за другое ухо и вскрикнул от боли. Под пальцами оказалось нечто толстое, заскорузлое и чрезвычайно болючее.

— Эй! Как вас там? Мучи, поглядите-ка, что у меня на ухе.

Батон поднялся на ноги, опасливо приблизился и, вытягивая заросшую диким волосом шею, оглядел ухо, которое Бен осторожно оттопыривал пальцами.

— Там пластырь, — сказал он наконец. — Весь в засохшей крови. Будто фурункул вырезали.

— Так! — сквозь зубы сказал Бенджамиль. — Служебный-то им на кой понадобился?

Он, страдальчески морщась, как мог, ощупал правое ухо и убедился, что вместо служебного телефона он имеет болезненный порез на наружной поверхности ушной раковины.

— Где можно найти патрульных? — спросил Бен, решительно поднимаясь на ноги.

— Там. — Мучи махнул рукой вдоль вымощенной битыми плитками дорожки. — Они проезжают время от времени мимо ограды.

— Покажете?

— Нет. — Бродяга замотал головой. — Я со стопами не дружу. Они, знаете ли, совсем не верят в бога. О чём мне с ними разговаривать?

— Нет так нет. — Бен невесело усмехнулся, протянул Мучи единственную блестящую монетку и пошёл в указанном направлении.

Полосатый фургон был припаркован недалеко от угла парковой ограды. Два стоппера стояли возле бронированной дверцы. Они курили, время от времени передавая друг другу

помятый чинарик. Да! Видимо, нравы в чёрном буфере царили самые вольные. Корпорация не одобряет курения, а страж порядка должен быть в три раза большим корпи, чем любой из прочих служащих. Похоже, что и сами стопы прекрасно это понимали. При виде подходящего Бена один из них бросил окуроч на землю и старательно раздавил его каблукоч, другой положил руку на ствольную коробку висящего сбоку автомата.

Бенджамиль остановился, открыл рот и понял, что не знает, с чего начать разговор. Ему не разу в жизни не приходилось прибегать к помощи офицера. О! Офицера! Не мистера, не мастера, не сударя. Надо сказать: «Офицер». Офицер... А дальше как? Стопперы смотрели на Бена выжидательно и помогать ему явно не собирались. Тот, что выбросил окуроч, тоже положил руку на автомат. На груди его дефендера Бен вдруг разглядел нашивку с надписью «М. Мюллер». Если нашивка на дефендере, дефендер на офицере, то и обращаться к оному следует: офицер Мюллер, справедливо рассудил Бен, но обратиться не успел.

— Чего надо? — неприветливо спросил стоп, который стоял справа.

Бен обернулся к нему и с удивлением обнаружил на груди его дефендера точно такую же нашивку, что и у первого патрульного. На аккуратном сереньком прямоугольнике значилось: «М. Мюллер». Бенджамиль растерялся. На братьев эти двое совсем не походили, разве что ростом. Один смуглый и черноглазый, другой блондин с крашенными хной бровями.

— Или говори, чего надо, или проваливай! — агрессивно сказал смуглый.

— А можно без грубостей, офицер Мюллер! — неожиданно для себя разозлился Бен. — Мало того, что меня бросили в буфере, мало того, что ограбили и накачали какой-то гадостью, так теперь мне ещё грубит представитель закона!

— Поспокойнее, мистер, давайте по порядку, — примирительно сказал красновровый. — Как ваше имя? Когда вас ограбили? Что забрали?

— Моя фамилия Мэй, — начал Бенджамиль по порядку. — Ограбили сегодня ночью, забрали транспортную карточку, блок карманный забрали, деньги. Мне домой нужно добраться, а я даже не знаю, где станция.

— Вам угрожали оружием?

— Нет. — Бен замотал головой. — Накачали какой-то дрянью, и я потерял сознание.

— Накачали, в смысле затолкали в рот? — нахмурился блондин.

— Нет... — начал было Мэй, но осёкся на полуслове: не очень-то хотелось посвящать этих громил в подробности личного плана, — сделали укол.

— Укололи куда?

— Э... куда-то в спину. Я не помню. — Бен сильно потёр лоб.

— Спиртное принимали? — быстро спросил смуглый.

— Что вы имеете в виду!? — возмутился Бен.

— Ничего, просто запах от вас, — пожал плечами патрульный.

— Ладно! Лезьте в машину! — распорядился блондин. — Разберёмся. — Он снял с пояса нечто вроде фонарика и дважды осветил им Бена с головы до пяток.

— Чисто, — сказал смуглый.

И Бенджамиль, пригнув голову, забрался в фургон, вся внутренность которого была обита упругим пластиком. Бена усадили в кресло и пристегнули ремнём.

— Не волнуйтесь, — успокоил блондин. — Маленькая формальность. Али! — крикнул он в сторону водительской кабины. — Дай идентификатор!

Бронева шторка отодвинулась, и в салон заглянул третий стоп. Он протянул смуглому треугольную коробку. На груди нового патрульного тоже была нашивка. На нашивке значилось: «М. Смит».

Смуглый повозился с коробкой и протянул Маю:

— Внятно и полностью назовите своё имя и приложите вот сюда правую ладонь.

Несмотря на нарастающее чувство протеста, Бен решил не спорить.

— Бенджамиль Френсис Мэй! — сказал он внятно и прижал ладонь к мерзкой желеобразной субстанции.

— Так, — зачитал блондин с монитора. — Бенджамиль Френсис Мэй, тридцать пять лет, неуплата налогов, несанкционированное проникновение, торговля нелегализованными наркотиками, подозрение в двойном убийстве. Отбегался, голубчик.

— Это не я!!! — в ужасе закричал Мэй и изо всех сил рванулся прочь из кресла.

Блондин быстро выбросил вперёд руку. Ставший гибким, словно плётка, стек электрошокера полоснул Бена по шее. Всё тело свело судорогой боли, и Бенджамиль второй раз за сегодняшний день потерял сознание.

— Учти, ублюдок, мы сначала трахаем, а потом ухаживаем! — заорал смуглый, нагибаясь к самому лицу задержанного, потом пощупал пульс пониже уха и спросил задумчиво: — Френсис Мэй. Как это пишется?

— Погляди на мониторе, — бросил через плечо светловолосый и крикнул в сторону кабины: — Али! Вызывай транспорт из участка!

В просторном помещении пятьдесят второго правоохранительного участка, несмотря на высокие потолки, царила тропическая духота. Влажная рубашка липла к спине. Бенджамиль ещё раз тряхнул решётку и бессильно прислонился лбом к прутьям из углепластика.

— ...Ну, и чё ты думаешь? — рассказывали где-то сзади. — Поймали мы этого подонка, измолотили трубами, потом отрезали его поганый член и запихали прямо в поганую глотку!

— Эта правильно! — одобрили рассказчика. — Нечего чужих баб лапать! Только член надо было выкинуть или сжечь, чтобы обратно не пришили. Щас члены пришивают быстрее пальцев. И главное, всё функционирует ещё лучше чем раньше, у кого не стоял — встанет.

— Да ну? — изумилось сразу несколько голосов, а самый скептический усомнился: — Так это, небось, в «воротничке» или в аутсайде.

— Сам ты «в аутсайде»! — горячо возразил знаток хирургии. — Я этого буфа даже знаю немного — Джозеф Шестерня! Слыхал про такого?

— Надо всем легавым отрезать, а потом пришить! — предложил ехидный голос. — Может, и у них стоять начнут!

И вся аудитория зашлась в довольном гоготе.

«Боже мой, — отрешённо подумал Бенджамиль. — Они говорят „легавый“, понятия не имея, что означает это слово, за всю свою жизнь ни разу не увидев ни одной настоящей собаки». — «Ха-ха! Ты тоже никогда не видел легавой, — возразил незнакомый наглый голос в голове. — Из тварей божьих ты видел одних людей. Да и то неплохо было бы разобраться, божьи ли они твари?»

— Ах ты, курва, б...дь толстожопая! — истошно заорали в противоположном конце кишки. — Куда ты щелишь свой мажап, падла?!

Бенджамиль, страдальчески морщась, оглянулся. В длинный зигзагообразный коридор, огороженный со всех сторон решёткой, было напихано человек сто. Люди сидели на невысокой скамье без спинки, на полу, опершись спиной о решётку, просто стояли, ухватившись руками за углепластиковые стержни. Кто-то курил, прикрывая огонёк сигареты ладонью, кто-то разговаривал, кто-то бранился, кто-то дремал. Время от времени стопы кого-нибудь забирали и уводили. Время от времени кого-нибудь заталкивали внутрь через одну из шести узких дверей, и потревоженное сообщество арестантов приходило в движение, точно вода в глубокой луже. Иногда вспыхивали яростные ссоры. Но до драки дело не доходило. Противники быстро остывали, и конфликт вырождался в вялое затяжное переругивание.

Обнесённый решёткой коридор располагался в самом центре огромного зала пятьдесят второго правоохранительного участка, и все обитатели называли его кишкой или кишечником. Когда только что отошедший от электрошока Бенджамиль, слегка заикаясь, спросил у соседа, почему именно кишка, сосед, ухмыльнувшись, ответил:

— Потому что отсюда попадают прямо в жопу.

Ссора в дальнем конце кишки не унималась. От шумного лабиринта столов и

невысоких перегородок отделился стоппер в фуражке, с длинным шестом разрядника в руке. Брезгливо-высокомерный, он прошествовал в направлении нарушителей тишины и несколько раз, не целясь, ткнул шокером сквозь прутья. Кто-то истошно завизжал. Народ, запинаясь и падая, полез в разные стороны. Сочтя дело сделанным, стоп двинулся вдоль кишки, лениво ударяя задним концом своей электрической пики по решётке.

— Мистер офицер! Мистер офицер! — принялся звать Бен. — Меня зовут Бенджамиль Мэй, я служащий корпорации. Произошла ошибка! Я никогда не торговал наркотиками! Я сижу здесь уже четыре часа! Мистер офицер!

Эта зараза не вела даже ухом.

— Эй, буфы, мать вашу! Заткните кто-нибудь пасть этому ублюдку! Или я щас сам подлезу!!! — взревел хрипловатый бас.

— Сам заткнись! — лениво отозвался худой парень с жутким спиралеобразным шрамом на бритой голове и с угольно-черными блестящими прямоугольниками вместо бровей. — Это наш циви, пусть орёт сколько хочет.

Бен уже знал, что парня зовут Тимом. Сквозь толпу протолкался здоровенный амбал с разноцветной пигментацией на щеках. Лоб в два пальца высотой, белок левого глаза заплыл кровью. Спина Бенджамилля в который раз за сегодняшний день покрылась холодным потом, но внимание здоровяка уже всецело приковал к себе Тим.

— Да ты кто такой, чтобы указывать?! — Красноглазый угрожающе нагнул бычью шею.

— Это ты кто такой? — нагло парировал Тим. — Меня-то в сине-салатовом любая крыса знает.

— А мне насрать!!! — надсаждался амбал. — Я в своём районе!

— Не гони, снайпер! — Бритый Тим ловко вскочил на ноги. — А то мы с Мани тебя упакуем! Где я не допрыгну, там он достанет. Эй, Мани? Закопаем снайпера?

Мани в полосатом платке молча оскалил красные пластиковые зубы.

— Эй, хватит тявкать, все, — неожиданно вмешался в разговор третий голос. — Потолкались и будет.

Бен тихонько покосился через плечо. Говорил Будда, невысокий плотный мужчина с восточными чертами лица. Его гладкое, абсолютно круглое лицо излучало спокойствие, маленький рот улыбался. Говорил он всегда негромко, но Бен уже заметил, что окружающие к нему прислушиваются и практически всегда следуют его ненавязчивым распоряжениям.

— Как скажешь, папаша. — Тим тут же уселся на место.

— Я в своём районе! — угрюмо повторил здоровяк, хотя по всему было видно, что его боевой накал пошёл на убыль. — А этих трэчеров всё одно пропишут. От них же пульпой на десять шагов тянет. Вставят им по имплохе в артерию — и в периметр, на работы. Че они мне наступают?

— Ты снайпер, да? — наставительно сказал Будда. — Вот и держись своей бранжи. И пацаны к тебе вязаться не будут. Тебя за что забрали?

— Жене руку сломал, — ослабился амбал.

— Тем паче, — покивал лысой головой Будда, — оштрафуют и выпустят. Пойдёшь обратно рычаги давить. А будешь шуметь, могут периметр прописать месяцев на шесть. Сечёшь? А цивильный пусть покричит, после шока полезно, когда его сюда приволокли, он аж синий был.

Амбал поворчал ещё немного себе под нос, потом поплёлся куда-то вбок и исчез из поля зрения. Тим, Мани и ещё один типчик со свёрнутым носом принялись играть в какую-то игру на пальцах.

— Иди посиди маленько, я подвинусь, — предложил Бенджамиллю Будда.

Бен только помотал головой. Ему давно хотелось в туалет. В самой середине кишки торчал исцарапанный пластиковый унитаз, но Бен представлял себе, что нужно будет проталкиваться сквозь одуревшую от безделья толпу, потом гнать кого-то, рассеявшегося на очке, будто на стуле, потом расстёгивать штаны перед десятками беспардонных зрителей и

терпел, терпел, терпел...

Недалеко от места, где стоял Бен, опять раздались крики и брань. На этот раз Фемида явилась в лице молодого парня с нашивкой «Д. Смит» на груди форменного комбинезона. Пока охранник дошёл до решётки, ссора улеглась сама собой, и он в нерешительности остановился как раз напротив Бена.

— Мистер Смит! Офицер! — возопил Бен, изо всех сил стараясь просунуть голову сквозь углепластик. — Выслушайте меня, ради всего святого! Произошла ошибка! Они, наверное, перепутали файл. Я служащий компании «Счастливый Шульц». Я здесь уже четыре часа.

Офицер с сомнением погладил короткие пшеничные усики.

— Я имею право на один звонок! Я это точно знаю!!!

Наверное, полный отчаяния вопль Бенджамилля наконец произвёл на стопа впечатление, глаза его стали осмысленными, более того, слегка заинтересованными. Он указал на Бена рукоятью шокера:

— Как зовут?

— Бенджамиль Фрэнсис Мэй! — окрылённый надеждой, затараторил Бен.

— Задержанный Мэй, на выход!

— Сейчас... сейчас, — иступлённо бормотал Бенджамиль, пробираясь к узкой двери.

Арестанты его пропускали.

В небольшом тупиковом коридоре охранник указал Бену на торчащий прямо из стены провод с ракушкой на конце.

— У вас две минуты, — строго сказал благодетель.

— А можно мне сначала в туалет? — жалобно попросил Бен, указывая на дверь с табличкой в конце коридора.

Конвоир хмыкнул, покрутил головой, пошевелил усами и, видимо, решил быть великодушным.

— Двери не закрывать, — сказал он, постукивая разрядником по голенищу ботинка.

Из сортира Бенджамиль вышел с опустошённым мочевым пузырьком и с душой, исполненной надежды. «Всё образуется, — думал он, вставляя ракушку в ухо. — Ещё немного, и я буду спасён». Он так увлёкся мыслями о спасении, что чуть было не позвонил Ирэн, но, вовремя спохватившись, назвал номер своего друга, соседа по этажу и товарища по собирательству старинных безделушек Трустама Вайса.

«Тирлим-пам-пам, тирлим-пам-пам», — пропел сигнал вызова, и знакомый голос осторожно отработовал:

— Трустам Вайс слушает. С кем имею честь?

— Русти! — закричал Бен, прижимая пальцем ракушку. — Ты меня слышишь?

— Слышу. А кто это? Не имею чести...

— Это я, Бен! — перебил друга Бенджамиль. — Ты хорошо меня слышишь?

— Хорошо, — недоуменно отозвался Вайс. — А почему номер незнакомый?

— Я потом объясню! Русти, мне очень нужна помощь! Ты вот что сделай...

— А почему семёрка в начале? Ты откуда?

— Я в красно-синем секторе рабочего буфера, в полицейском участке номер пятьдесят два! Меня обвиняют в двойном убийстве, ну и ещё по мелочам! Ты...

— Какой участок? Какое убийство? — Голос Трустама стал испуганным.

— Я потом объясню! У меня мало времени!

— Кто это?

— Бенджамиль! Бенджамиль Мэй!!! — взревел Бен.

— У меня нет знакомых с таким именем. Вы ошиблись номером, — сказал Вайс ровным голосом и отключился.

Некоторое время ошарашенный Бен бессмысленно слушал короткие гудки, затем офицер Д. Смит тронул его за плечо и попросил вынуть телефон из уха.

Когда подавленный и расстроенный Бен вернулся в кишку, между Буддой и парнем со свёрнутым носом уже сидел новый постоялец — маленький жилистый человек с крючковатым носом и светлыми беспокойными глазами.

Бенджамиль прислонился спиной к решётке, им овладели тоска и апатия. Он даже не заметил, как Будда поймал его за рукав и почти насильно усадил рядом с собой, предварительно прогнав кого-то с лавки.

— Посиди-ка маленько, — сказал неожиданный покровитель, — а то маячишь, глаз натёр, весь вид закрываешь. — И, указав пальцем на входную группу участка, спросил, ни к кому конкретно не обращаясь: — Чего там за хрень-то происходит?

Бенджамиль невольно взглянул в указанном направлении. Возле шести детекторных рамок входа действительно творилось нечто странное. Издалека ничего не было слышно, но перед входом невесть откуда образовалась непонятная сутолока. То ли кого-то выталкивали вон, то ли, наоборот, не пускали в здание.

Бенджамиль вытянул шею, приглядываясь. Вдруг что-то треснуло коротко и зло, мерное гудение полицейского участка взорвала автоматная очередь, за ней вторая. Бен успел заметить, как над сутолокой взлетел человек с неестественно длинными и гибкими конечностями. Человек этот, скорее походивший на паука или обезьяну, мощно оттолкнулся ногами от чьей-то головы, зацепился за гладкую отвесную стену, совершенно невероятным манером взбежал по ней вверх и повис на решетчатой ферме перекрытия. Снизу по нему ударили аж в три ствола. Будда ухватил Бена за шиворот и повалил его рядом с собой за скамейку. Пули с противным визгом рикошетили от стен и потолка. Бен отчаянно выворачивал шею, пытаясь разобраться, что происходит. Он увидел, как обезьяноподобный человек спрыгнул с десятиметровой высоты, разбив вдребезги напольную плитку, прокатился по полу, вскочил на ноги и с утробным воем двинулся на стрелявших в него стопов. Пули с сочными хлопками попадали ему в грудь, заставляя всё тело содрогаться в нелепой пляске. Жуткий человек сделал несколько шагов, упал, и в ту же секунду рвануло.

У Бена заложило уши, он на несколько мгновений ослеп и даже слегка сошёл с ума, а когда стал способен хоть как-то воспринимать действительность, вокруг стоял полный кавардак. Отовсюду неслись крики и стоны. Где-то, захлёбываясь, визжали истощенным голосом. Помещение заволело едким дымом, и люди лезли друг на друга, ничего не видя и ничего не соображая. Сверху моросил мелкий дождик. Откуда-то вывернулся давешний крюконосый сосед по лавке, прокашлял:

— Давайте сюда! Здесь дырка! — И полез в белесый удушливый дым.

Бен, сам не зная как, уцепился за его брыкающуюся ногу и пополз следом. Углепластиковые стержни в нескольких местах оказались разбиты осколками. Бен на четвереньках пробрался в один из таких проёмов. Возле решётки торчком сидел труп с кровавой кашей вместо верхней половины лица. Пшеничные усики задорно топорщились над его оскаленными зубами.

В ужасе Бенджамиль отцепился от спасительной штанины, его вырвало густой горькой желчью. Он тихонько завыл и с упорством раздавленной улитки пополз туда, где редела дымовая завеса и где, по его разумению, был выход из этого ада.

Глава 5

Сжав голову руками, Бенджамиль слегка раскачивался взад-вперёд. Его тошнило.

— Нужно затолкать пальцы в рот, — посоветовал Лимкин.

Бенджамиль помотал головой. Потом всё-таки сунул указательный и средний пальцы в горло. Пустой желудок мучительно сократился. Блевать было нечем.

— Это вы в участке надышались. — Лимкин старательно мял в пальцах полу сюртука, пытаясь оттереть тёмное пятно. — Ясное дело.

— А почему вас не тошнит? — с трудом спросил Бен.

— Я пятнадцать лет работал на «Кемикал Данг Фактории», — очень серьёзно сказал

Слэй Лимкин. — Теперь меня тошнит только от химических удобрений. Хотя в остальном работа была хорошая и должность не из последних, но потом у меня обнаружили синдром Патча и сразу выставили за ограду. Мистер Мэй, вы знаете, что такое синдром Патча? Не знаете? Вот и хорошо, лучше и не знать.

Бенджамиль с омерзением посмотрел на свои светлые брюки. От вида бурых заскорузлых пятен на коленях его замутило сильнее.

— Может, всё-таки дождёмся сумерек? — уже в сотый раз предложил Лимкин.

Бен поглядел на изрисованную похабными картинками стену с обвалившимися кусками штукатурки, на полусгнившую оградку палисадника и в сотый раз покачал головой.

— Вы только покажите мне направление, а сами идите домой. Чего вам со мной таскаться? — неуверенно сказал Бен.

Ему до ужаса не хотелось искать трубу в одиночку, он даже готов был терпеть навязчиво-многословного Лимкина с его бесконечными жалобами.

— Да нет, чего уж там. — Лимкин пожал плечами. — Мне всё равно в те края топать.

— Вы живете около тубвея? — Бенджамиль даже обрадовался.

— С чего вы взяли? У нас тут один патрубок на полторы сотни кварталов. Это вам не аутсайд. Мой дом вон в той стороне. — Лимкин указал куда-то за спину. — Один патрубок и один стоповский участок на четыре сектора. Был...

— А вы вроде сказали, что нам по пути, — удивился Бен.

— По пути, но домой я пока не пойду, — рассудительно сказал Лимкин, — Отсижусь пока у одного приятеля, вдруг искать будут. Так что дома я буду не скоро. — Он протяжно вздохнул. — Замиля будет волноваться... и дети. Когда их теперь увижу? — Лимкин судорожно всхлипнул, размазывая по грязным щекам слезы. — Вы уж извините меня, мистер Мэй, что я при вас плачу, это у меня болезненное. Никогда не могу удержаться.

— Ничего страшного, — сказал Бен устало, Лимкин плакал уже третий раз с тех пор, как они выбрались из взорванного участка.

Дурнота постепенно утихала. Бенджамиль отвернулся от утирающего слезы Лимкина, вытер руки о штаны и полез за пазуху.

Кружок оракула был тёплым, ощутимо весомым, надежным, единственным, что еще как-то связывало Бена с привычным и безопасным миром делового кольца, с уютной квартирой в бело-оранжевом секторе аутсайда, с неразобраным ящиком антикварных комиксов под кроватью. Бен шмыгнул носом и шесть раз крепко сжал оракула в руке. На дисплее, словно всплывая из темной глубины, проступили буквы:

В этом мире неверном не будь дураком:
Полагаться не вздумай на тех, кто крутом.
Трезвым оком взгляни на ближайшего друга —
Друг, возможно, окажется злейшим врагом.

— Ну вот, — тихо сказал сам себе Бен. — Нужно было спрашивать советы до, а не после. Это, конечно, не совсем то, чего я ожидал, но про Вайса всё сказано предельно верно. Если бы я загодя знал, что Трустам такая скотина, то позвонил бы кому-нибудь другому.

«Кому бы ты позвонил? — осведомился ехидный голос внутри Бена. — Тебе тридцать два, и твой единственный друг оказался полным дерьмом, а новых друзей у тебя не будет, ты ведь не любишь ничего нового, кроме антикварных безделушек. Ха-ха! И даже эти безделушки далеко не новые!»

— Что там у вас? — спросил Лимкин, вытирая крючковатый нос.

— Ничего, ерунда, — ответил Мэй, пряча оракула. — Можно идти дальше.

— А как самочувствие?

— Сносно, — сказал Бен, поднимаясь с треснутого пластмассового ящика.

— Лучше бы погодить до темноты, — просительно сказал Лимкин.

Бенджамиль упрямо помотал головой:

— Мне нужно идти. К тому же ночью здесь опасно.

— Здесь всегда опасно, — уныло сказал Лимкин, — и днём и ночью. Только ночью меньше шансов попасться на глаза стопам. Я думаю, патрули уже прочёсывают ближние сектора. Им же надо найти виноватых. А по темноте мы бы живо проскользнули. Я ж в этих кварталах вырос, каждый закоулок знаю... Ну, нет так нет... — Лимкин поднялся на ноги. — Тогда пойдём, что ли?

Проведя всю свою сознательную жизнь в окружении механизмов, так или иначе отсчитывающих часы и минуты, Бенджамиль даже не предполагал, сколь сложно определять время, не имея перед глазами ни одного циферблата. Лимкин утверждал, что они идут часа два, Бену казалось — гораздо дольше. Они шли черными дворами, подворотнями, совершенно невообразимыми закоулками, время от времени со всеми предосторожностями пересекая большие радиальные и сегментарные улицы.

Сначала Бен с интересом глазел вокруг, но вскоре это занятие ему прискучило. Архитектура чёрного буфера удивляла своей сумбурностью. Сорокаэтажные небоскрёбы со шпилями и фигурными карнизами преспокойно соседствовали с ветхими пятиэтажками в стиле миникор. Однако формы быстро утомляли однообразием повторяемости. Кроме того, на всем лежала печать запустения. Несколько раз им попадались нелюбопытные, нахохлившиеся прохожие, спешившие при виде незнакомцев свернуть куда-нибудь от греха подальше, но в целом казалось, что кварталы необитаемы уже много лет. Только запах, свежие отбросы и мусор говорили об обратном.

Шагая по растрескавшейся коросте асфальта, Бенджамиль пытался представить себе людей, обитающих за облупленными неприглядными фасадами, и каждый раз выходило что-то злое и визгливое, с голым розовым хвостом, такое, что невольно становилось стыдно за свои мысли.

Лимкин шёл, нервно поглядывая по сторонам, и говорил, говорил, говорил... Бенджамиль изо всех сил старался следить за ходом беседы, но это не всегда удавалось.

— А!? — встрепенулся Бен, выныривая из путаницы своих мыслей. — О чём вы, Слэй?

— Как о чём? О детях, мистер Мэй. В том смысле, что дети — единственный смысл жизни человеческой. Или вы другого мнения?

— Вы лучше называйте меня Бенджамилем или Беном, — в очередной раз попросил Бен. — Не нужно постоянно говорить «мистер Мэй».

— Хорошо, мистер Мэй, — отозвался Лимкин. — Вот у вас, к примеру, дети есть?

— У меня? — рассеянно переспросил Бен. — У меня пока нет.

— А у меня есть. — Лимкин гордо приосанился. — У меня вообще-то четверо. Двое парней и две девочки. Старшему, Рахибу, уже четырнадцать!

— Но ведь корпорация не одобряет многодетных браков, — неуверенно сказал Бен.

— Я, конечно, знаю, — Лимкин понизил голос и придвинулся поближе, — что перенаселение и всё такое, но я не корпи. И потом, у меня на этот счет есть свои соображения.

— Неужели? — изумился Бен.

— Зря вы смеётесь, мистер Мэй! — Лимкин слегка обиделся. — В каждой семье должно быть по одному ребёнку, максимум по два, арифметика простая, это я знаю. А у нас с Замилей четверо и пятый намечается. Но это оттого, что всё вранье: и перенаселение, и демографические санкции.

Бен развёл руками:

— Но нас действительно уйма.

— Это в чёртовом гигаполисе нас уйма, — проворчал Лимкин. — А на Земле — не так уж и много. Только не об этом речь! — Бледные щеки маленького светлоглазого человека покраснели. — Я хорошо понимаю, что плодиться без меры нельзя. Так и не плодиться нельзя. Я спрашиваю: какой выход? А мне отвечают: самый простой! Сей без счета, но не забывая саженцы прореживать.

— В каком смысле прореживать? — От изумления Бенджамиль даже остановился.

— Способов хватает, мистер Мэй. Вы Дарвина читали? — Лимкин воздел к небу палец. — Сильный съел слабого, съел слабого — стал сильнее.

— А вы думаете, что достаточно сильны? — резонно спросил Бен.

— Я? — Лимкин хихикнул, бледнея. — Куда уж мне. Разве что дети... Моему Рахибу всего четырнадцать, а он уже год как в банде. Значит, чего-то да стоит. Трэчеры кого попало к себе не берут.

— Вот и убьют его где-нибудь! — сердито сказал Бен и тут же спохватился. — Я совсем не то хотел сказать. В том смысле, что я этого вам не желаю, но...

— Чего уж там. Разве я сам не знаю? В нашем секторе за прошлый месяц пять вооружённых стычек. Сам видел: он лежит, а во лбу дырка, а лет ему не больше, чем моему Рахибу. — Лимкин громко всхлипнул. — Стопу в мальчишку стрельнуть, что сморкнуться. И из банды просто так не уйдёшь, свои же палками забьют. Они там все повязаны, даже говорят по-особенному.

По щекам Слэя Лимкина потянулись две мокрые дорожки.

— Вы извините меня, мистер Мэй, — пробормотал он еле слышно. — Не обращайтесь внимания.

— Я немного говорю на трэче, — сам не зная зачем, признался Бен.

— А знаете, что такое «халай»? — спросил Лимкин, успокаиваясь.

— Привет или здорово, — сказал Бен.

— А-а-а, — потянул Лимкин и добавил уже другим тоном: — Внимательней, мистер Мэй, переходим радиальную.

Они взяли влево, совсем прижавшись к стене дома. Лимкин осторожно огляделся.

— Вроде чисто, — сказал он, делая приглашающий жест.

Они уже почти перешли на противоположный тротуар, когда Бенджамиль ухватил Слэя Лимкина за рукав.

— Пойдите-ка, — воскликнул он, изумлённо осматриваясь кругом. — Мы здесь уже проходили. Да нет, точно! Вон и светофор без красного стекла!

— Бог с вами, мистер Мэй, — укоризненно сказал Лимкин. — Здесь все перекрёстки друг на друга похожи. И половина светофоров без стекол.

Не успел Бен сконфузиться, как Лимкин прошептал: «Стопы!» — и толкнул его вперёд. Они добежали до соседнего дома и нырнули в подъезд.

— Т-с-с! — прошипел Лимкин.

Мимо парадной проехала черно-желтая патрульная машина, неторопливо щупая прожектором грязные стены. «Смеркается», — тоскливо подумалось Мэю.

— Пронесло. — Лимкин перевёл дух. — Давайте-ка от греха подальше выбираться на ту сторону, эти подъезды должны быть сквозные.

— Далеко ещё до тубвея? — спросил Бенджамиль, когда они вышли в тёмный, уставленный мусорными баками двор.

— Не так чтобы, — уверенно сказал Лимкин. — Километров пять. — И, заметив, что Бен тревожно озирается, указал в просвет между домами: — Видите тот ряд высоток? Как раз за ним трасса. Отсюда её не видно.

Тяжёлые медлительные сумерки черным ядом разливались под подошвы ботинок, заполняя подворотни, и Бен даже не понял, в какой именно момент наступила ночь.

Улочка, на которую они свернули, походила на видение из кошмарного сна. В своей давешней жизни Бенджамиль даже представить себе не мог подобные трущобы. Пустые провалы окон, мусор и тишина. Мертвенный свет редких фонарей вселял в сердце тихую, безнадежную жуть. Корпуса светильников из вечного стекла были разбиты, но люминофорные элементы ещё жили своей потаённой жизнью, вырабатывая полувековой ресурс. Спутники шли вдоль тротуара, словно плыли в мутной реке, то выныривая в тусклых световых кругах, то вновь погружаясь в ночной мрак. Даже Лимкин как-то притих. И от этого Бену всё больше и больше становилось не по себе.

— Далеко ещё? — спросил он, прочистив пересохшее горло.
— Уже рукой подать, — сказал Лимкин и невнятно хихикнул.
— Вы же говорили, километров пять, а мы уж вон сколько идём. — Бен зябко повёл плечами.

— Это по прямой пять, — объяснил Лимкин терпеливо. — А мы по кривой. — Он снова хихикнул. — Вы не беспокойтесь, мистер Мэй, совсем скоро вы будете в своём аутсайде кофеёк попивать, соевый. Я тоже кофеёк люблю. Вот раньше, когда работал на дерьмолитейной фабрике, всегда себе кофеёк брал. Я ведь, мистер Мэй, следил за упаковкой готовой продукции, должность ничего себе. Восемь недоумков подо мной ходили, а я им указывал. Почти что десятник. — Лимкин вздохнул. — Я в рабочие менеджеры метил, статус «квалифи» у меня считайте, что был. Я уже жильё в белом буфере подыскивал, а оттуда и до делового кольца недалеко. Верно, мистер Мэй? Только в корпорации по-другому решили: как родилась у нас с женой Ребекка, меня с фабрики сразу и выкинули. Говорят: демографические санкции! А без работы в хорошем районе не удержишься, пришлось нам с детишками вместо белого буфера сюда перебираться, на самую окраину. Теперь чем дальше, тем хуже.

Лимкин громко всхлипнул.

— Вы же говорили, что у вас нашли синдром Патча? — осторожно спросил Бен.

— Ишь вы какой памятный! — сказал Лимкин, сразу успокаиваясь. — Синдром детям не помеха.

И опять до Бенджамия долетел еле слышный смешок.

— Жутко здесь как-то, — признался Бен, нервно оглядываясь по сторонам.

— Что есть, то есть. — Лимкин хихикнул громче. — Только вы не бойтесь, мистер Мэй, со мной бояться нечего, в этих местах меня все боятся. Хотя если вам страшновато по ночи шататься, так можно ко мне домой зайти. Замиля будет рада и детишки тоже. Я тут совсем рядом живу.

— Вы же к приятелю шли, — проговорил Бен, холодея.

— Ага! Был у меня один приятель, — охотно согласился провожатый. — Его, как вас, звали Беном, только не Бенджамием, а Бенедиктом. Он умер. Но раньше я с ним поссорился. Он оказался плохим человеком, не пришёл на похороны моего Рахиба. Как можно дружить с человеком, который не приходит хоронить твоего сына?

— Разве ваш сын мёртв? — Спина Бенджамия покрылась холодным потом, он с ужасом глянул на своего спутника, и на миг ему показалось, что глаза Лимкина светятся во тьме ровным фосфорическим светом.

— С чего вы это взяли? — спросил маленький человек подозрительно.

— Я, наверное, ослышался, — пробормотал Бенджамиль. — Мне...

Но в этот момент они вошли в очередной круг света, и Лимкин неожиданно остановился.

— Что? — испуганно спросил Бен.

— Идите-идите, я сейчас догоню. — Лимкин криво улыбнулся. — Штиблет расстегнулся.

Не смея противоречить, Бенджамиль сделал десяток неуверенных шагов и оглянулся. Слэй Лимкин, присев на одно колено, копался с застёжкой своего ботинка. Бен прошёл ещё немного вперёд, борясь с нестерпимым желанием побежать сломя голову, и поравнялся с последним фонарём. Дальше была тьма и металлическая ограда.

— Здесь тупик! — хрипло крикнул Мэй, оборачиваясь.

— Я знаю, — негромко сказал Лимкин, бесшумно возникая на границе светового ореола.

Бенджамиль невольно отшатнулся и попятился назад.

— Куда же ты, белый корпи? — ласково поинтересовался маленький человек, хищно вытягивая жилистую шею. — Там тупик.

Не помня себя от страха, Бен рванулся влево, пытаясь проскользнуть между стеной

дома и своим жутко изменившимся провожатым. Лимкин с невероятным проворством повторил манёвр, и неожиданно сильные, цепкие руки притиснули Бенджамиля к облупленной штукатурке. Бен попробовал дёрнуться, но что-то острое упёрлось в его шею, прямо во впадинку под нижней челюстью.

— Не надо бегать! — оскалась, прошипел Лимкин. — Сломаешь ноги, как доберёшься до своего аутсайда?

Боясь пошевелиться, Бенджамиль скосил глаза вниз и увидел длинный стеклянный осколок, прижатый к своей шее, увидел вздувшиеся синие жилки на тыльной стороне сухой ладони и капельки крови между пальцами, мёртвой хваткой сжавшими острые края стекла. И от вида этих темных капелек Бенджамиль Мэй неожиданно пришёл в себя. Не то чтобы он перестал бояться, нет, он боялся по-прежнему, но мозг его вышел из ступора и лихорадочно заработал в поисках спасения.

— Что вы делаете, мистер Лимкин?! — прохрипел Бен, пытаясь отодвинуться от колючего острия.

— Воплощаю в жизнь учение Дарвина! — Глаза Лимкина сверкали, мелкие брызги слюны долетали до лица Бенджамиля. — Сильный ест слабого. Разве ты ещё не понял? Ты слаб, а я силен и расчищаю место для своих детей. Не крутись! — Безумец надавил на стекло чуть сильнее. — Ты у меня будешь тринадцатым! Польщён? Оценил иронию числа? Или вам, беленьким корпи, запрещают думать о всяких суевериях? Надо же какая удача! Тринадцатый, и белый парень! Ещё никогда не убивал белую крысу из аутсайда!

— Но я не сделал вам ничего плохого, мистер Лимкин! — в отчаянии прошептал Бен.

— Это не имеет значения! Что там у тебя?

Рука Лимкина наткнулась на медальон с оракулом, и в тот же миг раздался громкий сухой щелчок. Ярость на лице Лимкина в одну секунду сменилась испугом, испуг — удивлением, а удивление — гримасой боли. Безумный маньяк взвыл сквозь оскаленные зубы, выронил стекло и, схватившись за правое бедро, навзничь рухнул на асфальт, исторгая стоны и проклятия. Бен, как во сне, оторвался от стены и сделал пару неверных шагов.

— Бенни?! Бенджамиль Мэй?! — раздался изумлённый голос, и долговязая фигура в сюртуке с пелериной выступила из темноты в круг неяркого света. — Ничего себе, прогулка на ночь!

Глава 6

В лифтовом холле пахло пылью и железом. Никакого беспорядка, никакой битой плитки на полу, никаких рисунков на стенах, и всё равно пахло запустением. Они завели инерпед в кабину с прозрачными стенами, и Виктор, произнеся четыре цифры, прижал большой палец к сенсорной панели.

— Сороковой, — сказал он негромко. — Со мной гость.

— Доступ разрешён, — прошебетал игрушечный женский голос. — Добрый вечер, мистер Штерн.

Лифт тронулся, набирая скорость, побежал вверх по прозрачной трубе. Под ногами у Бена поплыли вниз редкие россыпи огоньков чёрного буфера.

— Стараюсь не оставлять его внизу. — Виктор похлопал инерпед по сиденью. — Там, конечно, бронированные стекла, но всё равно могут спереть. Как ты успел убедиться, отребья у нас хватает.

— Да уж... — сказал Бенджамиль, глупо улыбаясь и осторожно трогая поцарапанную шею.

— А с ухом что? — поинтересовался Виктор. — Тоже любитель Дарвина?

— Нет, это раньше. — Бенджамиль потрогал и ухо. — Слушай, Вик, я до сих пор поверить не могу. Какое-то невероятное везение. Если бы не ты... — Бен в очередной раз почувствовал желание полезть обниматься, — ...этот извращенец меня бы на куски порезал.

— И скормил бы голодным деткам, — осклабился Виктор.

— Всё-таки зря мы его оставили, — сказал Бенджамиль с сомнением. — У него, наверное, бедро раздроблено (Виктор согласно кивнул). Может, стопам нужно было сообщить или в больницу.

— Ну ты даёшь, Бенни! — изумился Виктор. — Нет! Я, конечно, знаю: ты и в школе был изрядным остолопом, но ведь пятнадцать лет прошло! Неужто ни шага в сторону прогресса?

Бен открыл было рот, но Виктор не дал ему высказаться.

— Ничего! — заявил он решительно и даже агрессивно. — Небольшое кровопускание настоящему маньяку только на пользу. Прогуляется на четвереньках по ночному холодку, здоровее будет. А подохнет — невелика потеря! В буфере ублюдков хватает!

— Человек всё-таки, — неуверенно пробормотал Бен.

Виктор только головой покрутил и сказал иронически:

— Может, вступишь в общество защиты ублюдков? Выгружайся, любитель маньяков, приехали!

Бенджамиль шагнул в раскрывшиеся двери и замер. Размеры квартиры поражали воображение.

— Одна гостиная четверть гектара, — прокомментировал Виктор, выкатывая из лифта инерпед. — Спальни налево, кухня с ванной направо, в кухне маленький аль-Дональдс, в ванной маленькие Багамы.

— Вот это да! — Бенджамиль осторожно ступал по гладкому прозрачному паркету.

Через литраконовую толщу перекрытий слабо просматривались конструкции нижележащих этажей.

— С ума сойти! Ты миллионер? Ты получил в наследство полтора процента корпоративных акций?

— Клал я на их акции, — весело сказал Виктор, по всему было видно, что он доволен произведённым эффектом.

— Но это же стоит уйму денег!

Виктор засмеялся:

— Меня всегда раздрает на части ужасный дуализм. Обожаю пускать пыль в глаза и ненавижу врать, по крайней мере старым приятелям... На самом деле я арендую этот замечательный пентхауз, а в этом сверх замечательном районе целый этаж небоскрёба стоит сущие пустяки. Да ты проходи! Не стой в дверях, осматривайся!

Бенджамиль сделал несколько шагов вперёд и начал осматриваться. Впрочем, осматривать особо было нечего. В огромном помещении с прозрачным полом почти ничего не было. Посреди гостиной стоял биллектронный вычислитель, оформленный в виде кольцеобразного стола с четырьмя операторскими креслами, десяток дополнительных ёмкостей с памятью да пара стеллажей для инфокапсул. Сбоку от вычислителя прямо на полу стоял высокий блестящий куб метра два в поперечнике и лежало несколько больших коробок из гофрированного пластика весёлой расцветки.

— Амаль!!! — крикнул Виктор. — Где ты, черт побери, дрыхнешь!? Забери у меня машину!

Из-за груды цветных коробок появился робот, этакий серенький матовый шар на широко расставленных шасси с восемью парами маленьких колёсиков, непрерывно мигающий жёлтыми и красными огоньками. Приблизившись к Виктору, робот нагло заявил ворчливым женским голосом:

— Что вы такое несёте, сударь? Ничего я не дрыхну! Я и дрыхнуть не умею! Давайте сюда инерпед.

— Колеса не забудь протереть, — устало сказал Виктор, — и не мигай мне! Говори вслух. Бенджамиль мой друг.

Робот с негромким шелестом выпустил пару суставчатых манипуляторов и повернулся на месте.

— А вы знаете, сударь, что у вашего друга не активированная метка пятьдесят второго

правоохранительного участка? — спросил он суровым мужским басом и взвизгнул встревоженным фальцетом. — Вероятно, он преступник, сударь!

— Разберёмся, — сказал Виктор, передавая роботу инерпед. — Всё нормально, Бен мой друг. Ситуация под контролем.

— Желаю надеяться, сударь! — пропищал робот, подхватил инерпед и укатил его куда-то вбок.

— Пошли, — сказал Виктор, цепляя Бена под руку. — Сударь успел и в участке побывать? Интересно знать, за что.

— Ерунда какая-то, дурацкая ошибка! Я тебе начинал рассказывать... — заволновался Бен. — А потом участок взорвали.

Виктор присвистнул и поглядел на приятеля с некоторым уважением:

— Надеюсь, не ты? Ладно, шучу! Что сударь желает сделать сначала — помыться или перекусить?

Ничего не евший со вчерашнего вечера Бенджамиль сглотнул слюну.

— Помыться! — сказал он после секундного раздумья. — А что говорил твой робот насчёт какой-то метки?

— Не твой, а твоя, — поправил Виктор, — Я слишком натурал, чтобы жить с женщиной, будь он даже роботом.

Бенджамиль рассеянно кивнул:

— А метка?

— Метка? — равнодушно отозвался Виктор. — Тебе укол в спину ставили?

— Не помню. — Бенджамиль остановился и наморщил лоб. — Может, и ставили, я не в себе был...

— Так вот, — продолжал Виктор скучным голосом, — каждому задержанному стопы вводят клещ-маячок, так называемую метку с индивидуальным кодом радиосигнала. В случае повторного задержания легко определить причину первого привода. Хорош ты будешь, когда заявишься к стопам сообщать про раненого маньяка.

— А нельзя этого клеща как-нибудь достать? — жалобно спросил Мэй. — Место укола, наверное, ещё видно.

Виктор покачал головой:

— Сразу после введения наночип начинает дрейфовать в подкожной клетчатке. Стопы тоже не дураки. Чтобы найти такой маячок, необходимо специальное, очень чувствительное оборудование. У меня его, к сожалению, нет. Слишком дорогая игрушка.

— Здорово! — уныло сказал Бен. — У меня в спине хрень, которая транслирует всем на свете, где найти задницу Бенджамиля Мэя.

— Уже не в спине, — весело поправил Виктор. — Она вполне может быть именно в районе копчика, или в районе пупка, или в районе члена.

— Спасибо, с членом мы сегодня уже говорили. — Бенджамиль помрачнел ещё больше.

— Не куксись, приятель! — Виктор ткнул его кулаком в плечо. — Никому твоя задница не нужна. Клещ в латентном состоянии даёт совсем слабый сигнал, с десяти шагов не засечёшь. Здесь, на границе буфера и Сити, метка, наверное, у каждого третьего, если бы маяки работали на всю громкость, то стоповские радары сошли бы с ума. Тем более участок, как я слышал, здорово пострадал от взрыва, там сейчас кавардак. Ничего противоправного ты совершать не собираешься. Даже если и совершишь, то нужно, чтобы кто-нибудь обладающий сканером и передатчиком стукнул черно-жёлтым код твоего клеща. И даже если они запустят твой маячок на всю катушку, слышно его будет в радиусе трёх-четырёх километров максимум. Эти клещи, между нами, совершенно никчёмное устройство. Видишь, сколько «если»?

— А твоя Амаль не может того... ну, стукнуть? — Бенджамиль почти успокоился.

— Теоретически — да, — сказал Виктор, улыбаясь, — практически — нет. Обычно домашние роботы должны сообщать о нестандартных ситуациях. Блокировать эту функцию

нельзя, но обмануть довольно несложно. Достаточно сделать так, чтобы робот просил разрешения на сигнал. Лично я такую поправку сделал. На кой мне в доме дятел?

— Что такое дятел? — спросил Бен, улыбаясь вслед за Виктором.

— Дятел? — Виктор удивлённо поднял брови. — По-моему, такая птица, с красной головой. — Он помахал кистями рук, словно крыльями. — Стучит носом по дереву. Стучит... Понимаешь?

Бенджамиль кивнул.

— Поменьше напрягайся, — продолжал Виктор менторским тоном. — Приходи в себя. Завтра, нет, уже сегодня я отвезу тебя на станцию, усажу в таблетку, к вечеру будешь дома. Насчёт клеща не заморачивайся. В лимонно-розовом секторе аутсайда живёт один кудесник, он вытаскивает любые чипы из любых задниц. Я дам тебе адрес, скажешь, что от меня, он ещё и скидку сделает... Ладно! Иди мойся. Разовое белье в стеллаже, слева от бассейна, халат возьми жёлтый, он в шкафу, дверки прозрачные: увидишь. Грязное брось возле двери, Амаль постирает и высушит. Иди осваивайся, а я дам моей кулинарше указания насчёт чего-нибудь перекусить.

Бенджамиль представил Амаль в цветном передничке, с поварёшкой в манипуляторе и засмеялся.

Пахло изумительно и на вкус было не хуже. Бенджамиль Фрэнсис Мэй в мохнатом жёлтом халате, с ещё мокрыми после купания волосами сидел за столом из натурального дерева перед скворчащей сковородкой и отдавал должное талантам механической поварахи.

— Просто невероятно! До сих пор не могу поверить! — приговаривал Бен, цепляя вилкой поджаристый ломтик искусственной баранины. — Ты появился просто как во сне. Не случись ты поблизости, мне бы точно пришёл конец. Согласись, Вик, это какое-то невероятное везение! Какая-то мистика!

— При чём тут мистика? — Виктор наполнил толстобокие стаканы красным фальберне из пластиковой бутылки с высоким горлышком. — Каждый день я гуляю перед сном, выбирая один из пяти маршрутов, так что вероятность нашей встречи была достаточно высока. Поскольку гулять вечером в наших краях небезопасно, я всегда таскаю с собой револьвер. И никаких чудес. Удача и неудача — продукт конкретного поведения конкретного человека.

— Револьвер — это классно! — соглашался Бен, уплетая тушёные бобы. — Откуда у тебя лицензия?

Виктор фыркнул:

— У меня целая коллекция револьверов! И никакой лицензии!

— Коллекция?! — изумился Бен. — А если стоп тормознёт тебя с оружием в кармане?

— Банкнота в пятьсот марок заменяет любую лицензию, мой юный друг! — провозгласил Виктор. — Будь здоров!

Они чокнулись и выпили.

— Шикарная квартира, домашний робот, отличное вино. — Бенджамиль вытер губы салфеткой. — Чем ты занимаешься, Вик? Я ведь тебя со школы не видел. Раньше мы дрались на переменках, а теперь ты живёшь как хайдрай высшего звена! Я просто сгораю от любопытства.

— Поверь мне, Бенни, ты даже представить не можешь, как живут хайдрай высшего звена. И вино это далеко не отличное, отличное мне не по карману, — сказал Виктор, ухмыляясь. — Хотя меня моя жизнь устраивает. Охотно поделюсь секретами успеха, но сначала твоя история в деталях и подробностях. Я тоже имею право на любопытство.

— Нечестно! — воскликнул Бен, вино уже слегка ударило ему в голову. — Почему я первый?

— Хорошо, — согласился Виктор, — давай бросим монетку.

Он, привстав со стула, покопался в брючном кармане и извлёк четверть марки:

— Орёл или решка?

— Решка, — поколебавшись, выбрал Бен.

Тяжёлая монета кувыркнулась в воздухе и покатилась по столу. Виктор быстро прихлопнул её ладонью.

— Ну? — спросил Бенджамиль нетерпеливо.

— Орёл! — Виктор победоносно улыбнулся. — Я выиграл.

Бенджамиль вздохнул и принялся рассказывать. Теперь, в уютной столовой на сороковом этаже, за бронированными стёклами, с чистыми волосами и тремя бокалами красного вина в желудке, всё происшедшее с ним за последние сутки уже не казалось Бену таким чудовищным, скорее наоборот, выглядело достаточно забавно. Штерн слушал его, прихлёбывая терпкое фальберне, слегка посмеиваясь по мере необходимости. Когда Бенджамиль дошёл до финала истории с Кристмас, Виктор быстро поднялся со своего места и обогнул стол.

— Не вертись, — сказал он Бену и принялся осторожно отклеивать универсальный пластырь с порезанного уха.

— Ну вот, прихожу я в себя в каком-то сквере, ни карточек, ни документов, ни телефонов, — продолжал говорить Бенджамиль, стараясь держать голову неподвижно. — Рядом пьяный батон... Ай! Что там?

— Ты знаешь, Бенни, твои сношалы оказались совестливыми ребятами, — наконец резюмировал Виктор. — Разрезали аккуратно, достали аккуратно. Судя по тому, что нет воспаления, дезинфицировали и даже скобку наложили. Прими мои поздравления, могло быть хуже.

— Куда уж хуже, — пробормотал Бен. — Одного я не пойму, Вик! Почему я отрубился? Раз — и будто выключатель повернули. Ничего не помню.

— Хорошо хоть было? — цинично поинтересовался Виктор.

— Хорошо, — признался Бен, не обратив внимания на тон товарища. — Никогда ещё так хорошо не было. Может, она мне чего в питье подмешала?

— Начинаешь соображать! — Виктор похлопал Бена по плечу. — Сношалы так и действуют. Смазливая киска заманивает клиента в безлюдное место, и там его свежую по полной программе. А дабы клиент не трепыхался, клиента погружают в глубокий наркотический сон. Способы усыпления различаются по гуманности и изощрённости, но сыпать порошок в стакан неэффективно. Многие помещают заряд снотворного себе в рот, срабатывает при поцелуе или, скажем, при миньете. У твоей подружки источник транквилизатора, скорее всего, находится во влагалище. Сама она к нему имунна, а ты, как видишь, нет.

— Постой-ка! — Бенджамиль прошиб озноб. — Я занимался сексом без презерватива с совершенно незнакомой женщиной! Вик, я, наверное, уже болен бог знает чем! У меня, может быть, афганский гепатит или нейрокок спинного мозга!

— Это навряд ли. — Виктор слегка придержал разволновавшегося Мэя за макушку. — Сношалы трепетно следят за своим здоровьем. Им нафиг не надо, чтобы стопы их разыскивали за умышленное распространение опасных заболеваний. Держу пари, твоя киска ещё вчера сбегала к нужному доктору и сдала все тесты. Она ведь рисковала не меньше тебя, дурака. Так что успокойся, тебе даже телефон вырезали аккуратно, как в клинике. Погоди минутку, не вертись, дай обработаю порез. Где-то у меня тут был пластырь.

— Ай! — сказал Бенджамиль, он понемногу начал успокаиваться. — А на кой черт им служебный телефон?

— Там довольно дорогой чип, — сказал Виктор, — его можно продать.

Через пять минут ухо было обработано антисептиком и заново залито пластырем, а обескураженный, изрядно приунывший Бенджамиль печально рассказывал о разводе с Ирэн. Виктор отнёсся к его страданиям скорее иронично, чем сочувственно.

— Хватит распускать нюни! — заявил он безапелляционно. — Киски хороши, когда они на пару часов! Прости, Бенни, но брак — это рудимент прошлых эпох. Посмотри на меня. Мне не нужно никакой жены — ни гостевой, ни постоянной. Я могу иметь женщину

практически всегда, когда захочу. И это каждый раз будет новая женщина. Никаких обязательств, никаких иллюзий, никаких разочарований.

— А как же корпоративная мораль? Как свод этических норм корпорации? — У Бена округлились глаза.

— Гребал я этические нормы с корпоративной моралью! — отрезал Виктор, — И тебе советую. Вот действительно ни с чем несравнимое удовольствие. Как, говоришь, зовут твою несостоявшуюся супругу?

— Ирина фон Гирш.

— Я её знаю?

— Наверяд ли.

— И всё одно она тебя не стоит! — махнул рукой Виктор. — Хочешь, я найду тебе женщину прямо сейчас?

И Бенджамиль вдруг понял, что это не простой трёп, что Виктор действительно сможет найти ему женщину прямо сейчас, сию минуту.

— Не стоит, Вик, — сказал он испуганно. — Я не в форме. Давай лучше выпьем.

— Как знаешь! — Виктор пожал плечами и полез за новой бутылкой.

Когда в открытую дверь столовой въехала Амаль, друзья успели опорожнить новую бутылку на три четверти, а Бенджамиль успел завершить рассказ о своём маленьком турне по чёрному буферу.

— Дальше ты знаешь, — сказал он в заключении.

— Поучительная история. — Виктор допил вино из своего бокала. — А согласишься, Бен, твою аутсайдовскую жопу хорошенько потрясло на наших кочках!

— Если бы не ты!.. — Бенджамиль с размаху прижал обе руки к груди.

— Сударь, платье вашего друга готово, — проворковала Амаль хорошо поставленным грудным контральто и выложила на свободный стул брюки, рубашку и френч.

— Ты, как всегда, на высоте, дорогая! — Виктор, придерживаясь за спинку стула, нагнулся и пьяно чмокнул домработницу в гладкую макушку. — Смотри, Бенни! Моя Амаль намного практичнее любой бабы!

Он звонко хлопнул Амаль по шарообразному корпусу там, где предполагалась задница.

— Шалун! — пробасила роботесса и укатила прочь.

— Облачайся, скиталец! — Виктор протянул Бенджамиллю стопку одежды. — А то мне с высоты домашнего костюма дискомфортно взирать на банный халат.

Слегка смущаясь, Бенджамиль скинул халат на спинку стула и принялся натягивать чистые, выглаженные брюки. Когда он застёгивал рубашку, Виктор обратил внимание на медальон оракула.

— Что это у тебя на груди? Какой-то фетиш? — спросил он, весело ухмыляясь. — Выдаёт себя за добропорядочного корпи, а сам носит амулеты, как какой-нибудь ситтер.

— Это не амулет. Это оракул. — Бенджамиль погрозил товарищу пальцем. — Он предсказывает будущее и не любит, когда с ним шутят.

— Выкладывай эту штуковину на стол! — потребовал Виктор, разливая остатки вина по бокалам и на скатерть. — Поглядим, что это за мистика.

Бенджамиль, секунду колебавшись, потянул оракула с шеи.

В столовой было довольно светло, но мелкие буквы цвета ртути терялись на светло-сером экранчике монитора. Виктор, прищурившись, нагнулся ближе и громко прочитал:

Кто с судьбой играет, тот мёртв наперёд,
Бурный ветер его о скалу разотрёт,
Лишь счастливчик, что в парус тот ветер поймает,
Над скалой воспарит и себя обретёт.

— И что? — спросил Виктор, недоуменно поднимая брови. — Про что эта надпись?

— Я спросил его, как мне жить дальше, и он ответил! — волнуясь, объяснил Бен.

— И что он тебе советует?

Бенджамиль старательно пропустил мимо ушей ядовитый тон вопроса:

— Бывает трудно сказать сразу, но, по-моему, он советует мне поступать по обстоятельствам.

Виктор откинулся на спинку стула и захохотал.

— Такой совет может и моя Амаль дать! — сказал он, насмеявшись вволю. — Полная ерунда.

— Ничего не ерунда! — загорячился Бен. — Оракул предсказал, что я не попаду домой, и вот я здесь. Потом он насчёт девушки предупреждал, только я не понял, и насчёт Лимкина. Если бы я послушался предсказания, то ни за что не попёрся бы ночью бог весть куда, за едва знакомой женщиной!

— Попёрся бы! — уверенно сказал Виктор. — У этой кошечки наверняка имплантант-манок. Мужикам от этой фигни просто башку сносит, без вариантов. Лично я по барам без глушилки и не хожу даже. Так что попёрся бы, за милую душу попёрся.

— Попёрся, не попёрся! — пробурчал Бен. — Какая разница? Предсказание-то было!

— А что он написал конкретно?

— Я точно не вспомню. — Бенджамиль взъерошил пятерней свои короткие обесцвеченные волосы. — Что-то про судьбу, и про красавиц, и про опасность.

— Здесь судьба, там судьба. — Виктор положил оракула на ладонь и принялся скрупулёзно осматривать вещицу со всех сторон. — Бенни! По-моему, ты сам придумываешь значение этой стихотворной тарабарщины. Кстати, здесь серийный номер: 531322D37, — наконец сказал он, царапая ногтём корпус. — Я и не предполагал, что волшебные вещи в прошлом веке штамповали на конвейере.

— Дай сюда! — обиженно сказал Бен, отбирая у Виктора медальон.

— Помолимся, братия, помолимся и причастимся кровью господнею! — пропел Виктор, косясь на Бенджамиля нечестивым глазом и наполняя бокалы красным.

— Аминь! — мрачно сказал Бен.

Он одним духом выпил свою порцию и спрятал оракула под рубашку.

Глава 7

Снаружи, за молочно-матовыми витражами гостиной, оказалось довольно свежо. Пронзительный студёный ветерок бесцеремонно ерошил волосы, теребил края одежды, забирался в рукава. Бенджамиль, поплотнее запахнув воротник френча, оперся локтями о балюстраду ограждения. Под ногами мерцали редкие огни чёрного буфера.

Просторная терраса балкона полукругом нависала над сто двадцатиметровой пропастью улицы. Четыре консольные балки в виде орлиных голов удерживали её от падения в пугающую темноту городских каньонов. Прищулив глаза, легко было вообразить себя парящим на широкой орлиной спине. А если слегка перегнуться через витые перила, можно было рассмотреть тусклую патину плесени на перьях могучих каменных птиц.

— Вик! — позвал Бенджамиль, оборачиваясь. — Теперь твоя очередь.

Штерн сидел в лёгком сетчатом кресле возле низкого столика и старательно выкрашивал содержимое сигареты в неглубокую керамическую пепельницу.

— Очередь на что? — спросил он, не отрываясь от своего увлекательного занятия.

— Ты обещал рассказать о себе, о своей жизни, чем ты занимаешься, и вообще... — Бен широким жестом руки обвёл террасу балкона.

— А, это? — неохотно отозвался Виктор. — Ну что ж, изволь. Спрашивай, а я буду отвечать.

— Э... и откуда это великолепие?

— Отсюда, — сказал Штерн, постучав себя указательным пальцем по лбу. — Из этой самой высоколобой головы.

— И чем же занимается твоя голова?

— Изобретает разные штуки. — Виктор выкрошил одну сигарету и принялся за вторую.

— Допустим? — Бен повернулся к товарищу лицом и оперся спиной о балюстраду.

— Допустим, биактинии для смартинов, генераторы направленных помех для криставирусных вычислителей и стабилизаторы для тех же криставирусных вычислителей. — Виктор наконец оставил свои сигареты и принялся загибать пальцы. — Спайеры и антиспайеры, иммунные процарды... Мне продолжать?

— Я в этом ничего не понимаю, — признался Бен, — можно как-то попроще?

Виктор ухмыльнулся:

— Ты когда-нибудь видел дефендер типа «камбала»?

Бенджамиль гордо кивнул.

— Подбором картинок на внешнем слое брони занимается криставирусный чип. Так вот, я могу разработать так называемый «мишмаш», и этот «мишмаш» будет заставлять чип показывать на броне высококачественную подборку живописи из Дрезденской галереи. — Видя испуганно-удивлённое лицо Бенджамилля, Виктор победоносно улыбнулся. — Впрочем, почему могу? Как раз этой белибердой я занимался три месяца назад.

— Кому это могло понадобиться? — спросил Бен ошарашено.

— Кому, кому... Ребятам из Сити, пульпе. — Виктор вытащил из кармана маленькую пластиковую коробочку вроде той, в которых держат сосательные таблетки, и потряс ею в воздухе.

— Ты работаешь на ситтеров?! — ужаснулся Бен.

— На кого я только не работаю, — немножко рисуясь, вздохнул Виктор. — Я занимаюсь тем, за что платят, а из чьего кармана деньги, мне пофигу. Да ты не пугайся, четырьмя месяцами раньше я занимался стабилизаторами для того же чипа.

— Теперь я уже ничего не понимаю, — сказал Бен жалобно. — Ты не работаешь на корпорацию?

Виктор радостно помотал головой.

— Но делаешь для них какие-то стабилизаторы?

Виктор чинно покивал.

— Как такое может быть?!

Виктор развёл руками:

— Может, как видишь. Время от времени ко мне приходят боссы из пульпы, или шестёрки из корпорации, или доверенные лица от земляных мандаринов из Поднебесной, и, если меня устраивает гонорар, я берусь за работу. Я не корпи и не пульпер, хотя я нужен и тем и другим.

— Но ведь ты закончил... кажется, Гейдельбергский? — Бен потёр лоб, вспоминая. — После университета идут в штатскую службу корпорации! Разве не так?

— Я ещё не закончил обучение, — улыбнулся Виктор.

— То есть как не закончил?

— Учусь, грызу гранит науки. — Виктор дважды нажал на дозатор своей коробочки для леденцов, всыпая в пепельницу малюсенькие, похожие на бисер шарики. — Я на четвёртом курсе. — И, предвосхищая вопрос Бенджамилля, пояснил: — Бенни, ты не представляешь, сколько лазеек в гражданском и уголовном законодательстве, а также в уставах учебных заведений. Регулярно внося в их бюджет в общем-то плёвые суммы, можно учиться до самой старости.

— Но зачем?! — Бенджамиль от избытка чувств схватился за голову. — Зачем жить в задрипанном центре, где каждый второй бандит и маньяк? Зачем прятаться, — ведь ты же прячешься? — вместо того чтобы получить диплом и преспокойно работать в проектной отделе какой-нибудь корпоративной фирмы?

— Зачем? — равнодушно переспросил Виктор. — Затем, что здесь я имею сколько могу, а не сколько дадут. Затем, что в вонючих фирмах все приличные места проданы на

двадцать лет вперёд. Затем, что на этих местах сидят тупицы и бездари, вроде твоего Ху-Ху, которые и замок для ширинки не сумеют придумать, а их боссы, имея штат дипломированных специалистов, в конце концов обращаются ко мне. Затем, что я со скуки подохну в вашем аутсайде, где даже трахнуть нельзя, не отчитавшись начальству по служебному телефону!

— Но если в корпорации узнают о твоих связях с Сити... — начал присмиривший Бен.

— Они и знают, скорее всего. — Виктор старательно перемешивал мизинцем цветные шарики с выкрошенным в пепельницу табаком. — А если не знают, то догадываются.

— И что? — спросил Бен.

— И ничего. Им это не мешает, сидтерам не мешает, чайникам не мешает, даже трэчерам это не мешает. Так что Виктор Штерн живёт спокойно, работает, платит за свой пентхауз, попивает вино, трахает кисок, прогуливается по вечерам, спасает недоумков из аутсайда... — Виктор засмеялся.

— Но ведь стена... арматура заострённая... капониры... охрана... — пробормотал ничего не понимающий Бенджамиль. — В новостях говорят про стычки, про налёты...

— Простая ты душа, — вздохнул Виктор. Он зачерпнул щепотью содержимое пепельницы, высыпал его в ладонь и взял со стола выпотрошенную сигарету. — Корпорация поддерживает с Сити прочнейшие связи. Сам посуди, никакого производства в Сити нет, никто ничего не выращивает, разве что коноплю в горшочках. Между тем в Сити живёт по меньшей мере полмиллиона человек. Что они едят? Во что одеваются? А вот во что! — Виктор расправил сигарету и принялся аккуратно набивать её табаком, перемешанным с цветными бисеринками. — Почти каждый день в Сити прут красные трейлеры с эмблемой корпорации, фуры, битком набитые жратвой, шмотками, разным барахлом, без которого не обойтись, и, конечно же, наркотой. Синтетические наркотики на кухне не сваришь. Их делают в промкольце, на корпоративных заводах, а потом отправляют в Сити...

— Всё верно, — подтвердил Бенджамиль. — Я в курсе дела. Но ведь мы поставляем в Сити только лёгкие лицензированные наркотики, у корпорации с сидтерскими боссами какая-то договорённость. Это ведь вполне законный оборот.

— Корпорация поставляет в Сити всякие наркотики, — назидательно сказал Виктор. — В том числе нелегальные супертяжеловесы вроде «ската» или «молотка». Ты, я думаю, даже названий таких не знаешь. Просто делается это неофициально.

Бенджамиль возмущённо пожал плечами:

— Вик! Ты нарочно городишь всякую ерунду. Лично я ничего подобного не слышал!

— А твой Ху-Ху наверняка слышал, — иронически заметил Виктор.

— Но вся информация сейчас идёт через меня! — Бену показалось, что наконец он нашёл весомый аргумент.

— Ой, вся ли? — усомнился Виктор, едва сдерживая улыбку, и Бенджамиль крепко задумался.

— А чем Сити расплачивается за жратву, за шмотки, за услуги? — продолжал Виктор, закручивая кончик вновь набитой сигареты. — Что пульпа даёт взамен порошков, растворов, таблеток? А?! Пульпа, друг мой, торгует наркотой по всему чёрному буферу, по всему индастри, отчасти контролирует белый буфер и даже, насколько я знаю, добирается до твоего чистенького аутсайда. Как думаешь, где производится вся самогонка, которую литрами потребляют отдолбившие смену индусты, а также их выжатые досуха жены и болтающие на трэче детишки-бандиты? Спирт гонят всё в том же Сити из сырья, которое доставляют все на тех же красных трейлерах. Поверь мне, Бенни, это огромные деньги, и по меньшей мере две трети этой Амазонки течёт на счета корпорации. Корпорации невыгодно стирать пульпу с лица земли, корпорации невыгодно замуровывать пульпу в резервации. Эта индейка несёт золотые яички, Бенни, вот так-то!

— А ты, случаем, не сгущаешь краски? — спросил Бенджамиль, на секунду ему показалось, что перила балкона куда-то исчезли и он, балансируя, стоит над темной, слегка расцвеченной редкими огоньками бездной.

— Хочешь, познакомлю тебя с одним обмылком, который пятый год сидит на «молотке»? — лениво предложил Штерн. — Наркота нынче гуманная, можно и десять лет протянуть, даже пятнадцать. — Он нехорошо ухмыльнулся. — Мертвец платить за дозу не станет.

Бенджамиль поёжился:

— Непривычно ты как-то говоришь, жутковато.

— Что есть, то есть...

Виктор поднялся из-за столика и подошёл к перилам. В одной руке он держал сигарету, в другой блестящую металлическую зажигалку антикварного вида.

— Сударь! — провозгласил он торжественно. — Вам случалось курить? Хотя бы не взятяжку?

— Пару раз пробовал, давно, ещё в школе, — смутившись, признался Бен. — А зачем это?

— Увидишь, — сказал Виктор загадочно.

Он взял сигарету в губы и щёлкнул зажигалкой. Бенджамиль зачарованно следил, как Штерн прикуривает, заслонив огонёк ладонью.

— Классная зажигалка! — сказал он с завистью. — Раритет?

— М-м-м... — Виктор с наслаждением затянулся, пряча зажигалку в карман брюк. — Хороший откат... М-м-м-ф... Не обманули.

Мэй потянул носом. Глаза у Виктора приобрели маслянистый блеск, по губам пробежала расслабленная улыбка.

— Совсем другое дело! — сказал он удовлетворённо. — От третьей бутылки вина на меня вечно хандра нападает. Пока пьёшь — веселишься, а напьёшься — плачешь!

Виктор затянулся ещё раз и протянул сигарету Мэю.

— Попробуй, — сказал он как бы между прочим. — Втяни дым в лёгкие и удержи дыхание секунд на пять. Бьюсь об заклад, такого в твоём аутсайде не водится.

— Это марихуана? — осторожно спросил Бен, не решаясь взять сигарету.

— Марихуана?! — Виктор от души расхохотался. — На ботанику у меня денег не хватит! К тому же настоящую дурь на улице не купишь. Это «сат» — синтетик, так скажем, эрзац, но очень хороший эрзац, я плохую дрянь не беру. Пробуй, не бойся.

Бенджамиль опасливо взял сигарету большим и указательным пальцами.

— Даже не знаю... — промямлил он.

— Ладно, давай сюда! — немного разочарованно сказал Виктор.

В этот же миг Бенджамиль, сам не зная зачем, поднёс сигарету ко рту и затянулся. Сладковато-горький, шершавый, как тёрка, дым заполнил лёгкие, Бен не удержал его в себе и мучительно закашлялся. Вторая затяжка получилась гораздо лучше, хотя в горле першило неимоверно, а на глаза навернулись слезы. Виктор одобрительно хлопнул его по плечу и отобрал сигарету.

— Ну как? — спросил он с интересом.

Бенджамиль осторожно прислушивался к своим ощущениям.

— Вроде ничего. В смысле, я ничего не чувствую! — сказал он наконец и засмеялся.

Виктор засмеялся следом.

В детстве отец несколько раз водил Бенджамиля купаться в реке. Теперь эта речка, равно как и прочие, упрятана в бетонную трубу, но тогда, двадцать пять лет назад, ещё были на её берегах маленькие платные пляжи с тентами и шезлонгами. Теперь старые воспоминания ожили, и Бену показалось, будто его подхватило тёплое водяное течение. Несёт куда-то, медленно переворачивая через голову. Мир вокруг сделался простым, лёгким и прозрачным.

— Значит, ты не любишь корпорацию? — спросил Бен, пытаясь настроиться на серьёзный лад. — Из чувства протеста работаешь на Сити? А в Рождество наряжаешься Санта-Клаусом и лазишь по трубам с красным мешком?

Хихикнув, Бенджамиль потыкал ногой один из объёмистых трёхцветных мешков, действительно стоявших вдоль решётки балконного ограждения.

— Никуда я не лажу, — удивлённо сказал Штерн, выпуская изо рта белёсое облачко дыма. — Я люблю корпорацию... Никогда не кусай руку, которая тебя... Эй, Бенни! Рождество — запрещённый праздник! Откуда ты знаешь о непристойно-мистических, безнравственных персонажах вроде Санты?

— Мне мама рассказывала, в детстве, — признался Бен. — И никакой он не безнравственный, добрый старик, по трубам лазил. Скажу по секрету, мне родители даже Библию вслух читали. Только т-с-с-с! Никому!..

Виктор понимающе приложил ладонь к губам.

После смерти отца Бенджамиль с матерью переселились в нынешнюю квартиру. Мать прожила в ней всего два года. Спустя какое-то время Бен вспомнил о Библии. Он перерыл все старые вещи в поисках толстого брикета потрёпанных листов, но так ничего и не нашёл. Наверное, книга осталась где-нибудь в тайнике на старой квартире. А может быть, мать сожгла её от греха подальше.

Бенджамиль, помотав головой, взял протянутую ему сигарету и с каверзным, обличающим видом погрозил Виктору пальцем:

— А ты откуда знаешь про эту чертовщину?

— Я-то? Я вообще много чего знаю.

— Нет! Серьёзно!

— Серьёзно? Если серьёзно, то я иногда лажу через телефонную сеть в закрытые разделы инфохрана корпорации. Только это не совсем законно. Так что т-с-с-с. Никому!!!

— Ага! Я же говорил, что лазаешь! — радостно воскликнул Бен.

— Представляешь, — продолжал Виктор вдохновенно, — раньше весь мир был связан информационной сетью и каждый, кто пожелает, мог совершенно официально туда зайти, узнать всё, что хочет... а теперь приходится лазать...

— С мешком... — прыснул Бенджамиль.

— Балда! — сказал Виктор, ухмыляясь. — Это не мешок, это парашют.

— На хрена?! — Бенджамиль выпучил глаза.

— С ним можно прыгнуть вниз.

— Ну?! Дашь примерить?

Когда Виктор закончил затягивать лямки вокруг ног Бенджамиля, оба приятеля уже покатывались от хохота. Бен всё время пытался заглянуть себе за спину, чтобы посмотреть, как сидит ранец, а Виктор пытался удержать его на месте.

— Дай-ка ракету! — Виктор забрал у Бена коротенький окурок и отступил на пару шагов. — Вот и вся наука, — сказал он, осматривая экипированного парашютиста с ног до головы. — Ремни регулируются автоматически, вытяжной фал привязан к перилам.

— Как я выгляжу? — спросил Бен.

— Как полный придурок! — Виктор затаился последний раз и бросил бычок вниз. — Хочешь прыгнуть? — неожиданно предложил он.

Бенджамиль попытался проследить глазами полет окурка. Весёлость его слегка поубавилась.

— Хотя под кайфом прыгать нельзя, — сказал Виктор.

— Почему? — Бен с трудом оторвался от созерцания тёмного провала улицы.

— Потому что можешь полететь не вниз, а вверх, — захохотал Виктор.

Когда новый взрыв веселья угас, Штерн объяснил, вытирая глаза:

— Прыгать надо в свой счастливый день. Я прыгаю только по средам. У тебя сегодня день, несомненно, счастливый, но злоупотреблять везением не стоит. Тем более, что в одном из парашютов обрезан вытяжной шнур, а я не знаю, в каком.

— Зачем обрезан? — глупо улыбаясь, спросил Бенджамиль.

— Лекарство от пресной жизни! — Виктор махнул рукой. — Не обращай внимания... А не послать ли нам за десертом?!

Они стояли рядышком, облокотившись на перила балюстрады, и лениво курили, бережно передавая друг другу сигарету огоньком кверху.

— Помнишь Розану Табоне? — спросил Виктор.

Тлеющий кончик сигареты подсветил красным тени на его острых скулах.

— Такая высокая, тёмная? Родинка вот тут, над губой?

Виктор кивнул.

— Помню, — сказал Бен. — Только не помню, что она Табоне.

— Нам было лет по четырнадцать. — Виктор блаженно улыбнулся. — Мы с Рози приходили на станцию, забирались вдвоём в одну таблетку, потом вводили код семнадцатой станции нашей ветки и отправлялись до самой границы аутсайда, сначала сорок минут туда, а потом сорок минут обратно. И всю дорогу мы любили друг дружку прямо в таблетке. Вот это было настоящее счастье.

Бенджамиль восхищённо и недоверчиво покачал головой:

— И ни разу никому не проболтались?

— Ни разу.

— Невероятно! И как вы умудрялись... в такой тесноте?

— В четырнадцать я был гораздо гибче, чем теперь, — сказал Виктор.

Бенджамиль засмеялся:

— Но ведь в каждой таблетке, кажется, есть система видеонаблюдения!

— Есть, — сказал Виктор, выпуская через ноздри тонкие струйки дыма. — В четырнадцать я был уже достаточно умён, чтобы залепить чем-нибудь объектив микрокамеры. Так что стопам так и не привелось насладиться детским порно в исполнении Виктора Штерна и Розаны Табоне.

— Надо же! — сказал Бенджамиль. — Мне никогда ничего подобного даже в голову не приходило. В четырнадцать я только мечтал. Ну, может, целовался пару раз. А что сейчас с Рози?

— Не знаю. — Виктор пожал плечами. — Я не видел её с тех пор, как мы закончили школу. А помнишь, как ты рассказывал нам истории?

— Смутно, — признался Бен. — Кажется, я их сам и придумывал, но про что, даже не припомню.

— А я знал, что ты сам их сочиняешь, и страшно завидовал. — Виктор с сожалением погасил истлевший окурок, потом спросил, потянувшись так, что хрустнули суставы: — Ну как? Откат нормальный?

— Лучше не бывает! Всё такое чудное! — откликнулся Бен. — Видишь птицу?

— Какую птицу?

— Перед балконом летает туда-сюда. Серенькая такая. Вот опять. Гляди! — Бенджамиль вытянул вперёд палец.

— Пошли-ка в дом. Что-то я озяб! — решительно сказал Виктор. — Хочу показать тебе свою последнюю работу!

— Пошли, — согласился Бен, ему было всё равно, куда идти и что смотреть, он чувствовал себя вполне счастливым человеком.

Глава 8

После уличной прохлады огромная, как ангар, гостиная показалась Бену тёплой и даже уютной. Виктор протащил его через пустую залу и усадил за стол вычислителя, предварительно спихнув в сторону немытые чашки, пластины записных книжек и мотки цветных шнуров.

— Амаль! — грозно заорал Виктор. — Амаль!!! Где тебя черти носят?!

— Напрасно вы выражаетесь, сударь! — укоризненно пропищала Амаль, выкатываясь из-за ближайшей колонны. — Грубая брань не соответствует морально-этическим эталонам корпорации.

— Наглая, болтливая, хитрая железка, — ласково сказал Виктор. — Однажды я куплю вместо тебя механическую кошку. Живо тащи сюда бутылку рислинга и два бокала!

Возмущённо фыркнув, роботесса покрутила манипуляторами и уехала в сторону кухни. Бенджамиль сидел в кресле, блаженно улыбаясь, а Виктор полез копать в одном из стеллажей с инфокапсулами. Через несколько минут с вином и бокалами вернулась Амаль. Она поставила заказанное перед Беном, помигала огоньками на грязные чашки, на кучу пластинок с проводами и сказала нарочито вызывающим тоном:

— Мастер Штерн не позволяет мне убираться на столе...

— А ну-ка, брысь! — весело рывкнул Виктор, возвращаясь от стеллажа.

Амаль взвизгнула и стремглав нырнула за колонну. Виктор же, усевшись прямо на крышку стола, показал Бену пакетик с дюжиной красных, словно кровь, таблеток. Он ловко налил по полному бокалу, потом вытряхнул на ладонь пару таблеток и протянул одну Бену.

— Что это? — спросил Бенджамиль, отстранённо разглядывая сплюснутый красный эллипсоид, маркированный иероглифом «ши».

— Стимулятор, хорошо продувает мозги после «сата». Делай, как я. — Виктор положил таблетку на язык и запил рислингом.

Ровным счётом ни о чём ни думая, Бенджамиль сунул таблетку в рот и глотнул вина. Сначала он ничего не почувствовал, потом начало приятно пощипывать кончики пальцев, потом тёплая волна чего-то похожего на слабый электрический ток пробежала по запястьям, предплечьям, плечам, всё выше и выше, наполняя тело радужной воздушной бодростью. Бену показалось, что ещё немного и он, легонько толкнувшись ногами, взлетит над спинкой кресла. Виктор, нагнувшись, заглянул ему в глаза.

— Вот, теперь мы под стимулятором! — удовлетворённо сказал он. — Сиди осваивайся, я мигом!

Виктор ушёл, а Бен начал размышлять. За последние сутки он столько раз совершал поступки совершенно невероятные, несвойственные Бенджамиллю Френсису Мэю, что уже не был твёрдо уверен, является ли он тем самым Бенджамилем Мэем, что служит переводчиком в «Счастливом Шульце» и живёт в бело-оранжевом секторе аутсайда. Он продумывал четвёртый вариант нового имени для Бенджамиля Мэя, когда появился Виктор, неся в руках нечто вроде средних размеров аквариума с двойной крышкой.

— Вот! — сказал он, водружая ящик на стол. — Итог моей жизни.

— Где? — удивился Бенджамиль, рассматривая желтоватые бока стеклянного куба.

— Здесь, на дне! — Виктор хлопнул ладонью по прозрачной крышке.

Бенджамиль автоматически подался вперёд и действительно различил на дне аквариума десяток каких-то точек, не крупнее следа от булавочного укола.

— Что это такое? — ничего не понимая, спросил Бен. — Итог твоей жизни — семена растений, или крупинки песка, или?..

— Балда, — строго сказал Виктор. — Это мои нелинейные индистрактеры! погоди! Сейчас покажу.

Он ловко выудил из груды хлама штуквинку вроде пластинчатого сканера на присосках и прилепил её к стенке аквариума, затем поколдовал над сенсорной панелью и потянул Бена за отворот френча.

— Смотри внимательно, дилетант, перед тобой будущее, — сказал Штерн, тыча пальцем в ставшую прозрачной пластинку.

Бен нагнулся ближе. Виктор провёл пальцем по панели, увеличивая изображение. За тонированным стеклом сидело несколько насекомых странного вида. Более всего они напоминали бескрылых тараканов, хотя их задние ноги были чересчур велики, а хитиновые спинки отливали темным полированным серебром. Тараканы размером меньше домашнего муравья. Сначала Бен решил, что это искусные поделки из какого-то дорогого металла, но Виктор ещё раз увеличил картинку, и Бенджамиль заметил, как одно из насекомых выпустило из головы пару тончайших проволочных усиков, пошевелило ими и быстро втянуло обратно.

— Что это за гадость? — брезгливо спросил Бен, никогда не питавший особой любви к членистоногим. — Занимаешься на досуге энтомологией?

Виктор Штерн покачал головой:

— То, что ты перед собой видишь, скорее всего, положит конец биллектронным технологиям. Самое крупное изобретение нашего века. И его сделал я! — Худые щеки Виктора покрылись слабым румянцем. — Эти малютки — универсальные интельфаги. Лет через десять ты попадёшь в историю уже за то, что сидел за соседней партой с Вэ Штерном.

— Больше всего они похожи на недокормленных тараканов, — сказал Мэй, который не понял и половины из всего сказанного.

— Тараканов? — ещё больше оживился Виктор. — Пожалуй, ты прав. Похожи. Буду звать их тараканами. Тараканы Штерна — это звучит как гимн, а «букашки» — слишком мягкотело. Нарекаю вас тараканами, дети мои, присно и во веки веков!

Бенджамиль открыл было рот, но Виктор остановил его жестом:

— На чём работает процессор твоей записной книжки или, скажем, модуль памяти твоих часов?

— Понятия не имею. — Бенджамиль развёл руками. — Тем более, что часы у меня свистнули!

— На биллектронных интелькультурах, на криставирусах! — не обращая внимания на реплику, продолжал Штерн. — В моем стационарном вычислителе — модифицированные культуры гриппа, диспетчерская система трубы функционирует на триста десятом интелькоке, и так далее, и тому подобное! В наш просвещённый век без биллектронных систем никто не может ни посрать, ни потереться! — Виктор засмеялся, довольный своей шуткой. — У тебя дома много умных приборов, напичканных биллектроникой? — спросил он Бенджамиль.

— Хватает. Только при чём здесь тараканы?

— А во внешних и внутренних подразделениях силовых департаментов?

— Наверное, не меньше. А тараканы-то при чём?

— А тараканы вот при чём. — Виктор прищурился. — Мои индистрактеры питаются биологическими интелькультурами. Питаются и плодятся. За четверть часа они могут съесть мозги любого оборонного вычислителя или станции спутникового наведения. Их нужно всего лишь доставить к объекту диверсии. Они пролезут в любую щель, в самую микроскопическую отдушину. Их не фиксируют детекторы интеллектуальной биомассы, не определяют следящие системы. Идеальные диверсанты! Их процессоры, если это можно так назвать, представляют из себя колонию микроорганизмов. Скорее мёртвых, чем живых, автономных микроскопических устройств... Как бы это?.. Мне сложно объяснить тебе подробнее... Я зову их некробами. Они не могут производить сверхсложных вычислений, но зато они умеют находить и жрать биллеккультуры. Да вот! Погляди сам.

Жестом циркового фокусника Виктор поддёрнул манжет и стянул с запястья часы. Настоящий шанхайский роллекс, точно такие же, как у Ху-Ху. Ловко открыв один за другим два лючка в двойной крышке, Виктор сбросил часы в аквариум и быстро закрыл отверстия.

— Они, как блохи, довольно прыгучие, — пояснил он, фокусируя изображение на приклеенной к стеклу панели. — В пассивном состоянии воспринимают тепло и движение. При первой возможности цепляются к транзитному человеку, механизму или животному, что попадётся, прячутся и сидят тише воды, ниже травы... Гляди.

Индистрактеры почти никак не прореагировали на появление часов. Двое или трое пошевелили усиками в сторону упавшего предмета, но только и всего.

— Они даже не видят твоего роллекса, — заметил Бен.

— Не спеши. — Виктор предостерегающе поднял руку. — Шоу только начинается. Время писать кипятком ещё не наступило. Сейчас я введу код активации. Допустим... три хлопка в ладоши! — Пальцы Штерна пробежались по цветным пиктограммам сенсорной панели. — Гляди!.. Теперь они как взведённый курок, достаточно нажать на спуск, и...

Виктор трижды звонко ударил ладонью о ладонь и крикнул:

— Смотри! Смотри скорее!

Бен приблизил лицо к изображению на панели. Огромные часы размером с булыжник мирно лежали на дне аквариума. Вокруг часов спокойно сидели «тараканы». Но вот один из них шевельнулся, затем другой, третий. Ощущение было таким, будто индистрактеры медленно выходят из состояния летаргического сна. Когда именно первый из них прыгнул на часы, Бен даже не успел заметить.

— Смотри! Смотри! — возбуждённо закричал Виктор.

Бен не верил своим глазам: десять блестящих как ртуть насекомых мгновенно присосались к белоснежному цельнолитому корпусу устройства с гарантией на десять лет безупречной и бесперебойной работы. Чпок! И вот уже на нем нет ни одной букашки, только маленькие аккуратные дырочки на местах вторжения. Цветной экран потемнел, словно обугливаясь, цифры и значки стали таять в мертвенной свинцовой черноте. Экран мигнул и погас совсем. Виктор, ждавший этого момента, торопливо похлопал в ладоши. Ровно через секунду тараканы испуганно полезли из проплавленных дырочек, покидая бесполезный остров роллекса за полторы тысячи марок.

— Стекло коробки жаропрочное, но это ерунда, — неловко ухмыляясь, сказал Виктор, ему было неудобно за свою явную поспешность, — корпуса моих таракашек могут нагреваться до двух тысяч градусов. Стекло столько не выдержит, а у меня тут полно «жратвы».

«Тараканы» тем временем выбрались из корпуса съеденных часов и чинно уселись в том углу аквариума, возле которого Виктор хлопал в ладоши.

— Ну как? — спросил Виктор. — Пересчитай их теперь.

— Тринадцать, — сказал Бен неуверенно, — а было, кажется, десять.

— Десять! — радостно подтвердил Виктор. — Маленькие поганцы жрут и размножаются. И ещё они умнеют! Учатся выделять перспективные средства транспортировки к новым источникам питания. Они учатся вырабатывать стратегию поведения! Понимаешь?! С эпохой ЭВМ покончили вирусы, а биллектронику убьют мои «тараканы». Это будет война, Бен! Настоящая война! Крошечный диверсант, зацепившись за полу сюртука ответственного работника, проезжает на стратегический объект, ждёт сигнала. Сигналом может быть всё что угодно — куплет из модной песенки или радиосигнал определённой частоты, или... — Виктор опять склонился над панелью управления, — или... вот сейчас я поменял код, и теперь они реагируют на троекратное сжатие.

«Какое совпадение, — подумал Бен. — Оракула тоже надо сдавить в кулаке».

— Три раза жмёшь его в пальцах, потом «бах!», он приходит в боевое состояние и жрёт всё, до чего доберётся. Что скажешь? — Виктор выжидательно уставился на Бенджамиля.

— А кому нужно убивать биллектронику? — спросил Бен.

— Русским, — сказал Штерн как не в чём не бывало.

Бенджамиль открыл и закрыл рот.

— Ну да! Русским! А что тут такого? — Виктор возбуждённо прошёлся взад-вперёд. — Полгода назад со мной связались русские из Байкальской Автономии. Они не конкретизировали суть конечного продукта. Просто обрисовали общую задачу. Заплатили хороший аванс. Я уже потратил его на мини-факт, замечательный, практически профессиональный монтажный стенд. По-моему, всё удалось по высшему разряду! Я сам не ожидал!

— А зачем русским «тараканы»? — спросил Бен, всё больше убеждаясь в том, что его товарищ — сумасшедший гений.

— Наверное, хотят устроить подлянку чайникам. Почём мне знать! — воскликнул Виктор. — Да и по хрену мне! Русские мне нравятся больше мандаринов! Русские заплатят мне такие деньги, что можно будет купить остров на каком-нибудь архипелаге! Хочешь, поедем вдвоём! Бенни, ты хоть раз видел море?

— Я не видел моря. Разве что на три-М-картинках, — задумчиво сказал Бен. — Вик, русские непременно используют «тараканов», только технологию они всё равно не удержат,

рано или поздно она будет в Поднебесной.

— Ещё бы! — Штерн самодовольно улыбнулся. — Только я не намерен ждать «рано или поздно», я сам продам чайникам рецепт, как только они назовут приличную цену.

Бенджамиль понимал, что должен негодовать и ужасаться, но отчего-то не ощущал в себе ни того ни другого. Напротив, всю его сущность захлестнула волна азарта: «Ну и пусть! Пускай мир катится в тартарары! Всё одно веселее».

— Но это же конец света, апокалипсис! — сказал Бен, понижая голос.

— Браво!!! — взревел Штерн. — Двадцать марок штрафа за нецензурно-религиозные выражения!

— Но, Вик, речь идёт о всём мире.

— Срал я на мир!

— Тогда подумай о себе.

— Срал я на себя!

— А другие люди? — беспомощно спросил Бен. — Я даже не представляю, во что это выльется.

— Другие люди? — зловеще проговорил Виктор. — Возьмём, к примеру, тебя. Есть ли у тебя, Бенджамиль Мэй, что-нибудь такое, чего стоило бы держаться в этой гребаной жизни? Отвечай сразу и без раздумий. Молчишь? Молчишь, потому что тебе нечего возразить.

И хотя Бену очень хотелось закричать: «Всё не так!» — он вдруг с ужасом сообразил, что не может назвать ни одной вещи, ради которой стоило бы жить. Он чувствовал, что это неправильно, что Виктор просто запутал его своими словами, перемешанными с «сатом» и одобренными стимулятором «ши», но, хоть убей, не мог подобрать ни единого довода.

— Эти бешеные дегенераты не станут ждать, пока ты продашь технологию мандаринам, — сказал Бен мрачно, — они просто грохнут тебя в этой комнате и заберут твой аквариум.

— Хрен они заберут! — Виктор засмеялся. — Я сумею за себя постоять, а если не сумею — так туда мне и дорога... Только что-то эти дегенераты не торопятся, — добавил он задумчиво. — Оговорённый срок уж три недели как прошёл, а от русских ни слуху ни духу. Ну ничего, я терпеливый, неделю ещё подожду для ровного счета, а там посмотрим.

— Вик, на кой ты мне всё это рассказал? — тихонько спросил Бен.

Виктор равнодушно пожал плечами, затем извлёк из брючного кармана пакет с красными таблетками, бросил одну в рот, другую протянул Бенджамиллю. Бен помотал головой. Виктор сунул таблетку обратно в пакет, поморщился и отхлебнул вина.

— Почему бы и нет? — сказал он после некоторого раздумья. — Мне захотелось, а ты оказался под рукой.

— Очень приятно, — пробормотал Бенджамиль.

Огромные солнечные часы на потолке необъятной гостиной показывали почти три ночи, но сна не было ни в одном глазу. Развалившись в широких креслах, приятели тянули вино и разговаривали. Длинная тень секундной стрелки беззвучно вращалась над их головами, словно лопасть гигантского вентилятора, то становясь чётче, то совсем исчезая в тени. Потолочные светильники были почти погашены, и дальние концы зала тонули в сумраке, только крышка стола-вычислителя да основания колонн излучали прохладное сияние. Штерн курил.

Иногда, распространяя вокруг себя тихое гудение сервоприводов, появлялась Амаль, меняла тарелки с закуской и исчезала, как механическое привидение. Вялые завитки табачного дыма плыли в теплом стоячем воздухе.

— Возможно, ты прав, даже скорее всего прав, — сказал Виктор, отхлёбывая из высокого бокала. — Вся моя жизнь, всё моё отношение к жизни пропитано дрянной ненормальностью, я и сам, в сущности, ненормальный, но даже если ты прав, это всё равно ничего не меняет.

— Почему это не меняет? — возмутился Бен. — Очень даже меняет! Если ты понимаешь, что действия и мысли твои ненормальны, то половина проблемы уже решена. А если вторую половину решить самому не под силу, то можно обратиться к психологу. А что тут такого?

Виктор невесело засмеялся:

— Чудак ты человек, Бенни Мэй! Оно, может, и здорово — поселиться в аутсайде, жениться на толстозадой глупой блондинке, коллекционировать пробки от крепких напитков, каких никогда и не нюхал, смотреть вечерами одобренные отделом культуры лонгливеры, да только мне это не поможет. Во мне проделана дыра, не дыра — дырища! Сквозь эту прореху из меня вытекает сама жизнь со всеми красками, радостями, восторгами! А ты советуешь заткнуть её пробкой от пустой бутылки!

— Ты говоришь так потому, что обкурился и съел две таблетки! — неуверенно возразил Бен.

— Не понимаешь ты меня, — сокрушённо сказал Виктор. — Девяносто процентов своей жизни я делю между «скучно» и «тошно», девяносто процентов чёртовой жизни, когда я не курю, не закидываюсь и не откалываю дикие коленца! Девяносто процентов! Представь себе, Бенни. А всё остальное — пустота и скука.

«Он рисуется, — подумал Бен. — Не может быть такого, чтобы жил человек и не радовался тому, что живёт. Это похоже на кошунство».

— А как же работа? — поинтересовался Бен. — Неужели ты изобрёл этих твоих некробов в приступе скуки? Я бы на твоём месте до потолка прыгал от своей гениальности.

— Я и прыгал... — Виктор прикрыл глаза. — Минут десять прыгал, потом скучно стало... прыгать. Работа — это всего-навсего рефлекс творческой личности. К тому же я подумал, что ничего подобного никогда больше не сделаю. Я использовал свой шанс. Ура... Но теперь-то это деяние в прошлом.

— Нельзя так негативно ко всему относиться, — почти сердито сказал Бен. — Это похоже на кошунство!

— Пошёл ты, Бенджамиль Мэй, — лениво отозвался Виктор. — Мне наплевать на всё и на всех. Таким уж я уродился или стал в процессе эволюции.

— Ты выручил меня там, на улице, притащил сюда, четвёртый час болтаешь со мной о своих делах, и всё оттого, что тебе наплевать на меня?! Все пустота?! — Бенджамиль аж приподнялся с кресла.

— Ну да! — Виктор пожал плечами. — Завтра, вернее, сегодня, я провожу тебя до трубы, посажу в таблетку и больше никогда не увижу. Ты появился из пустоты, в пустоту и канешь.

Бенджамиль возмущённо открыл рот.

— Ты и в школе всегда был задавакой! — сказал он наконец.

Штерн опять достал красные таблетки. Отправив одну в рот, он бросил остальные Бенджамиллю. Бен машинально поймал пакетик возле своего живота.

— Закинься, — сказал Виктор, — сразу перестанешь задавать глупые вопросы.

— Ты уже третью глотаешь. — Бенджамиль неуверенно повертел пакет в пальцах. — Не боишься заработать зависимость?

— Херня! Никто не садится на стимуляторы! По крайней мере, не сразу! — заявил Виктор. — Я закидываюсь больше двух лет, и почти никакой привычки. — Он распалялся всё больше и больше. — Если хочешь знать, я и тараканов придумал под стимулятором, и многое другое. Два десятка минут никакой пустоты, никакой скуки, сплошной полет фантазии, а потом можно всю ночь пахать, и две, и три ночи подряд, и десять ночей, и двадцать. В последнее время я сплю не больше часа в сутки, бывает, не сплю вовсе, а чтобы уснуть, надо покурить дряни. Зато никакой тоски!

— Употребление наркотиков ведёт к смерти, — робко сказал Бен. — Это все знают, кроме бандитов из Сити. Общеизвестный факт!

— Ты тоже когда-нибудь умрёшь, а я уж и подавно не собираюсь жить вечно. Ты

говоришь, подсесть на стимуляторы? Ха-ха! — Виктор бухнул кулаком по столешнице. — Я точно умру не от таблеток.

— А от чего? — Бенджамиль уставился на собеседника, как зачарованный.

— У меня на балконе дюжина парашютов. — Виктор ткнул пальцем в сторону витражных стёкол. — У одного перерезан вытяжной шнур. Раз в месяц я совершаю прыжок, наудачу выбираю ранец и сигаю вниз с сорокового этажа. Ни с чем не сравнимое ощущение настоящей жизни! Потом я собираю купол, укладываю его в ранец, а ранцы перемешиваю. И можно всё начинать сначала.

— Зачем? — Бенджамиль никак не мог понять, шутит Штерн или говорит всерьёз.

— Прыгать на исправном парашюте интересно только сначала, после десятого раза становится скучно. — Глаза Виктора сверкали от возбуждения. — Когда знаешь, что один из двенадцати куполов не раскроется, возникает изумительное, ни с чем не сравнимое ощущение, хотя и это постепенно приедается. Если русские меня не грохнут, обрежу шнур у второго парашюта! Ты опять спросишь меня: зачем? Я отвечу. Это хорошее лекарство от пустоты и скуки! Три раза я принимал участие в уличных перестрелках. Я трахал буферных шлюх без презервогеля. Я набивал десять капсул амфетамином и в одну клал стрихнин. Я прыгал в лифтовую шахту на самодельной подвеске из эластика. В одном подпольном тотклубе я играл в русскую рулетку на деньги!

Виктор остановился и перевёл дух. Бенджамиль глядел на него испуганными глазами, сжимая в руке пакетик с красными таблетками. Неуютная жутковатая тишина повисла в пустынном зале. Где-то среди подсвеченных снизу колонн пряталась Амаль, и Бенджамиллю остро захотелось, чтобы она сию минуту появилась возле стола, чтобы она ворчала без умолку, расставляла тарелки, жужжала и шелкала механическими суставами.

— Вик, ты болен, — сказал Бен и сам вздрогнул от звука своего голоса.

— Да! — охотно согласился Штерн. — Я болен, и я умру. Бенни, хватит лапать пакет! Закинься, наконец, черт тебя побери! Меня раздражает шуршание упаковки!

— У меня ещё от первой голова кругом, — виновато признался Бен. — Я, пожалуй, повременю, а?

— Скушай, деточка! — Виктор весь подался вперёд, улыбаясь одними губами. — Это всего лишь лекарство от пустоты. Ты ведь не станешь огорчать своего лучшего друга?

Бенджамиль, вздохнув, раскрыл горлышко пакета и достал таблетку. Его чуточку мутило и ужасно не хотелось глотать красную пилюлю. Казалось, вся его сущность восставала против новой дозы. Ему не хотелось никаких впечатлений, ему хотелось домой. Бен мучительно пытался придумать, куда бы сбавить таблетку, но Виктор не сводил с него внимательных глаз, и ничего не шло на ум. Бен уже поднёс ладонь ко рту, когда в голове его наконец мелькнула спасительная идея.

— Вик! — воскликнул он, делая вид, что неожиданно вспомнил нечто важное. — Ты же обещал мне показать свои револьверы, говорил, что у тебя целая коллекция.

— Ну, коллекция — не коллекция, есть четыре штуки...

Похоже, Штерн забыл про таблетку.

— Пойдём, — сказал он, поднимаясь на ноги. — Покажу, если хочешь. Впрочем, нет. Сиди здесь, я сам принесу.

Звонко постукивая каблуками по стеклоподобному паркету, Виктор двинулся куда-то в сумрачную глубину своей гостиной, а Бен с облегчением затолкал таблетку обратно в пакетик. В тот же самый миг Штерн обернулся на ходу и крикнул:

— И не думай отвертеться, Бен! Глотай диск!

Бенджамиль быстро сунул упаковку со стимулятором в боковой карман френча, схватил бокал и сделал вид, что запивает таблетку вином.

— То-то, — удовлетворённо сказал Виктор, исчезая в тени.

Бенджамиль поёжился. Голографическая тень секундной стрелки на потолке неумолимо описывала круг за кругом, узкая и острая, словно лезвие. «Похоже на меч судьбы, — подумал Бен. — Какая нелепая выдумка: солнечные часы на потолке, да еще и с

тремя стрелками. Имел ли дизайнер хоть какое-то представление о солнечных часах?» Бен прикрыл глаза, но перед внутренним взором всё равно крутилась тень стрелки.

Виктор вернулся довольно скоро. В каждой руке он нёс пару револьверов, зацепив их указательным пальцем за спусковые скобы.

— Вот! — сказал он, без всякого почтения сгружая свою ношу на крышку стола-вычислителя. — Оружейный хлам. Любуйся.

Бенджамиль осторожно погладил один из пистолетов по шершавой рукоятке. Ни разу в жизни ему ещё не приходилось прикасаться к настоящему огнестрельному оружию. Это было страшно и приятно одновременно. Револьвер чем-то походил на ту крутобёдную азиатскую девушку, что Бен видел в Сити. Такой же изящный и смертоносно весомый, он настойчиво просился в ладонь, и в то же время пальцы испуганно отпрыгивали, едва коснувшись его гладкого бока.

— То, что ты щупаешь, является кольцом модели пятидесятого года, — прокомментировал Виктор, заваливаясь в кресло, — ближе всего ко мне лежит «рюгер» U-300, с жёлтыми накладками на ручке — «астра» двадцать второго калибра, а между ними — «смит и vesson» магнум. Из всех он самый старый, и к нему очень сложно достать патроны. Нравится?

Бенджамиль кивнул, бережно поднимая со стола маслянисто блестящую чёрную «астру». От револьвера пахло железом и ещё чем-то незнакомым. Бен потянул носом.

— Это масло, — сказал Виктор. — Хочешь я подарю тебе кольцо?

Бенджамиль представил себе пистолет, стоящий на полке в специальном держателе, и рот его непроизвольно наполнился слюной. Он сглотнул и отрицательно помотал головой.

— А «смит и vesson»? — удивился Штерн. — Настоящий раритет, ты сам говорил, что тебе нравятся антиквашки.

Это ведь оружие, — растерянно проговорил Бен. — Если его у меня кто-нибудь увидит, будут неприятности. Виктор фыркнул:

— Да он даже без зарядов. Всё, что ты имеешь счастье наблюдать, — устаревшие экземпляры, давно снятые с вооружения. Их наверняка воруют со складов. Если стопы найдут у тебя автоматический пистолет с сенсорным прицелом и магазином на пятьдесят кумулятивных патронов, то неприятности будут непременно, а на револьверы все смотрят сквозь пальцы, максимум оштрафуют... Впрочем, как знаешь.

Бенджамиль положил «астру» на место и протянул руку к блестящему светлому «рюгеру».

— Осторожно, — предупредил Виктор. — Он заряжен. Нет, ты бери, бери, не бойся. У любого пистолета есть предохранитель.

Бенджамиль взял «рюгер» и почти сразу положил обратно.

— Это из него ты стрелял в Лимкина? — спросил он, слегка отстраняясь от револьвера.

— В кого?... А!.. Ну да, из него. Я всегда ношу с собой «рюгер» или «астру», хотя кольцо мне нравится больше. Значит, не хочешь взять «вессон»?

Бен покачал головой. Виктор вздохнул:

— А хочешь пострелять? — Виктор страшно оживился. — Ей-богу, тебе понравится. Пошли на террасу!

Виктор схватил с вычислителя револьвер, вскочил с кресла, вытянул руку и, поворачиваясь всем корпусом, стал изображать, будто палит в сторону чёрной ямы буфера, по тлеющим фонарикам далёких окон.

— Ну?! — Виктор потянул Бена за рукав.

Бенджамиль представил себе, как пуля разбивает светлый квадрат стекла, за которым застыла, выпучив глаза, неопрятная женщина в домашнем платье, и опять покачал головой.

— Моча в жилах, — констатировал Штерн, внимательно рассматривая приятеля. — Не хочешь стрелять просто так — давай сыграем в игру!

— В какую игру? — спросил Бен подозрительно.

— В весёлую! — криво улыбаясь, ответил Штерн.

Он ловко нажал какую-то защёлку, барабан револьвера откинулся вбок, и шесть тупоносых, блестящих патронов звонко запрыгали по матово светящейся столешнице.

— Самая весёлая, самая интересная, самая азартная игра на свете — приговаривал Виктор, старательно выбирая один патрон из шести. — Держу пари, она тебе понравится.

— Азартная? — переспросил Бен, происходящее нравилось ему всё меньше и меньше. — А на что мы станем играть?

— На жизнь, Бенни! На что же еще?! — Виктор наконец выбрал патрон, вставил его в гнездо и ладонью вогнал барабан на место.

Бенджамиль настороженно наблюдал за его действиями.

— Всего один кон, — сказал Виктор.

Он положил револьвер плашмя на сгиб левой руки и быстро провел им вниз, почти до запястья. Барабан с громким треском провернулся. Бенджамиль вздрогнул и подался назад, плотнее вжимаясь в высокую спинку кресла.

— Пять к одному! — сказал Виктор, протягивая пистолет рукояткой вперед. — Чего ты боишься? Если будет пять, ты узнаешь вкус настоящего счастья, если один — не успеешь даже испугаться. Подноси к виску и жми на спуск!

— Но я не хочу! — Бенджамиль слабо попытался оттолкнуть от себя ручку с рифлёными пластиковыми накладками.

— Это совсем просто, — вкрадчиво сказал Виктор, его сощуренные глаза превратились в две узкие прорези на бледном худом лице. — В мире живёт столько быдла, способного лишь ползать на карачках и бояться, бояться стонов, жены, начальства, смерти. Ты должен подняться на ноги, Бенджамиль Мэй, так твою растак! Хватит ползать на брюхе! Ну, хочешь я сделаю это первым?

Не дожидаясь ответа, Штерн распрямился и прижал ствол к правому виску.

— Смотри на меня, дрожащая тварь! Я не боюсь никого и ничего, даже смерти! — Большим пальцем Виктор взвёл курок. — Я не желаю быть дрожащей тварью! Я хочу... хочу быть богом... грёбаным богом!! Яхве!!! Сатаной!!! Санта-Клаусом!!! И мне насрать на ваши порядки!

«Не надо!» — хотел крикнуть Бенджамиль, но голос изменил ему, и из горла вырвался лишь сдавленный невнятный звук. Виктор Штерн, страшно оскалась, нажал на спусковой крючок.

Дальнейшее Бен воспринимал как во сне. Голова Виктора коротко дёрнулась, отброшенная от ствола «рюгера» страшным ударом. Бенджамиль видел, как из левого виска Штерна, пачкая белую поверхность столешницы, неопрятным фонтаном ударила струя крови. Виктор пошатнулся, боком упал на вычислитель, судорожно дёрнулся и стал сползать на пол, стаскивая за собой мотки проводов и тарелки. С хрустальным звоном ударился о прозрачный паркет ящик из жароупорного стекла. Тело Виктора напряглось и замерло. Жирная красная лужа расплывалась вокруг головы.

Хрустя осколками битого стекла, Бенджамиль бросился к мёртвому Штерну и присел над телом. В ушах всё ещё звенело от выстрела, а губы сами собой, как заведённые, шептали запрещённое ругательство: «Боже мой, боже мой, боже мой...» Дрожащими руками Бен приподнимал липкую голову Штерна и всё-таки пытался закрыть рукой рану, из которой толчками била кровь.

Какое-то время он не воспринимал ничего, кроме этих горячих редких толчков. Потом в голове его щёлкнуло и отчётливый голос сказал: «Ты выиграл, поздравляю!» Потом вспыхнул нестерпимо яркий свет, а по ушам ударила трель механического визга, словно включился десяток школьных звонков. Выпустив из ладоней окровавленную голову Виктора, Бен вскочил на ноги и неожиданно понял, откуда исходит оглушительный, меняющий тональность звук. Из-за ближайшей колонны выкатилась Амаль. Огоньки на ее голове мигали, как проблесковые маячки на патрульной машине, манипуляторы были угрожающе растопырены в стороны. Бенджамиль невольно попятился и вдруг понял, что

кричит пронзительный дискант, плохо различимый за ужасающим воем сирены.

— Караул!!! На помощь!!! — надрывался робот. — Беглый преступник застрелил моего хозяина! Бордово-красный сектор 65–22, сороковой этаж, пентхаус! Передаю код его метки! На помощь!!! Беглый преступник застрелил моего хозяина! Передаю код его метки!

«Бежать, скорее бежать!» — мысль проскользнула в голове Бенджамилля со скоростью спортивного мобиля. Он затравленно огляделся и, пытаясь обогнуть истошно верещавшего робота, бросился в сторону лифтовых дверей. Амаль среагировала моментально. Шипя и вращая манипуляторами, она в мгновение ока очутилась между Беном и спасительной дверью. Бен метнулся влево, вправо, но проклятая железка оказалась невероятно проворной. Она упорно теснила врага к столу-вычислителю, истошно призывая на помощь всех стопов черного буфера.

Отступая, Бенджамиль поскользнулся в луже крови и, чудом не упав, завертел головой, пытаясь найти путь к спасению. Неожиданно взгляд его наткнулся на револьвер, зажатый в руке Виктора. Выдернув оружие из коченеющих пальцев, Бенджамиль навёл его на наступающего робота и принялся давить на спуск. Щёлк! Щёлк! Запоздало сообразив, что в пистолете больше нет зарядов, Бенджамиль сломя голову кинулся к столу-вычислителю. Четыре патрона лежали на самом видном месте. Но как вставить их в револьвер?! Обрывая ногти, Бен пытался открыть барабан, наконец палец его нажал какой-то рычажок, и... О чудо! Барабан откинулся вбок. Дрожащими от возбуждения пальцами Бен принялся вставлять патроны в гнезда. Первый патрон он уронил куда-то под ноги, но остальные в конце концов оказались там, где нужно, и барабан со щелчком встал на место. Робот махал манипуляторами в трех шагах от неудачливого гостя. Бенджамиль поднял «рюгер» и со всей силы нажал спусковой крючок. Выстрел чуть не вышиб оружие из рук. Шарообразный корпус брызнул осколками. Амаль завертелась на месте. Бенджамиль выстрелил ещё раз и опять попал. Визг сирены захлебнулся. Неловко перекосившись набок, робот всё же попытался кинуться на обидчика. Отпрыгнув в сторону, Бен снова надавил на спуск. Курок щёлкнул, но выстрела не последовало. Неужели осечка?! Бен нажал ещё раз. От корпуса Амалии отлетел изрядный кусок пластика, робот осел назад и замер. Красные огоньки медленно погасли.

Швырнув на пол бесполезный револьвер, Бен рванул к двери.

— Только бы успеть, — шептал он на ходу.

Палец отчаянно вдавил кнопку вызова в стену — раз, другой, третий. Что-то мелодично бринькнуло, стереоэкранчик переговорного устройства засветился, и карамельный голосок пропел:

— Прошу прощения, мистер Штерн, но до приезда патруля лифт заблокирован.

Бенджамиль лягнул двери ногой. «Что же делать? — вертелось в его голове. — Нужно найти какую-нибудь палку и попытаться открыть двери вручную. Проклятье!!! Но лифтовая кабина, даже если она за дверью, всё равно не сдвинется с места. А скорее всего кабина уже внизу, поджидает стопов. Что же делать?»

— Балкон!!! — Бенджамиль хлопнул себя по лбу и кинулся на террасу.

Холодный ветерок облизал его горящее лицо. Вокруг была крошечная тьма. Только далеко-далеко внизу мигали огоньки патрульных машин и раздавалось слабое нытье сирен. Скорее! Скорее! Бенджамиль схватил первый попавшийся ранец с парашютом и просунул руки в наплечные лямки, защёлкнул поясной и ножные ремни, замки тихо заурчали, подстраивая снаряжение под фигуру нового хозяина. Бенджамиль ещё раз глянул в чернильную бездну, сердце его бешено застучало, подбитой птицей забило внутри грудной клетки. Стиснув зубы, Бен полез через ограждение. Примостившись на узком парапете, он представил себе, как толкнётся ногами и по длинной дуге полетит вниз, навстречу асфальту и патрульным сиренам. У него перехватило дыхание. Пальцы рук намертво вцепились в перила. Было страшно, невероятно страшно, но ещё страшнее было опять оказаться в участке. Все чувства и восприятие обострились до невозможности. Бенджамиллю казалось, будто он слышит, как гудит, поднимаясь, кабина лифта, просторная коробка, до отказа

набитая стопами в дефендерах типа «камбала».

Времени на страх уже не оставалось.

— Один на двенадцать, — прошептал Бен, зажмурился и, что есть мочи оттолкнувшись от парапета, прыгнул в ночную темноту.

Упругая ладонь холодного ветра толкнула его в грудь и в лицо. Сердце ёкнуло и остановилось. Бенджамиль понял, что падает вниз, и тут кто-то дёрнул его сзади. Сначала вежливо и легонько, а потом над головой хлопнуло, и Бена грубо рванули за плечи вверх и назад. Сердце подпрыгнуло на месте и застучало часто-часто. Бенджамиль судорожно вдохнул и открыл глаза.

Он, словно падающий с дерева лист, медленно плыл над черным ущельем улицы. В головокружительной глубине сонными светлячками ползли вправо огни патрульных машин, вот мигнули в последний раз и исчезли, съеденные неповоротливой громадой соседнего дома. «Спасён!» — подумал Бенджамиль, и вместе с облегчением на него волною нахлынул восторг полёта.

— Я спасён, я лечу, — тихонько сказал он сам себе, и ему стало казаться, что вот так он долетит аж до бело-оранжевого сектора аутсайда.

На самом деле Бенджамиль, постепенно снижаясь, скользил над крышами домов по довольно крутой нисходящей параболе. Вцепившись обеими руками в тугие стропы, он поглядывал то наверх, где трепетал и хлопал плохо различимый купол парашюта, то вниз, в пугающую пустоту под ногами. Бенджамиль знал, что парашютом можно управлять, изменяя траекторию полёта, но не имел ни малейшего представления, как это делается. Ему не оставалось ничего, кроме как отдалиться на волю случая.

Плоская бетонная крыша появилась перед Бенджамилем не то чтобы совсем внезапно, он различил её очертания секунд за десять до падения, но остеклённая полуразрушенная оранжерея в самой середине посадочной площадки явилась для Бена полной неожиданностью. Едва успев прикрыть лицо согнутыми руками, он со всего маха вломился в хрупкое сооружение, круша дряхлые рамы. Своенравная зверюга парашюта желала лететь дальше, она потащила хозяина назад, по осколкам, по обломкам разбитых переплётков. Бенджамиль из последних сил рванул застёжки, выпутался из строп и, ничего не соображая, упал ничком во что-то мягкое и рыхлое.

Глава 9

Судьба злокозненна и коварна, и боже вас упаси сделаться жертвой её забав. Она не прикончит вас одним метким ударом, словно муху на занавеске, нет, она будет играть вами, словно сытая кошка, то отпуская, то вновь поддевая на коготок. Есть в этом что-то от ленивого садизма власть имущих. Но так уж устроен мир: мы всю жизнь участвуем в игре, правила которой познаем на собственных синяках и шишках. А когда наконец становимся матерыми профессионалами, знающими, на какой свет надо переходить улицу и с какой стороны масло у бутерброда, правила вдруг меняются. И выкручивайся как знаешь.

Бенджамиль остановился, переводя дыхание. Ночь сменилась промозглым слепым утром, затопившим улицы бордово-красного сектора киселём густого тумана. А может, сектор был вовсе и не бордово-красный... Если предположить, что сейчас около пяти утра, то Мэй бежит уже больше двух часов, а значит, бордово-красный давно позади. А что впереди?

Бенджамиль затравленно огляделся. Полистопы повисли у него на хвосте спустя час, после того как он покинул здание с разбитой оранжереей. Проклятая вонючка Амаль, конечно, передала код, легавые активировали метку, и теперь шансов удрать почти не было. До сих пор Бен продержался лишь благодаря туману и аль-найковским имплантатам. Бенджамиль погладил свои гудящие бедра. Ещё оставалась слабая надежда оторваться от погони и затеряться в лабиринте переулков. Штерн вроде бы говорил, что сигнал у маячка довольно слабый. Только бы свалить от стонов, только бы добраться до дома...

Бен прислушался. Показалось? Какое там «показалось»? Бенджамиль тихо выругался и затрусил по улице, прочь от приближающейся сирены. Он сделал всего полсотни шагов и остановился как вкопанный. С противоположного конца улицы приближалась вторая сирена, пока невидимая за плотной пеленой тумана. Бенджамиль завертелся, ища проход в длинной кирпичной стене, сунулся наобум в дверь подъезда. Заперто! Сирены приближались медленно и неотвратно. Бенджамиль дернул ручку второй двери и неожиданно услышал за спиной негромкий, смутно знакомый голос:

— Эй! Мистер! Мистер говорящий член! Давай сюда. Быстрее!

Бенджамиль опрометью кинулся к противоположному тротуару и, лишь подбежав к бордюру, различил открытый канализационный люк и торчащую из него патлатую голову давешнего знакомого.

— Лезьте сюда, скорее! — просипел оборванец, исчезая в отверстии.

Не секунды не раздумывая, Бен нырнул следом и начал спускаться, цепляясь за торчащие из стены скобы.

— Люк! Люк-то закрой! — простонали откуда-то снизу.

Бен поднялся на пару ступенек и ухватился за кромку металлического диска. Крышка оказалась увесистой, пришлось потянуть изо всей силы. Было страшно неудобно, кроме того, приходилось действовать одной рукой, поскольку Бенджамиль боялся отцепиться от скобы, но страх придал ему силы. Крышка заскрипела по тротуару, сдвинулась вперёд и, лязгнув, упала в своё гнездо.

На несколько секунд сделалось совсем темно, затем снизу ударил неярко-луч карманного фонарика. Бенджамиль, осторожно перебирая руками, спустился вниз и прыгнул на бетонный пол. Оборванец, заботливо светивший ему под ноги, радостно хмыкнул и повернул рефлектор к себе, выхватив из темноты щербатую, слегка опухшую, но очень довольную физиономию.

— А я вас сразу узнал, сударь! — заявил он громким шёпотом. — Как выглянул из колодца, так сразу и узнал. Не мой ли, думаю, приятель от легавых бежит? Пригляделся, и точно вы! Я — Мучи! Вы мне ещё гривенник ссудили, помните?

— Помню, помню, — возбуждённо прошептал Бен. — Нужно быстрее сматываться, а то нас засекут. У меня в спине маячок! Куда ведёт этот тоннель?

— Туда. — Батон неопределённо махнул рукой. — А насчёт клеща не бойся, мы в старой канализации, кругом полно арматуры, сюда даже спутниковый сигнал не проходит. Хотя отвалить подальше от колодца — это правильно. Если легавые люк заметят, сами не полезут, но могут дымокур пустить или гранату кинуть... Пошли, что ли?

Мучи посветил фонарём влево и двинулся в глубь бетонного тоннеля. Бенджамиль поспешил следом.

Они шли внутри трубы, такой широкой, что, даже подняв руки, Бенджамиль не смог бы коснуться потолка над своей головой. Луч фонаря весело прыгал по серым стенам, покрытым неаппетитными бурыми потёками. И ещё здесь стоял запах, еле уловимый специфический запах, исходивший то ли от стен, то ли от шагавшего впереди Мучи.

Батон то и дело оглядывался, говорил что-то, весело скаля плохие зубы. Бен почти ничего не понимал, он потихоньку впадал в какую-то протрацию. Тупое деревянное оцепенение плотным коконом укутывало его мысли и чувства. Раз за разом он механически повторял про себя одну и ту же фразу: «Домой, я хочу домой».

Тоннель сделал плавный поворот, потом ещё один. Мучи остановился и ощупал стены фонариком.

— Привал! — громко объявил он, оборачиваясь. — Присядьте, сударь, теперь можно и отдохнуть.

Бенджамиль беспомощно огляделся.

— Непривычные, — пробормотал Мучи, то ли осуждая, то ли восхищаясь.

Он торопливо порылся в одном из карманов своей латаной старомодной куртки и вытащил засаленную шапчонку с наушниками. Шапку он положил на пол и указал на неё

Бену:

— Садитесь, сударь. Этой трубой не пользуются уже лет сто, хотя без привычки, конечно, смотреть тошно. Хотите курить?

Бен покачал головой.

— А я дёрну пару раз, ничего?

Бен кивнул. Мучи уселся на пол, ловко выудил из нагрудного кармана мятый окуроч, затолкал его в рот, щёлкнул химической зажигалкой и с наслаждением затянулся. Фонарик он поставил кверху рефлектором между собой и Беном.

— Что же с вами произошло, сударь, после того как мы расстались там, в парке? — спросил батон с интересом. — Я ведь тогда предупреждал вас про стонов. Они дрянные людишки. Я никогда не подхожу к ним близко. Как же вас угораздило?

Бенджамиль открыл было рот, но горло его вдруг сжалось, он закрыл лицо ладонями и разрыдался. Все впечатления двух последних дней, копившиеся в душе Бена, словно гной в фурункуле, наконец нашли отдушину и выплеснулись наружу неудержимым и бессмысленным потоком слез. Бенджамиль плакал самозабвенно, в захлѐб и не мог остановиться. А Мучи не пытался его ни остановить, ни успокоить. Он лишь с сочувствием поглядывал опухшими глазками да жадно смолил окуроч, рискуя подпалить усы.

Наплакавшись вдосталь, Бенджамиль немного успокоился и неожиданно для самого себя начал рассказывать. Он говорил торопливо и сбивчиво, поминутно всхлипывая и сбиваясь с одного на другое. Мучи, загасив свой окуроч о подошву ботинка, слушал внимательно, время от времени кивая с самым серьёзным видом.

— Спору нет, жалко вашего приятеля! — заявил он в конце. — Хороший человек, но, видно, решил, что эта его жизнь ни к черту, не удалась и всё тут. Вот он и не стал тянуть. Не расстраивайтесь, сударь, он ещё возьмѐт своё. Такие люди всегда нужны у подножья трона создателя!

Бенджамиль замолчал и уставился на невозмутимо ухмылявшегося оборванца. А Мучи как ни в чём не бывало сунул руку за пазуху, извлѐк оттуда бутылочку с мутноватой жидкостью и потряс ею над фонарѐм.

— Пьянство богу милей, чем молитвы ханжей, — пропел он, немилосердно фальшивя. — Не желаете хлебнуть, сударь? Не за упокой души, упаси господь... Так, для снятия стресса!

— Нет уж, увольте, — пробормотал Бен, даже мысль о спиртном вызывала отвращение. Батон, похоже, совсем не обиделся.

— Вольному воля, — сказал он, отворачивая крышку и поднося бутылку к носу.

Лицо нищего сморщилось, верхняя губа брезгливо приподнялась.

— Хуже нет, когда в карманах две одинаковые бутылки! — пояснил он, заворачивая пробку.

Мучи спрятал первую бутылку, вытащил откуда-то вторую, почти точно такую же, понюхал, удовлетворѐнно хмыкнул и отхлебнул прямо из горлышка. Глаза его заблестели.

— Напрасно не пьѐте, сударь. — Мучи убрал вторую бутылку следом за первой. — Это, конечно, не «Белая лошадь», но на вкус и запах лучше, чем моѐ средство от вшей и разных насекомых.

— А что было в первой бутылке? — спросил Бен.

— Оно и было, средство от вшей и разных насекомых, — сказал Мучи. — И напрасно вы усмехаетесь, сударь, — добавил он, несмотря на то что Бен и не думал усмехаться. — Я варю этот состав уже больше десяти лет. Пользуюсь сам и продаю своим знакомым. Запах у него отвратный, зато выжигает паразитов не хуже напалма. А как варю, никто, кроме меня, не знает! Ведь я только с виду простачок, а на самом деле я человек с образованием! — Мучи приосанился. — Я закончил Высшую инженерную школу имени Конрада, когда-то я работал третьим помощником старшего инженера в концерне «Синтовуд». Даже сейчас я мог бы стать богатым человеком... если б захотел. На мой состав бешеный спрос во всей округе. Вот я и гуляю из серого в красный, из красного в зелёный. Жизнь беспокойная, но зато

всегда есть чего пожрать и глоток самогонки имеется. Эй, сударь! Да вы меня совсем не слушаете!..

Бенджамиль вздрогнул. Он уже с полминуты, не отрываясь, смотрел на корпус поставленного торчком фонаря. На чёрной рубчато-овальной рукоятке красовалась жёлтая светящаяся надпись: «Корпоративная служба охраны правопорядка. Инв. № 222153DL».

— ...Ну и не надо, всех сумасшедших бродяг разве переслушаешь, — сказал Мучи.

— Простите, Мучи, просто я немного не в себе, — пробормотал Бен. — Но мне уже лучше.

— Тогда можно идти. — Мучи, побряхтывая поднялся с бетонного пола.

— А куда? — спросил Бенджамиль, снизу вверх глядя на странного оборванца.

— Да куда тебе угодно, сударь! — Лицо батона расплылось в радостной улыбке. — Я эти каналы знаю, как свой карман, по ним много куда можно дойти.

— А к действующей станции трубы можно? — робко спросил Бен.

— Можно. — Мучи пожал плечами. — Только зачем? Вам туда сейчас лучше не соваться. Легавые враз зацапают. Вам бы лучше месячишко по помойкам отсидеться, пока всё уляжется, пока ориентировку с вашего сигнала снимут.

— Месячишко?! — с ужасом переспросил Бен. — Я не могу месячишко по помойкам...

— Это вам только кажется, что не можете, — примирительно сказал Мучи. Он немного подумал: — Ну, есть ещё один вариант. Могу отвести вас к Шестерне. Он живо вытащит ваше радио. Он это здорово умеет. Настоящий хирург и мой приятель. Идёт?

— Идёт, — сказал Бенджамиль без особого энтузиазма.

Ему вовсе не улыбалось идти к какому-то Шестерне, но выбор у него, похоже, был небогатый.

— Дойдём до границы бежево-серого, — говорил Мучи, поднимая с пола фонарь, — потом вылезем из говнопровода, а там и до клиники рукой подать. Джозеф парень что надо, он нам не откажет. Пошли!

Трудно придумать что-нибудь более депрессивное, чем труба канализации. Унылые серые своды похожи на крышку гроба. Бесконечные коридоры для отвода нечистот тянутся и тянутся в крошечной тьме. У тоннелей нет ни начала, ни конца, только верх и низ. В тоннелях нет надежды, есть только долготерпение.

Станный оборванец Мучи никакой клаустрофобии, похоже, не испытывал. Он бодро шагал вперёд, невнятно напевая себе под нос. Каждый раз, когда тоннели разделялись, он, не раздумывая, сворачивал в правый. Несколько раз он начинал что-то объяснять, но болтать, не видя собеседника, у него никак не получалось.

Пол трубы выгибался дугой. Идти рядом было неудобно, поэтому Бенджамиль плелся следом за своим спасителем и предавался тревожным размышлениям. Три вопроса занимали Мэя больше всех прочих: что ждёт его в конце тоннеля? Кто такой хирург Шестерня? И главное, кто таков нищий болтун Мучи, человек с полицейским фонариком и бутылкой самодельного средства от кусачих паразитов?

Иногда Мучи останавливался, зажимал фонарик под мышкой и прикладывался к своей бутылочке. Во время одной из таких задержек измученному сомнениями Бенджамиллю пришла в голову идея, простая до гениальности. И отчего он не сделал так раньше?

— Мучи, дайте мне на минутку фонарь... — попросил Бен осторожно.

— Берите на здоровье. — Спутник с готовностью протянул ему световой конус.

— ...и отвернитесь, пожалуйста, мне надо кое-что проверить.

Мучи хмыкнул, почесал в бороде и послушно отвернулся.

Светя фонариком, Бенджамиль достал из-за пазухи оракула. Губы неслышно прошептали вопрос, пальцы нетерпеливо сдавили кругляш. Переполняясь суеверным трепетом, Бен с трудом дождался ответа и пробежал глазами по строчкам:

Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,
День сегодняшней завтрашней меркой не мерь.

Ни былой, ни грядущей минуте не верь.
Верь тому, что с тобою сейчас и теперь.

— Что там у вас? — Мучи скосил любопытный глаз. — Амулет?

— Вроде того, — осторожно ответил Бенджамиль, а про себя подумал: «Это означает, что я могу ему доверять? Или это означает, что я могу ему доверять лишь какое-то время? Боже мой! Опять сплошные загадки!»

— Хороший фонарик, — сказал он, возвращая фонарь.

— Ещё бы. — Бродяга расплылся в довольной улыбке. — Я выменял его у одного обмылка, а тот украл у стопа. Здесь люминофорный стержень с форсажем и элемент питания на пятнадцать лет работы. Уж я разбираюсь. Парень, который мне его отдал, просто придурок.

Дальше они двинулись тем же порядком. Мучи шёл впереди, освещая дорогу, а Бен скромно завершал маленькую процессию. Надо сказать, что настроение его после пророчества заметно улучшилось и бетонный свод уже не казался таким мрачным. Когда они свернули в очередной правый тоннель, он спросил:

— Мучи, а почему вы решили мне помочь? Захлопнули бы себе люк да сидели спокойно.

— Так с ходу и не скажешь. — Мучи даже остановился, и Бен чуть не налетел на него сзади.

— Господь велел нам помогать ближнему, а кроме того, вы — хаджмувер. Как же мне было не помочь? — Батон развернулся лицом к собеседнику и теперь смотрел на него внимательно и серьёзно.

— Кто? — переспросил Бенджамиль.

— Хаджмувер.

Мучи посветил себе на левое ухо, и Бен с удивлением заметил, что толстую мясистую мочку почти надвое рассекает старый неаккуратный шрам. Бенджамиль машинально коснулся своего пластыря.

— Да, да! — подтвердил бродяга. — Вы ведь совершаете паломничество, сударь, этот знак ни с чем не перепутаешь. Нашего брата везде видно.

— Но я не совершаю никакого паломничества! — Бенджамиль выпучил глаза. — Я даже не знаю толком, что это такое.

— Ещё как совершаете, сударь, — сказал батон снисходительно. — Просто вы пока ещё не в курсе.

— Ерунда какая-то, — пробормотал Бен.

— И ничего не ерунда, — сказал Мучи.

Он быстро повернулся и зашагал вперёд. Бенджамиль нагнал его, и они молча пошли почти рядом по неудобно изогнутому днищу трубы. Бен искоса поглядывал на своего спутника, невольно замечая в тусклом отражённом свете и мешки под глазами, и седину в нечёсаной бороде, и глубокие складки морщин на лбу. Мучи на ходу сунул фонарь под мышку, достал бутылку и сделал изрядный глоток. Удовлетворённо крикнув, он утёр губы грязным рукавом и бережно спрятал бутылку за пазуху.

— И много здесь, в буфере, таких, как вы? — наконец решился заговорить Бен.

— Таких, как мы? — Батон подался к собеседнику, обдав молодого человека волной спиртного запаха.

— В смысле хадж... как там?

— Хаджмуверов? — Мучи ухмыльнулся. — Хватает! Не то чтобы очень много, но хватает.

— А как становятся этими муверами?

— По-разному, сударь, все по-разному.

— А вы? — спросил Бенджамиль.

— Это долгая история, — уклончиво ответил Мучи. — Не знаю, как и рассказать.

— И всё же. — Бен решил быть настойчивым. — Если я хаджмувер, то уж по крайней мере должен хоть немного представлять, с чем это едят. Вы вроде говорили, будто закончили Инженерную Школу Конрада и потом работали в «Синтовуде». Как же вы оказались здесь?

— Трудно объяснить! — Мучи яростно потёр лоб. — Работал, жил себе в аутсайде. Бело-пурпурный сектор, хорошая квартира, лампочки, диванчики. Жил с женой и дочкой. Образцовый гражданин. А потом на меня снизошло откровение, будь оно неладно.

— Какое откровение? — Бенджамиллю становилось всё интересней и интересней.

— Обыкновенное! — Бывший примерный гражданин смачно плюнул в темноту и опять полез за бутылкой. — Когда ж это было? — Он почесал в бороде рукой с фонариком, отчего луч беспорядочно запрыгал по потолку и стенам. — Лет семнадцать назад, а может, и больше, может, все двадцать. Как раз тогда корпорация приняла закон об обязательном имплантировании служебных телефонов. И не то чтобы я был против. Как раз наоборот. Вшили мне в ухо телефон, значит, так надо. Было в этом что-то такое, знаете... Приобщение к клану, что ли, или признание родственной связи.

«Вот так-так! — подумал Бен. — А мне-то, дураку, казалось, будто телефоны вшивали служащим испокон веку».

— Маленькая операция под местным наркозом, — продолжал Мучи, усмехаясь, — и твое ухо становится корпоративным. А через неделю я увидел во сне Бога...

— Бога? — осторожно переспросил Бен.

— Бога! — серьёзно подтвердил батон. — Только я не сразу понял, что это Бог. Догадался уже потом, зимой, тогда Бог приходил ко мне почти каждую ночь. Я пытался говорить с Ним. Вы и не представляете, сударь, насколько это интересно — говорить с Богом, даже если не понимаешь и половины слов. Да что слова, на Него можно было просто молча смотреть... А однажды Бог сказал мне: «Пора в путь, встань и иди». Я проснулся среди ночи. Тихонько поднялся с постели и пошел в кухню. Из ящика стола я достал самый острый кухонный нож. Жена и дочь спокойно спали, каждая в своей комнате. А я нашёл банку с раствором йода и заперся в ванной. Смазав йодом лезвие ножа и крышку от зубной пасты, я прижал крышку позади уха и разрезал левую мочку. Было почти не больно, только страшновато. Из разрезанного уха я выковырял капсулу микротелефона и утопил её в унитазе. Кровь лилась, точно из крана. Закапала всю раковину. Я остановил кровотечение гигиеническими салфетками, в стенной нише нашлась упаковка пластыря. Потом пришлось вымыть пол вокруг раковины. Приведя ванную в относительный порядок, я оделся и ушёл. Никто не проснулся, и никто меня не заметил. Я не взял с собой практически ничего. Что может понадобиться человеку, который идёт на свидание с самим Богом? На станции, садясь в таблетку, я расплатился наличностью, какая-то мелочь завалилась в карманах пальто. Мне хватило, чтобы добраться до чёрного буфера. С тех пор я и живу здесь. Пью самогонку, копаюсь в отбросах, варю средство от насекомых и жду.

— Чего? — спросил Бен.

— Сам не знаю, — засмеялся Мучи. — Наверное, чуда.

— А что же бог? Выходит, он надул вас?

— Ну почему же так сразу и надул? — Мучи слегка обиделся. — Если понимаешь кого-то с пятого на десятое, то, наверное, приходишь в гости не по тому адресу. Здесь уж винить некого. Я за пять лет обошёл весь чёрный буфер, всё кольцо вдоль и поперёк. И били меня, и последнее отнимали, стопы раз десять ловили. Однажды приговорили к шести месяцам принудительных работ за бродяжничество. А я искал Его. Искал Господа. Всем говорил, что не помню, кто я и откуда. — Батон издал тихий смешок. — Сейчас уже и взаправду не припомню своего старого имени. Теперь я Мучи.

Бенджамиль осторожно покивал головой.

— Но Бог стал являться ко мне всё реже и реже. — Голос оборванца жалобно задрожал. — Вы представляете, сударь, что такое абстиненция? Нет? И не надо! Я был как наркоман без дозы. Вы будете смеяться, но я подсел на Бога, как на «скат». Тогда я решил, что Бога надо искать в Сити.

— И вы пробрались за стену?! — полувосхищенно-полуиспуганно предположил Бен.

— Я прожил в Сити почти год, — подтвердил батон. — Богом там и не пахнет. Да... почти год. Потом ситтеры выкинули меня вон. Они нашего брата не особенно любят. Сказали: «Или убирайся, или мы тебя уроем и бутылку за тебя не поставим». Пришлось сматываться. И вот, когда я пробирался в лаз под забором, до меня дошло: я искал Господа в пыли под ногами, а Он в это время летал перед моим лицом, достаточно было лишь поднять глаза. Так-то, сударь!

— А другие хаджмуверы, им господь тоже велел идти в буфер? — с неподдельным интересом спросил Бен. — Он тоже говорил с ними во сне? Как это происходит?

— Что ты заладил: «велел, велел», — укоризненно сказал Мучи. — Откровения у всех разные. Бог даёт человеку знаки. Кто-то распознает их, а кто-то нет.

— А что за знаки? — допытывался Бенджамиль. — Как они выглядят?

Мучи посмотрел на своего спутника с неподдельным изумлением:

— По-разному, сударь, всего и не перечислишь: рисунки на асфальте, облака на небе, числа, случайные встречи...

— Числа?! — возбуждённо проговорил Бен.

— Числа, — подтвердил Мучи. — Всякое число имеет своё значение. Вроде азбуки Морзе: для того, кто не знает, — случайная абракадабра, а для знающего человека — как буквы на экране, читай на здоровье, истолковывай.

— А вы умеете истолковывать? — Бенджамиль сам не понимал, отчего так взволновался.

— Я-то? Немного умею. Вот, к примеру... — Батон огляделся по сторонам, видимо отыскивая этот самый пример. Взгляд его, обшарив стены и потолок бетонной трубы, пробежал по собеседнику и наконец упёрся в рукоятку фонарика. — К примеру, число двадцать два означает противостояние зла и добра, двадцать один — знак странствующего святого, это все знают, а пятьдесят три — это долгая дорога, путешествие, если вам угодно. Как видите, всё сходится. Есть числа, которые на слуху, например тринадцать, оно трактуется как неприятное испытание, предвестник несчастья, если переставить цифры местами, выйдет тридцать один — число искушения и духовного растления, тридцать два...

— Я знаю, — сказал Бен, — число сделки с дьяволом.

Мучи с удивлением покосился на спутника и слегка покачал головой:

— Не совсем так. Я бы назвал это числом выбора и перелома. А дьявол... Множество вещей люди в силу своей общей ограниченности толкуют извращённо. — Бродяга гордо приосанился. — Я ни разу не слышал от Него упоминаний о Сатане. — И, спохватившись, добавил. — Насчёт ограниченности я не про вас. Вы удивительно хорошо образованны для служащего корпи. Откуда? Ведь не в школе же вас научили разбираться в таких вопросах.

— Мои родители были верующими, — признался Бен, — только скрывали это. От них я слышал про Сатану, скупающего людские души.

Мучи опять покачал головой:

— Поверьте мне на слово, сударь, никакого Шайтана и вовсе нет на свете, он лишь отражение людских пороков. И дьявольское число шестьсот шестьдесят шесть означает только преддверие изменения мира. А уж в какую сторону он будет меняться...

Бенджамиль тихонько засмеялся.

— Чему вы смеётесь? — нахмурившись, поинтересовался бродяга.

— Мы тут говорим о черте, о боге, — объяснил Мэй, — но на самом-то деле бога нет. Он выдумка, вроде Санта-Клауса или зубной феи.

— Оно, сударь, вам, может, и виднее, — рассудительно сказал Мучи, — но как же Его нет, когда я с Ним разговаривал?

Бенджамиль раскрыл было рот, но не нашёл, что возразить.

Луч фонаря скользнул по потолку и провалился куда-то вверх. Стены подземелья немного раздвинулись, и оба теософа оказались в высоком вертикальном колодце.

— Почти пришли, — сказал Мучи, освещая скобы, вделанные в стену, и

металлическую крышку над головой. — Нам ещё километра два идти поверху, так что будьте настороже. Эх, одёжка у вас приметная, слишком чистая и новая. Может, махнёмся?

Бенджамиль решительно помотал головой и взялся ладонью за ржавую скобу.

Глава 10

На месте сенсорной панели интеркома, слева от массивной стальной двери, в стене имелаась неопрятная дырка с ореолом облупившейся штукатурки. Сквозь дыру был пропущен толстый, захватанный руками шнурок с кисточкой на конце. Мучи уверенно потянул за него два раза. Из квартиры раздалось приглушенное металлическое «бом-м-м! бом-м-м!».

Бенджамиль представил себе ослепительно-белый кафель, блестящие инструменты на зелёных салфетках, длинноногих медсестёр в светлых шапочках на манер купальных и попытался как-то увязать всё это с засаленным шнурком. Прошло минуты полторы ожидания, потом динамик над дверью хрипнул и раздражённый голосок неприветливо осведомился:

— Чё надо?

— Мы к Шестерне! — торопливо сказал Мучи.

Дверь, завизжав, поехала в сторону, и взгляду Бенджамилia предстала девочка лет тринадцати с ярко накрашенным капризным ртом. Короткое клетчатое платье ловко обтягивало огромный, как подушка, живот. Пока Бен пытался сообразить, выглядит ли девица много моложе своих лет или восьмимесячный живот следствие непомерного переедания, беременная девочка открыла свой капризный ротик и повторила, брезгливо растягивая слова:

— Чё-о надо?

— Нам бы увидеть Шестерню. Моему приятелю нужна маленькая операция. — Мучи широко улыбнулся, показывая жёлто-коричневые зубы.

Не говоря ни слова, девочка повернулась к посетителям спиной и двинулась в глубь прихожей. Расценив этот жест как разрешение, Мучи и Бенджамиль осторожно вошли следом. Автоматическая дверь с протяжным скрипом скользнула на место, и спутники оказались в длинном захламлённом коридоре. Стены его, оклеенные старыми люминофорными обоями, тускло светились, окружая слабым сиянием криво-косо развешанные полки из пожелтевшего полупрозрачного пластика. Разнообразные сюртуки, френчи, плащи с пелеринами, частью совсем новые, частью совершенно заношенные, пестрыми гроздьями висели на вверченных прямо в стену ржавых шурупах. В простенке, напротив этого цветного хлама, стояла погнутая рама от инерпеда. Под потолком, точно электрические провода, были натянуты капроновые верёвки, а у самой притолоки самозакрывающейся двери Бенджамиль заметил настоящую медную рынду на затейливом кронштейне. Если покрытый зеленью окисла раритет — подлинник, то его хозяин — престранный тип. Повесить такую дорогую, коллекционную вещь в качестве банального звонка!

Девочка открыла одну из дверей, велела посетителям «ждать тут» и уплыла, гордо выпятив круглый живот.

Бенджамиль и Мучи остались вдвоём в большой пыльной комнате среди нагромождения всевозможной мебели, поставленной как попало и закрытой балахонами полиситановой плёнки.

— Странная девочка, — слегка поёжившись, сказал Бен. — Интересно, кто она?

Мучи, ухмыльнувшись, пожал плечами:

— Живёт здесь. Может, дочка, может, потаскушка, а может, то и другое сразу.

Вероятно, батон имел в виду отношения между пигалицей и загадочным доктором.

— Совать нос в чужие дела вообще-то не в моих привычках, — решительно сказал Бен, — но, по-моему, ей ещё рано иметь детей.

— Каких детей? — простодушно осведомился Мучи. — А Это? — Засмеявшись, он

обрисовал ладонями округлость живота. — Это просто платье специальное. Мода такая, понимаешь, из Сити идёт, до нас уже добралась. Теперь половина малолеток таскается с дирижаблями вместо пуза, говорят — очень сексуально, а на мой вкус, так полное дерьмо.

В коридоре послышались шаги.

— Вот и старина Джос, — шёпотом сказал Мучи, и Бенджамилу стало нехорошо.

В комнату, слегка косолапя и сутулясь, вошёл мужчина. Он был так огромен, что, проходя в дверь, слегка пригнул голову. Лицо его, казавшееся маленьким в сравнении с непомерным корпусом, радушием не светилось и ничего хорошего не предвещало. Судя по всему, это и был Джозеф Шестерня собственной персоной. Остановившись в трёх шагах от оробевших приятелей, человек сунул руки в карманы брюк и мрачно уставился на посетителей глубоко посаженными недобрыми глазками.

— Извини, что мы без звонка, Джос, но моему приятелю нужна маленькая операция... — зачастил Мучи.

— Ты кто?! — Маленькие глазки брезгливо смирили батона с головы до ног.

— Я? — Оборванец совсем растерялся. — Я Мучи... Мы же это... помнишь? Ну ещё когда Касим был, у которого пальцев не хватает...

Шестерня наморщил покатый лоб, но имя Касим ему, похоже, было знакомо, и жутковатый эскулап повернулся к Бену:

— А это кто? — Он вытащил из кармана руку и ткнул в сторону Бенджамилу мосластым пальцем.

— Это мой друг, — поспешил объяснить Мучи. — У него клещ в спине... активный. Достать бы...

Шестерня хмыкнул.

— Достать можно, — сказал он, изображая на лице зверское подобие улыбки, — две сотни монет по прейскуранту.

Бенджамиль беспомощно посмотрел на Мучи.

— У меня есть почти пол-литра жидкости от насекомых, — неуверенно предложил батон и осёкся под строгим взглядом Шестерни.

— Жидкость залей себе в задницу, — сказал Джозеф. — Нет монет, нет и разговора.

— Но ведь операция-то совсем пустяшная, — попробовал канючить попрошайка.

— Пустяшная, — согласился Шестерня, — но если я стану бесплатно вырезать клещей из всякой уличной жопы, то скоро сам окажусь на тротуаре с голой задницей. Или гоните деньги, или выматывайтесь к чёрту.

— Я мог бы перечислить деньги на ваш счёт, когда вернусь домой, — просительно сказал Бен, понимая, что его предложение звучит смехотворно, — скажем, три сотни марок за рассрочку, а сейчас у меня действительно ничего нет.

В подтверждение своих слов Бенджамиль сунул руки в карманы и одним движением вывернул их наизнанку. Пакетик с восемью красными как кровь таблетками, мягко стукнулся об пол.

— Что там у тебя? — кося вниз нарочито равнодушным глазом, спросил Джозеф.

Бенджамиль нагнулся, подобрал с пола пакетик и протянул Шестерне. Тот взвесил упаковку на широкой ладони, выковырял из неё один маркированный эллипсоид, понюхал, потом лизнул и удовлетворённо кивнул головой. Затем этот невероятный последователь Авиценны вытряхнул из пакета ещё три таблетки и опустил их в карман.

— Пойдёт, — коротко сказал он, возвращая Мэю остальные таблетки.

— Берите, берите всё! — взмолился Бенджамиль. Он совсем позабыл про эти чёртовы таблетки.

Шестерня опять хмыкнул, и пакетик с остатками стимулятора перекочевал в карман его брюк.

— Джизбелла, — заорал он в сторону двери, — разбуди Сандру! — И добавил, обращаясь к Бену: — Пошли.

— А ты, — Джозеф ткнул пальцем в сторону Мучи, — стой здесь да держи свою

задницу подальше от моих стульев.

— Хорошо, Джос, — покорно согласился батон. — Разве я без понятия?

Шестерня, шевеля вислыми плечами и лавируя между полиситановыми айсбергами, двинулся в противоположный конец комнаты. Там он открыл неприметную дверь в стене и поманил за собой Бенджамия.

Операционная всё-таки оказалась отделана белым кафелем, не таким ослепительно-белым, как в фантазии Бенджамия, но хотя бы достаточно чистым. Окна были занавешены плотной тканью, посреди комнаты возвышался стол на железных ножках, над столом висели светильники невиданного фасона, сбоку притулилась пара столиков пониже, накрытых широкими салфетками в жёлтых акварельных разводах.

— Раздевайся! — скомандовал Шестерня, направляясь к одному из низких столиков.

Бен оторвал глаза от операционного стола и начал расстёгивать куртку.

Шестерня возился с какими-то инструментами.

— А куда класть одежду? — спросил Бенджамия, оглядываясь по сторонам.

— На пол.

Бенджамия аккуратно сложил френч и рубашку возле ботинок, немного замявшись, снял брюки и обречённо спросил:

— Носки с трусами тоже снимать?

— Угум.

Бенджамия снял носки, стянул трусы и положил их сверху на брюки. Он стоял совершенно голый посреди ярко освещённого кабинета, ощущая себя несчастным и незащищённым. Босые ступни мёрзли на холодном кафеле, по спине бежали мурашки.

«Хоть бы всё это поскорее закончилось», — подумал Бенджамия, стараясь унять дрожь.

Но всё только начиналось. Позади негромко скрипнула дверь.

— Санди, вечно тебя не дождёшься, — проворчал Шестерня. — Клиент уже готов, а ты ползёшь, как сытая гнида.

Бенджамия оглянулся и вздрогнул. За его спиной стояла крупная, светлокочная и светловолосая девица лет двадцати. Мягкий овал лица, пухлые губы, а вместо глаз... Вместо глаз на Бенджамия в упор смотрели два блестящих металлических окуляра. Никаких век, никаких ресниц, никаких бровей, кожа вокруг сияющих полировкой цилиндров казалась лоснящейся и немного воспалённой. Оптические протезы изучали голого Бенджамия холодно и нагло. Линзы объективов, подсвеченные изнутри красным, медленно двигались, меня фокусировку, еле слышно пищали моторчики сервоприводов. Бенджамия слотнул.

— Хватит тарачиться! — сердито прикрикнул Джозеф. — За работу.

— Чего ты орёшь, Джо? — лениво сказала девица, обходя Бенджамия кругом, голос у неё оказался шершавый, хриловато-бархатный. — В воскресенье не даёшь поспать. Чёртова Джиз вытянула меня прямо из койки.

Шестерня хмыкнул. Девушка остановилась прямо перед Беном. Из всей одежды на ней была лишь прозрачная ночная рубашка до середины бедра. А на Бенджамии вообще ничего не было. Ему невыносимо хотелось прикрыться ладонью, но он боялся пошевелиться и стоял столбом. А тут ещё проклятый Джо так паялился исподлобья своими злыми бусинками, что становилось совсем не по себе.

— Меня зовут Кассандра, — проворковала девица, обращаясь к Бено. — А тебя?

Тёмные пятна сосков отчётливо выделялись сквозь паутину тончайшей ткани.

— Бенджамия, Бенджамия Мэй, — выдавил из себя Бен и тут же подумал, что, наверное, нужно было назвать чужое имя.

— За работу, за работу, Санди, — нетерпеливо повторил Шестерня.

Девушка повернула к нему свои объективы:

— Что будем искать?

— Клеща с меткой... активного.

Кассандра зашла Бену за спину, и через секунду он почувствовал легчайшее волнообразное движение тёплых пальцев по лопаткам и вдоль позвоночника. Его тело обследовали и ощупывали сантиметр за сантиметром.

— На заднице гляди повнимательнее, — посоветовал Шестерня то ли серьёзно, то ли издеваясь.

В это время девица громко сказала:

— Есть!

Она провела чем-то влажным пониже правой лопатки, наметив на коже Мэя небольшую окружность, и отступила назад. А Джозеф Шестерня подхватил со столика сегментированную трубку с воронкой и быстро прижал её к метке.

— Ай!!! — вскрикнул Бенджамиль.

Его спину пронзила острая боль.

— Стой смирно! — процедил сквозь зубы Шестерня, осторожно отделяя воронку от кожи.

Бен почувствовал, как вниз по правой ягодице побежала горячая струйка, которую тут же подобрали ватным тампоном. Шестерня сноровисто обрызгал саднящую ранку каким-то аэрозолем, немного подождал и залил пластырем. Затем панибратски хлопнул Бена по плечу и разрешил одеваться.

— Только с рубашкой погоди, — сказал он, — пускай пластырь застынет.

Пока Бенджамиль под невозмутимо-бесстыдным взглядом Кассандры торопливо натягивал брюки, Шестерня отошёл в глубь операционной, бросил свой инструмент в керамитовый утилизатор и нажал ногой педаль. В комнате слегка запахло горелой пластмассой. Девушка, потерявшая всякий интерес к пациенту, зевнула и, раскачивая полными бёдрами, вышла из операционной.

— Одно б...во на уме, — задумчиво проговорил Шестерня, глядя ей вслед.

— Можно мне надеть рубашку? — робко спросил озябший Бен.

Джозеф тронул пальцем нащёпку пластыря и вытер руку о штаны.

— Можно. Одевайся, бери своего помоечного приятеля и вали отсюда! Будут проблемы — заходи. А теперь чтоб духу вашего здесь не было! Джиз за вами закроет.

Уже на лестничной площадке Бенджамиль спросил у Мучи:

— Видел девушку с оптическими протезами?

— А то! — ответил батон. — Вот она, говорят, точно Джосова дочка, а ещё говорят, будто дивайсы он ей сам поставил. Может, врут, может, нет, но то, что имплантаты, установленные в гражданина, можно проверить только с санкции суда — это факт. — Он замолчал и, прислушиваясь, поднял кверху указательный палец.

Кто-то шёл по лестнице им навстречу. Кто-то крупный и уверенный, шумно сопящий в такт тяжёлым шагам.

— Может, вернуться наверх? — прошептал Бен.

Мучи покрутил головой.

— Не успеем, — сказал он тихо. — Это не стоп. Легавые по одному не ходят. Пошли тихонько, авось пронесёт.

Они спустились на один марш и увидели рослого дородного мужчину. Тот остановился посреди площадки, переводя дух. Верхние пуговицы его полосатой рубахи были расстёгнуты так, что в разрезе виднелась мощная волосатая грудь. Тщательно выбритая голова здоровяка поблёскивала. Крупный нос в красных прожилках торчал вперёд, будто ручка кофейной кружки, небольшие светлые глазки походили на пуговицы, а узкие бакенбарды разделяли гладкие щеки ровными плавными дугами. Человек приветливо улыбнулся.

— Что, старина Джозеф уже на ногах? — Голос у него был под стать фигуре, значимый и сильный.

— Угу, — сказал Мучи, — на ногах. — И, спохватившись, добавил: — Вы о чём, сударь?

Мужчина усмехнулся благодушно и понимающе и, ни слова не говоря, двинулся

дальше. А наши герои поспешили вниз и перевели дух, только оказавшись на улице.

Бродяга остаётся бродягой до тех пор, пока ему всё равно куда идти. Сообразуясь с вышеозначенным манифестом всех батонов, Мучи почти сразу согласился проводить Бенджамилля до станции тубвея. Он гордо заявил, что этот крюк до поры до времени не нарушает его планов.

Несмотря на дискомфорт, причиняемый порезом на спине, Бен исполнился бодростью и оптимизмом. Впервые за последние сутки он был на сто процентов уверен в благополучном исходе своего приключения. Полное отсутствие денег немного омрачало его боевое настроение, но Бен решил, что главное — это добраться до станции трубы, а там уж он что-нибудь придумает.

Хаджмувер Мучи говорил почти без умолку. Сначала он хвастался своими связями с полезными и нужными людьми, которые не чета даже Джозефу Шестерне, потом в очередной раз ударился в теософские рассуждения.

Бенджамиль внимал ему с большим интересом. Во-первых, потому что ему было всё равно, чему внимать, во-вторых, потому что так было веселее, в-третьих, потому что время от времени Мучи говорил по-настоящему удивительные вещи, которым нельзя поверить, но и не поверить которым тоже нельзя. От него Бенджамиль узнал много нового об устройстве мира, а также о личности Всевышнего, о Его чаяньях и насущных нуждах.

По словам Мучи получалось так, что Господь уже больше ста тысяч лет занимался планетой по имени Земля, в поте лица курировал двуногих прямоходящих. Что земная цивилизация зародилась отнюдь не сама по себе, да и не зародилась вовсе. Просто по необозримым просторам космоса рассеяны миллиарды миров, населённых различными *multimodus sapiens* (простите за тавтологию, сударь). И миллиарды Богов на протяжении вечности следят каждый за своим уголком вселенной, пекутся о том, чтобы всякое сотрудничество было продуктивным, а всякая деятельность — благотворной, чтобы правители любили вверенные им народы, мужья — своих жен, жены чтоб не чаяли души в детях, а дети не дрались в песочнице.

На планетах, вверенных заботам многочисленных Всевышних, не случается войн или техногенных катастроф, не бывает болезней и старости, там не найдёшь маньяков, насильников или просто обманщиков, даже лень там считается серьёзным отклонением от нормы.

— Какие-то идеальные получаются у вас миры, невероятно счастливые!

— Конечно, сударь! Чертовски счастливые миры! Но до идеальных чуточку недотягивают, как говорится: семья не без урода.

Вся беда не совсем идеальных миров в аномалах. Время от времени то там, то здесь рождаются на свет люди с пресловутыми отклонениями от нормы. Как выразился Мучи, нечто среднее между генетическим дефектом и заразным заболеванием. Такие аномальные субъекты нарушают гармонию мира, сеют пороки, причиняют массу неприятностей себе и окружающим. Тогда-то и возникает нужда в планетах вроде Земли. Именно там воплощаются во временные тела все опасные ублюдки. На родных планетах этих существ держать нельзя просто категорически, поскольку они заразны в самом прямом смысле этого слова. Вот и приходится собирать их в одном определённом месте.

— Выходит, Земля — это что-то вроде тюрьмы? — удивился и огорчился Бенджамиль.

Мучи был не согласен с подобным определением.

— При чём здесь тюрьма? — воскликнул он, горестно поднимая домиком светлые брови. — Скорее уж изолятор в лечебнице!

И одетый в лохмотья бродяга принялся рассказывать Бенджамиллю Мэю про то, что каждому ущербному индивиду отпущена тысяча жизней, прожив которые он либо избавится от своей болезни и вернётся в лоно родной цивилизации, либо канет в небытие. Это может показаться жестоким решением, но это крайняя необходимость, вроде лепрозория. Главный врач лечебницы под названием Земля проявляет массу изобретательности для того, чтобы

направить своих пациентов на путь истинный, чтобы вытравить из них вирус жестокости, лени и эгоизма, спровоцировать лейкоциты души на борьбу с заразой. Способы лечения разнообразны, но случается, что и Создатель заходит в тупик. Тогда-то и происходит то, что невежды почитают концом света, — кардинальное изменение мира, то самое, чему соответствует число шестьсот шестьдесят шесть. Мир становится с ног на голову, революции сметают целые государства, меняются технологии, катастрофы гонят людей с места на место. Неудачный эксперимент стирается из ёмкостей с памятью, и всё начинается сызнова.

Мучи замолчал, победоносно глядя на собеседника.

— Мда, — проговорил Бен, собираясь с мыслями. — Но откуда у вас такие познания? И где гарантии, что это правда?

— Я же говорю — от Него, — терпеливо повторил батон. — А гарантии — в правдивости слова Божьего. Кое-что я додумал сам, хотя, смею вас уверить, картину я не исказил ни на йоту. Да неужели ж вы сами не чувствуете, где правда, а где вранье?

Бенджамиль на минуту задумался:

— Всё так странно. Ничего подобного я никогда раньше не слышал. Вы думаете, ваше паломничество тоже способ божественной терапии?

— А ваше?

Бенджамиль развел руками:

— Я, право, не знаю.

— А я знаю. — Мучи нагнулся к спутнику поближе. — Господь работает не один. Он — как глава фирмы, генеральный директор, но никто не способен работать в одиночку. Я уверен, у Него есть хайдраи. Те, в чьи уста Он вкладывает свои слова, а в головы — мысли, чьими руками Он творит историю. Будда, Иисус, Заратустра, Мухаммед, готов голову дать на отсечение, они сидят в кабинете Господа Бога и обсуждают бизнес-план на ближайшие сто лет.

— И вы рассчитываете попасть в эту компанию? — догадался Бен.

— Рассчитываю?! — горько воскликнул бродяга. — Как я могу рассчитывать? Я могу лишь ждать и надеяться. Когда Бог говорил со мной, Он явно намекал на эту перспективу, а когда я бросил всё и пришёл к Нему сюда, Он начал изъясняться всё путаней и непонятней. Я по-прежнему видел Его, но уже не понимал ни слова. Я обошёл весь буфер, я побывал в Сити! И что? — Мучи полез за пазуху, достал пустую уже бутылку, старательно вытряс на язык последние капли и в сердцах бросил бутылку далеко в сторону. — Когда я удирал из Сити и лез в дыру под стеной, я в первый раз увидел Его наяву. Дело было ночью, но я видел Господа, будто днём. Он сказал мне одно-единственное слово: «тщеславие», а потом замолчал и уже никогда больше со мной не разговаривал. Посудите сами, сударь! Разве я был тщеславен?

— Значит, больше вы его не видели, Мучи? — осторожно поинтересовался Бен.

— Отчего не видел? Видел, — равнодушно отозвался Мучи. — Я часто Его вижу.

— И что же он делает?

— Да всё, что угодно! Всякую хреновину. Только ничего не говорит, — пожаловался батон. — Мне кажется, Он испытывает меня. Только на что? Хотите Его лицезреть? Да вот, полюбуйтесь! — Приятели как раз вошли в подворотню, и Мучи указал пальцем куда-то вперёд. — Смотрите, вот Он собственной персоной... Там, на углу. Присел на корточки, гадит и ухмыляется. Ну, как мне это понимать?

Бенджамиль поглядел в указанном направлении и ровным счётом ничего не увидел.

— Эй! Мистер-мастер! — раздался позади голос с высокой птичьей хрипотцой. — Подскажи время, ни в суку.

Бенджамиль обернулся и увидел белобрысого мальчишку лет пятнадцати. Волосы его торчали забавными пучками, правая бровь была тщательно обрита и вместо неё вытатуирована разноцветная радуга. Подросток стоял в десяти шагах от Бена, голова чуть набок, кисти рук засунуты в рукава свободного фиолетового френча, губы сложены в

вежливую улыбку.

— Ни в суку, — повторил он просительно.

Бенджамиль машинально поднял руку к глазам, но разноцветный кубик экрана не появился над запястьем. С ночи злосчастной пятницы часов на руке не было. Под свод длинной арки сквозного проезда вошли ещё двое мальчишек. Один низенький, в жёлтом френче, расшитом бисерными узорами, второй повыше, в долгополом сюртуке. Они обошли белобрысого слева и справа, охватывая Бенджамилья подковой.

— Одиннадцать часов или около того. Я точно не знаю, — сказал Бен.

Он оглянулся, соображая, есть ли у Мучи часы, но батона за его спиной уже не было. Оборванец испарился, словно мираж или приведение. В какой момент он успел уйти так бесшумно и незаметно? И главное, почему? Может, его планы неожиданно изменились?

— Хорошая причёска! — похвалил белобрысый и смачно плюнул себе под ноги.

Отступив на шаг, Мэй провёл ладонью по обесцвеченным волосам. В подворотне появились ещё трое ребят. Двое парней и девчонка в платье наподобие того, что Бен видел на Джизбелле из квартиры Шестерни, только у этого живот был чуть поменьше, а подол чуть подлиннее.

— Из каких ты мест, мастер? — поинтересовался белобрысый. — Я тебя здесь раньше не видел.

— Я не местный. — Бен отступил ещё на шаг. — Был тут у друзей.

— Ковярка, Червяк, — сказал остановившийся слева вышитый френч, — плека да свой манфер? Да?

Слова были произнесены на чёрном трэче с лёгким местечковым акцентом. «А если у него и вправду здесь друзья? Может получится неудобно», — бездумно перевёл Бенджамиль.

— Худля суй? Гон, в фарсунку! Халид начу сар, а Поршень ва ступу ломы в медь, на хата клатцы! — ответил белобрысый Червяк.

«Чего ссышь? Сразу видно, что врёт! Халид нам за чужого ничего не скажет, а Поршень вчера ногу сломал, он вообще дома лежит!» — понял Бенджамиль, и у него нехорошо засосало под ложечкой.

— Поршень поршень ломы (Поршень сломал поршень), — хихикнул низенький в жёлтом.

— Натопы хафай, отпуда мне (Хорошие ботинки, чур, мои), — без всякого выражения проговорил парень в сюртуке, глядя на Беновы ноги.

— Натопы нами! Не студна вам ковяр! Да сектар мади манфер! (Эти ботинки мои! Возьмёте их — будут неприятности! У меня есть друзья в вашем секторе!) — отчаянно заявил Бенджамиль, стараясь, чтобы голос звучал как можно решительней.

Обалдевшие подростки застыли на месте. Потом тот, которого звали Червяком, крикнул:

— Это крыса! Легавая крыса! Туба ду, манфы! Бей его, суку!

Он быстро выдернул обе руки из рукавов. Два тонких лезвия скользнули вперёд, словно змеиные жала. Длиннополый сюртук апатично потянул из-за пазухи обрезок металлической трубы, забренчав, развернулась тяжёлая цепь от инерпеда, девчонка с торчащим вперёд животом страшно оскалила малиновые зубы. И тогда Бен побежал.

Аль-найковские связки позволили ему совершить невероятный, противоречащий всем законам физики прыжок. Коротышка в вышитом френче столкнулся с парнем в белой каскетке. Длиннополый сюртук, взмахнув трубой, кинулся справа, поскользнулся и кубарем полетел по асфальту.

Никогда ещё Бенджамиль не бегал так быстро, как нынешним утром. В одну секунду он пролетел неширокий двор, стремясь к арке проезда на той стороне замкнутого колодца. Но маленькие твари уже сообразили, куда торопится их жертва. Двое мальчишек с трубами метнулись ему наперерез, перекрывая единственный путь к спасению. Бенджамиль понял, что не успевает, и кинулся к двери ближайшего подъезда. «Если закрыто — я пропал», —

вертелась в голове жуткая мысль, и спина покрывалась холодной испариной. Взвизгнув несмазанными петлями, старая железная дверь распахнулась, Бен нырнул в подъезд и, не останавливаясь ни на секунду, побежал вверх по лестнице. Каким-то уголком, самым краем сознания он понимал, что стучаться в квартиры скорее всего бесполезно, но, может быть, наверху есть лаз на чердак. Оттуда на крышу. А что дальше? Что дальше, он пока не думал.

Лестничную клетку шестого этажа перегораживала решётка из толстой арматуры. Положительно Бенджамиллю сегодня везло — дверца в решётке была чуть приоткрыта. Снизу уже топали азартные преследователи. Надеясь неизвестно на что, Бенджамиль прикрыл за собой дверку, и... О чудо! Замок с тихим жужжанием закрылся. Не дожидаясь погони, Бен пробежал четыре лестничных марша и оказался на последнем этаже. Люка на чердак не было...

Двумя этажами ниже задёрнули и затрясли решётку. Бенджамиль отступил в глубь лестничной площадки и прислонился спиной к простенку между дверьми. Снизу орали то на трэче, то на цивильном. «Пропал!» — подумал Бен. Ему захотелось плакать.

Углы лестничной площадки тонули в полумраке, окошки с выбитыми стёклами были вкривь и вкось забиты пластиковыми щитами. А если попытаться оторвать щит?

Молодые трэчеры на шестом этаже перестали орать и колотить по решётке трубами. Бенджамиль прислушался.

— Может, он туда и не поднимался? Закрыто же, — сказал девчачий голос.

— А куда делся, хабаля?! (Это, похоже, Червяк.)

— Давай по дверям провальнемся?

— Дурак! Это дом Халида. Будешь здесь хозяйничать, он тебе яйца отрежет. Да и мне тоже.

— Буцца во всем виноват! — заявил бойкий ехидный голос.

— С какого хера? — подозрительно спросил Буцца.

— С такого, что если бы ты не асфальт брюхом тёр, а трубой легавого достал, мы бы его ещё там умудохали! — подтвердил Червяк. — Чего ты завалился?

— Насрал там кто-то на углу... целую кучу, — равнодушно отозвался Буцца, — а я втюхался...

Вся компания залилась весёлым гоготом. Когда взрыв безудержного веселья немного утих, ехидный голосок вдруг проблеял:

— Смотрите, обмылки! А здесь на стенке код нацарапан!

«Вот и всё», — подумал Бен.

Он слышал, как грохнула решётка...

Дальнейшее происходило будто в диковинном сне. Дверь в квартиру номер двести семнадцать тихонько приоткрылась, цепкие пальцы ухватили Бена за воротник френча и втащили в темноту коридора. Бенджамиль слабо дёрнулся, но кто-то невидимый настойчиво притиснул его спиной к стенке, зажав готовый кричать рот горячей сухой ладошкой. Темнота перед глазами молодого человека дважды перевернулась вверх тормашками, ноги подкосились, и Бенджамиль Френсис Мэй потерял сознание.

Глава 11

Жиденький, подкрашенный розовым свет с натугой сочился через плотные лиловые занавески. Бенджамиль лежал на кровати в своей маленькой спальне и сквозь полуприкрытые ресницы смотрел на потолочный светильник. Светильник, купленный ещё в позапрошлом году, представлял из себя цилиндрическую лампу с кожухом, окружённую восемью фонариками на восьми изогнутых ножках. С виду — простенько, но с три-М-эффектом: когда кожух раздвигается, вокруг лампы начинают роиться насекомые. Если сидеть тихо, то можно даже услышать мерное постукивание крыльев о прозрачный корпус. Правда, через полгода после покупки в светильнике что-то сломалось, и теперь толстые мохнатые бабочки стучались о стекло совершенно бесшумно.

Бенджамиль слегка скосил глаза на окно. Воскресное утро, в отличие от субботнего, имеет чуточку горьковатый привкус. Но не стоит быть привередливым, когда впереди ещё целый выходной. Бен сладко улыбнулся и попробовал вспомнить, когда он успел сменить жёлтые шторы на лиловые. Перед его мысленным взором почему-то всплыл вишнёво-красный прыгун мастера Ху-Ху, потом грязный бетонный пол и жухлые лепестки красного платья... «Господи! — подумал Бен. — Какой скверный сон».

Кто-то осторожно присел на краешек постели... Ирэн? Наверняка Ирэн! Кто, кроме Ирэн, может в такой час ходить по его квартире? «Проснись, раззява! — вкрадчиво произнёс чужой голос в голове Бенджамиля. — Не далее как вчера Ирина фон Гирш прислала тебе уведомление о разводе». Бенджамиля прошиб озноб. Стало невыносимо страшно и тоскливо, так страшно, что захотелось кричать. Но тут кровать слабо скрипнула, и Бен с облегчением догадался, что сон продолжается, что это всего-навсего новая серия. «Я сплю, — подумал Бен, — и в новом сне вспоминаю про сон старый. Я твёрдо знаю, что оба сна исчезнут, как только я открою глаза». Ему сразу же жутко захотелось взглянуть, кто в новом сне присел на его кровать, но он никак не решался открыть глаза, наоборот, он ещё плотнее смежил веки, оставив совсем узенькие щёлочки.

Смутная тень появилась на самой периферии зрения. Тёплые кончики пальцев коснулись лба Бенджамиля. От ладони исходил еле различимый аромат незнакомых специй. Тень тихонько вздохнула и наклонилась ближе. Бен почувствовал, как нежные губы прижались чуть выше его правой брови. Он вздрогнул и открыл глаза.

Прямо перед ним в розовом полумраке светилось лицо молодой женщины. Бенджамиль не очень хорошо представлял себе, как выглядят ангелы Господни, но это точно был ангел. Тёмная волна чуть выющихся волос, смуглая кожа, внимательные, слегка раскосые глаза, наполненные изнутри неизъяснимым божественным светом...

Губы ангела дрогнули и приоткрылись, глаза испуганно распахнулись, заливая комнату золотым сиянием. «А может быть, я уже умер? — как-то вскользь пронеслось в голове у Бенджамиля. — Может, я уже на небе? Лежу голышом перед дверями волшебного сада?» Смесь восторга и возбуждения обрушилась на него, переворачивая вверх тормашками светильник и окно с лиловой занавеской. Как это часто случается во сне, тело вдруг превратилось в баллон, наполненный гелием, а руки обрели независимость, предоставив изумлённому хозяину со стороны наблюдать за своими действиями. Пальцы левой руки запутались в копне пушистых волос, а пальцы правой настойчиво теребили складки одежды, отыскивая пуговичку за пуговичкой. Ангел слабо сопротивлялся, пытаясь освободиться, а Бен всё целовал, целовал, целовал. Целовал губы, глаза, подбородок, снова губы, шепча слова на позабытом древнем наречии, упиваясь поцелуями и звуками непонятных слов, которые знал уже много столетий. А пальцы уже скользили по узкой прохладной спине, по острым беззащитным ключицам... Тихий прерывистый вздох перешёл в еле различимый стон, и Бен почувствовал горячую ладошку у себя на шее, под ухом.

Дальше был сладостный провал, волшебная пустота, наполненная прикосновениями и поцелуями. Бен потерялся, растворился в чудесном сне. Время и пространство утратили смысл и привычные очертания. Бен уже не мог с уверенностью сказать, где кончается он, а где начинается девушка-ангел. Дурманный водоворот нёс их всё быстрее и быстрее, кружил, вытягивая в струны, готовые лопнуть от одного прикосновения медиатора, вращал в первобытном безумном ритме, сжимая влажные объятия всё сильнее и сильнее, пока они наконец не закричали разом от острого мучительного наслаждения и не откинулись один от другого в полном изнеможении, оглушённые, обессиленные и невероятно счастливые...

...Жиденький, подкрашенный розовым свет с натугой сочился через плотные лиловые занавески. Бенджамиль лежал под сшитым из цветных лоскутков одеялом и удивлённо озирался вокруг. Окно было ему знакомо, лампа тоже, но всё остальное... Чужие стены, чужая старенькая мебель, чужие полки с домашними растениями и безделушками, прозрачный шар аквариума. Чужая дверь с матовым стеклом скрипнула, пропуская в чужую

комнату высокую черноволосую девушку в сшитом на китайский манер платье и лёгких цветастых шароварах до лодыжки. Удивительно знакомое лицо... Бенджамиль приподнялся на локтях и почти осязаемо наткнулся на испуганный взгляд внимательных, слегка раскосых глаз... Боже мой!

— Куда?! Вам нельзя подниматься! — воскликнула девушка, моментально оказываясь возле кровати.

— Почему? — пробормотал Бен.

— Потому что вам нужно лежать! Обморок может быть спровоцирован сердечной недостаточностью! Хотите пить?

— Хочу. — Удивлённый Бенджамиль покорно опустился на подушку.

— Сейчас принесу! — сказала девушка, устремляясь к двери. — Не вздумайте подниматься!

— Послушайте, а... — начал Бенджамиль, но ангел уже выскользнул из комнаты.

«М-да. Ситуация... — подумал Бен. — Как бы спросить поделикатнее?» Он на всякий случай ущипнул себя за мочку здорового уха, потом сунул руку под одеяло и быстро провёл ладонью по своему бедру. Так и есть! Голая ляжка. Хотя трусы вроде как на месте. Френча нет, и рубаха расстёгнута. Оракул?! Уф-ф, оракул на месте, но брюки неизвестно где. Значит?.. Или ничего не значит? Или я схожу с ума?

Бенджамиль уже вознамерился приподняться, чтобы поглядеть, не лежат ли его брюки на полу возле кровати, но дверь опять скрипнула, и в комнату вплыла девушка-ангел с высоким пластиковым бокалом в руках. Скорее угадав, чем заметив движения укрытого одеялом мужчины, она укоризненно и трагически приподняла черные прямые брови:

— Не надо садиться! Сейчас я помогу.

Бенджамиль лежал довольно далеко от края, и его добровольной сиделке пришлось забраться на кровать с ногами. Стараясь не расплескать воду, девушка ловко приподняла голову своего подопечного и прижала край бокала к его губам. Легонько стукаясь зубами о твёрдый пластик, Бенджамиль сделал несколько жадных глотков. Холодная струйка пробежала по подбородку. Отставив пустой бокал, девушка аккуратно опустила Бена на подушку и вытерла его мокрую шею.

— Ещё хотите? — Ангел уселся по-турецки, разглядывая Бенджамиль с нескрываемым интересом.

Бен отрицательно покачал головой.

— У меня хорошая вода, отфильтрованная, — тревожно сообщила девушка, потом подумала и добавила виновато: — Вчера было ещё немного томатного сока, но я его выпила.

— Да ерунда, — сказал Бен. — Всё хорошо.

Отчего-то он почувствовал свою персональную ответственность за отсутствие сока. Это было так смешно и нелепо, что Бен улыбнулся.

— Очень вкусная вода, — сказал он.

И девушка с готовностью улыбнулась в ответ. У неё была чудесная улыбка. Словно маленькое солнышко вспыхнуло на миг в полутёмной комнате. Именно так улыбаются ангелы. И Бенджамиль, забыв про сомнения и неловкость, во все глаза уставился на свою небесную спасительницу. Стройные коленки, обтянутые фальшивым ситцем, над ними короткое, когда-то яркое до вычурности платье, застёгнутое спереди на смешные пуговицы в виде маленьких золотых рыбок, чуть выше острые беззащитные ключицы в вырезе открытого ворота, ещё выше смуглые высокие скулы и тёмные лепестки губ, которым не нужно изысков макияжа. Струйка арабской, а может, азиатской крови, выкрасившая кожу девушки в цвет молочного шоколада, приподняла к вискам уголки задумчивых темно-карих глаз, наполнив их мёдом полуденного солнца. Девушка-ангел из сновидения. Но как такое возможно? Может ли явь становиться сном, а сон обращаться явью? «Мне нужен знак, — беспомощно подумал Бенджамиль, — малюсенький намёк, иначе я действительно усомнюсь в своём рассудке. Ведь не могу же я спросить: „Простите, мисс, мы уже любили друг друга или мне это только померещилось?“».

— Простите, мисс, э-э-э... — начал Бенджамиль, ощущая себя последним кретином.

— А давай на «ты», — неожиданно предложила девушка.

Она быстро нагнулась и поцеловала Бенджамиля прямо в губы. Сумбурные мысли в голове молодого человека перемешались окончательно.

— Так принято делать, когда хочешь перейти на «ты», — объяснила девушка, расцветая своей очаровательной улыбкой. — Теперь ты можешь звать меня Марси. Моё настоящее имя Марьям, но друзья зовут меня Марси. Мы ведь достаточно близки, чтобы считаться друзьями?

Бенджамиль раскрыл рот, собираясь ответить, но девушка быстро приложила ладонь к его губам.

— Иногда я становлюсь страшно болтливой, — сообщила она доверительно. — Наверное, к старости буду говорить без умолку. — Потом прищурилась, пристально глядя собеседнику в глаза, и спросила: — А как зовут тебя?

— Бенджамиль. Бенджамиль Френсис Мэй.

— Красивое имя, — вздохнула девушка. — А друзья как называют?

— У меня нет друзей, — сказал Бенджамиль.

— Шутишь?

Бенджамиль покачал головой. Ему вдруг стало так грустно, так жалко себя самого, что в горле запершило, а глаза наполнились слезами. Тонкие пальцы осторожно коснулись его жёстких обесцвеченных волос. Бен поднял глаза и увидел влажную дорожку на смуглой щеке.

— Дай мне руку, — сказала Марси.

Бен послушно протянул девушке правую ладонь.

— Ага. — Марси взялась за ладонь обеими руками. — Ты не замечал, что, когда глядишь на кого-нибудь снизу вверх, чувствуешь себя ужасно дискомфортно? Можно я лягу тут с краю? Нет, не надо подвигаться, кровать широкая.

Не выпуская из рук мужской ладони, девушка легла на спину, положив голову на край подушки.

— Вот теперь совсем другое дело, — произнесла она удовлетворённо и принялась кончиком ногтя массировать мизинец Бенджамиля. — С моей мамой, покой её праху, обмороки случались раз в неделю, так что в этом вопросе я настоящий профи.

— Бен, — сказал Бенджамиль решительно. — Ты можешь звать меня Бен или Бенни.

Марси улыбнулась.

— Ещё я придумаю тебе прозвище, — сказала она тихо. — Потом, когда узнаю тебя получше.

— Что? — спросил Бен.

— Так, ничего. Тебе легче?

— Угу.

— Голова не кружится?

— Нет. Слушай, Марси, а долго я был без сознания?

— Часа два, — задумчиво сказала девушка. — Я уже беспокоиться начала.

— А почему на мне нет брюк?

— Брюки... брюки... Разве ты пришёл ко мне в брюках?

Бенджамиль почувствовал, что его собеседница улыбается.

— Марси, я совершенно серьёзно. — Бен приподнялся на локте.

— А сердце не болит?

— Ничего не болит и не кружится.

— Тогда подожди минутку, сейчас принесу твои брюки. — Девушка легко соскочила с кровати. — Ты ввалился в мою дверь и сразу бухнулся в обморок. Не оставлять же было тебя в прихожей. Но для такой куртки и таких штанов даже моя прихожая была слишком чистой, пришлось положить одежду в стирку. Кстати, я изрядно повозилась, стаскивая с тебя шмотки, а потом втаскивая тебя на кровать. Так что с вас, сударь, причитается. — Марси

подмигнула. — Можешь как-нибудь поносить меня на закорках. Когда будешь в форме.

Бенджамиль подождал, пока Марси выйдет, и сел на кровати. Бедра и пресс слегка ныли, чуть побаливала голова. Почесав переносицу, Бенджамиль глянул на приоткрытую дверь и задумчиво взялся за медальон. Тяжёлый кругляш с готовностью лёг в руку, как будто только того и дожидался. Так штепсель входит в гнездо розетки, так... Бен покачал оракула на открытой ладони, решительно спрятал под рубашку и принялся застёгивать пуговицы.

Марси возникла на пороге комнаты со стопкой одежды в руках.

— Почти сухое, — сообщила она, опуская брюки и френч на край постели.

«Ага! — подумал Бен. — Сейчас я вылезу из-под одеяла и стану натягивать брюки. Поглядим, отвернётся мой ангел или станет бессовестно рассматривать мои голые ноги». Мысль была дурацкой, но Бену она почему-то показалась вполне резонной. Придерживая рукой одеяло, он спустил ноги на пол.

— А есть ты хочешь? — быстро спросила Марси.

— Хочу, — бездумно ляпнул Бенджамиль, и дверь скрипнула в очередной раз.

Испытывая лёгкое разочарование, Бенджамиль поднялся с кровати и запрыгал на одной ноге, стараясь попасть в узкую штанину.

— В конце концов, мысль была дурацкая, — сказал он самому себе, застёгивая брючный ремень и осматриваясь.

Спальня Марси оказалась совсем маленькой. Большую её часть занимала просторное складное ложе совсем древней модели. У родителей Бена было почти такое же. Оно должно откидываться к стене. Бенджамиль машинально поискал глазами пульт, не нашёл его и зачем-то заглянул под кровать. Под кроватью было пыльно. Судя по всему, ложе давно не поднимали. Помимо кровати в комнате имелся маленький столик, пара кресел с выцветшей обивкой и полки. Полки занимали две стены от пола до потолка и были уставлены сухими цветами в разнокалиберных стеклянных вазочках, живыми кактусами в горшочках под керамику, коробочками, смешными зверюшками, сложенными из цветного жёсткого пластика, интерактивными портретами незнакомых людей и невзрачными на вид камушками. Между пиалами из синего стекла, доверху наполненными горохом инфокапсул, расположился целый выводок стареньких игрушечных медвежат, которые умеют ходить на задних лапах и говорить смешными голосами. Самую широкую полку занимал большой, сплюснутый с боков шар аквариума. В нем, то сжимаясь до размеров мизинца, то вырастая с добрый ботинок, меланхолично кружили четыре рыбки: три чёрные с серебристыми полосками на боках, и одна оранжево-золотая с безвольным веером полупрозрачных плавников. Прямо над аквариумом топорщилась острыми краями настоящая морская раковина, а справа от раковины лежал планшет для чтения и стояло несколько настоящих книг, точно таких же, как мамина Библия. Никто из знакомых Бена не собирал бумажных фолиантов, более того, ни в одном антикварном каталоге даже не упоминалось о книгах, но от засаленных истёртых обложек просто веяло раритетом. Бенджамиль осторожно коснулся пальцами гладкого выпуклого корешка с надписью «Эдмон Ростан».

Позади раскрылась дверь, Бенджамиль, вздрогнув, убрал руку и обернулся.

— Это настоящие книги, — сказала Марси, опуская на столик поднос с парой высоких чашек. — Страшно редкая штука, один друг достал. Блажь, в сущности, но мне нравится. Э... Ты не против, если мы здесь поедим, а то у меня на кухне не очень чисто?

— Можно и здесь. — Бенджамиль приблизил лицо к другой обложке с плохо различимой длинной надписью. — Наверное, стоят уйму денег?.. Антуан де Сент...

— Де Сент-Экзюпери, — подсказала Марси. — Не знаю, сколько они стоят и покупает ли их кто-нибудь вообще, просто их трудно достать, вот и всё.

— Может, и так, — с сомнением пробормотал Бен.

Он оторвался от книг и подошел к зашторенному окну.

— Любишь полумрак? — Бен осторожно отодвинул край занавески.

Юные грабители были всё ещё там, сидели кружком на корточках, курили и оживлённо болтали. Даже с высоты восьмого этажа Бен отчётливо видел наглые терпеливые макушки

хищных щенков.

— Когда как, — сказала за спиной Марси. — Просто я спала до того, как на лестнице поднялся тарарам и мне пришлось втаскивать тебя в квартиру. Можешь раздвинуть шторы, если хочешь, лично мне полумрак не мешает.

— Нет, нет, — поспешно сказал Бен, отходя от окна, — мне тоже не мешает. Тем более, что ребяташки всё ещё там. Что-то мне не хочется привлекать их внимание.

— Да ты уж и так...

Марси быстро обогнула кровать и, потеснив Бена, выглянула наружу.

— Действительно сидят, — подтвердила она. — Интересно, чем ты им так насолил?

Бенджамиль хмыкнул:

— Маленьким ублюдкам понравились мои ботинки.

— Они вовсе не ублюдки, — укоризненно сказала Марси, задёргивая штору. — Дурной мир лепит нас на дурной лад. Они отравлены миром, но они не ублюдки. Они ещё слишком молоды, чтобы толкать их всех в одну таблетку. Знаешь, как называют старшие трэчеры молодёжь?

Бен помотал головой.

— Спермой. — Марси отошла от окна. — Потому, что они пока лишь заготовки, а из заготовок может получиться, в сущности, всё, что угодно.

Бенджамиллю стало мучительно неловко, но в то же время на него накатила волна жгучего раздражения. Легко говорить умные слова и защищать этих краснозубых ангелков, когда они не гонятся за тобой с трубами.

— Это не я так говорю, — добавила девушка, явно почувствовав его состояние.

— А кто?

— Мишель.

— Что за Мишель?

— Это один мой друг.

— Тот, что достал книги? — скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Бен.

— Тот самый, — подтвердила Марси. — Иногда он говорит удивительные вещи. Даже странно, как до такого можно додуматься.

— И какой он, этот твой друг? — спросил Бен, теребя край шторы.

Он постарался сказать это совершенно равнодушно, как будто ему и дела не было до загадочных друзей Марси, но девушка опять, казалось, угадала его мысли.

— Да почти такой же, как ты, только старше! — заявила она, окатив Бенджамилля с ног до головы обезоруживающей улыбкой. — А ребята привязались к тебе только потому, что ты не местный. Вообще-то они днём даже чужих обычно не трогают, не то что местных. Здесь половина сектора принадлежит Халиду. Потому и район у нас относительно спокойный. Но чужие вроде как вне закона. — Марси виновато развела руками.

«Ещё бы, — подумал Бенджамиль, — за своих Халид яйца отрежет... У меня что, на лбу написано, что я не местный?»

— Слушай, Марси, — сказал Бен обиженно. — У меня что, на лбу надпись: «Парень из аутсайда — можно грабить?»

Марьям пожала плечами:

— Можно и так сказать. Я, честно говоря, решила, что ты из белого буфа, что по делам приехал! В выходные сюда много корпи приезжает, но они обычно развлекаются в заведениях на самой окраине, а тебя к нам занесло, в серо-зелёный.

Бенджамиль искоса взглянул на ангела по имени Марси, и события минувшего дня и двух ночей вдруг представились ему чем-то неаппетитно-гнусным, вроде раздавленной улитки, чем-то таким, о чём совершенно не хочется рассказывать такой чудесной девушке с солнечной улыбкой.

— Я не развлекался, — вздохнув, сказал Бен. — Я был здесь по делам, заблудился и отстал от прыгуна. Теперь вот пытаюсь добраться до тубвея. Пока неудачно.

Марси грустно улыбнулась:

— Это заметно. А насчёт надписи на лбу ты не обижайся. Мы переехали в чёрный буфер из белого, когда мне было двенадцать, и в течение следующих десяти лет мне то и дело напоминали про мой лоб. Честное слово.

Девушка вдруг как-то сникла, и Бенджамиль спросил первое, что пришло на ум:

— Марси, а ты всегда по воскресеньям спишь до полудня?

Марьям недоуменно уставилась на своего гостя.

— Ну, ты сама сказала, что спала, когда в подъезде начался тарарам.

— А! Это! — Девушка оживилась. — Я просто отсыпалась после спектакля.

— Спектакля?

— Ну постановки!

— Постановки?

— Бенни, ты хотя бы представляешь себе, что такое театр?! — воскликнула Марси.

Брови девушки-ангела приподнялись, глаза заблестели, по всему было видно, что разговор повернул в нужное русло.

— Не совсем, — сказал Бенджамиль, заражаясь флюидами весёлости. — В смысле, помню что-то такое из школьной программы. Это вроде как визуальное искусство, вытесненное со сцены кинематографом, а потом телевидением.

— Сам ты вытесненный! — Сквозь смуглую кожу Марьям проступил румянец. — Говоришь «сцена», а сам не знаешь, что это такое!

После пяти минут страстных и путаных разъяснений Бенджамиль понял четыре вещи: что театр — это несравненно лучше, чем сериалы-лонгливеры по инфосети, что театр — это не совсем законно, что, как следствие, он располагается в каком-то подвальном помещении и что ему, Бенджамиллю Френсису Мэю, до смерти хочется хотя бы разок побывать на спектакле.

— Я понял, — сказал Бен, прерывая поток Бернардов Шоу, Станиславских, Гальмингов и Шекспиров, — спектакль похож на старый фильм с коротким сюжетом. Я такие видел.

— Точно! — радостно подтвердила Марси. — Только спектакль всякий раз разный, а фильм, сколько ни смотри, один и тот же... Хочешь, я проведу тебя на выступление?!. Не сегодня и не завтра, конечно... А вот! Через две недели мы будем ставить «Отелло» Я попрошу Мишеля, он скажет Эрнесту, и для тебя сделают контрамарку. Хочешь?!

Произнеся имя Мишель, девушка вдруг вся погасла и погрузилась.

— Хочу, — отозвался Бен, не понявший и половины сказанного.

Его энтузиазм тоже пошёл на спад, а в голову полезли неприятные мысли.

— Давай поедим, что ли, — сказал он, указывая на столик. — Там уже остыло всё, наверное.

Красные бобы в острой подливке действительно остыли, но хуже от этого почему-то не стали. Бенджамиль ел, сидя в кресле. Каждый раз, цепляя вилкой мучнистые зерна, он подносил чашку к самому подбородку, стараясь не капнуть подливой на пол или на брюки. Марси уплетала бобы, расположившись на кровати. Ела она весело и беспечно, безо всяких предосторожностей, то внимательно рассматривала наколотый на вилку боб, то пускалась в длинные рассуждения, размахивая этим бобом во все стороны. Бен ел, поглядывая на девушку, и от всей души дивился тому, что платье с цветастыми шароварами и одеяло на постели до сих пор остаются чистыми.

Отправив в рот последнюю порцию, Бенджамиль через край допил подливку и поставил пустую чашку на столик.

— Назови число от одного до девяти, — попросила Марси, глядя в свою тарелку.

— Зачем?

— Я загадала желание. — Девушка прикрыла чашку ладонью. — Ну?

— Шесть, — наобум сказал Бен, и Марси просияла.

— Я так и думала! — С чрезвычайно довольным видом она принялась накалывать бобы на вилку. — Раз, два, три, четыре. Ах ты! Сломался. Амм. Пять, шесть. Амм.

— Неужели правда шесть? — Бен недоверчиво улынулся.
— Ровно шесть, и значит, моё желание сбудется.
Девушка поднялась, поставила тарелку на стол и подошла к окну.
— Шесть очень хорошее число, — сказала она, слегка отодвигая штору. — Цифра шесть обозначает дом.
— Сидят? — поинтересовался Бен.
— Сидят. — Девушка прижалась носом к стеклу.
— Ты бы отошла лучше, — попросил Бен.
Марси отошла, взяла с полки ракушку и принялась вертеть её в ладонях.
— Марси.
— А?
— Почему ты мне помогла?
— Потому что не люблю убираться на площадке.
— Нет, серьёзно.
Девушка нахмурилась:
— Ну, я не люблю, когда под моей дверью бьют хороших людей.
— Но ведь я мог оказаться плохим человеком, — упорствовал Бен, — таким же бандитом, как и они.

Он и сам толком не знал, что хочет услышать. Но внутри всё нарастало и нарастало ощущение чего-то огромного, значимого. Такого, от чего зависит вся жизнь в этой комнате, в этом городе, на этой планете.

— Не мог, — шёпотом сказала Марси. — Я же почувствовала тебя через дверь.
— Как это?
— А вот так. — Марси вдруг быстро нагнулась, едва не коснувшись носом лица Бенджамия. — Понимаешь, Бенни, я ти-эмпат. Только Мишель сказал, что об этом никому нельзя знать. Это большая тайна, Бенни, ещё больше, чем театр. Понимаешь? Ни-ко-му! Я ведь могу на тебя рассчитывать?

Бен кивнул, холодок страха снова полз у него между лопаток.

— Постой, погоди. — Молодой человек бережно взял девушку за локти. — Что такое ти-эмпат? Как ты почувствовала меня через дверь? Почувствовала, какой я человек?

— Да, — ответила Марси, отводя глаза. — Шагов за десять — двадцать я чувствую чужие эмоции, а свои передаю метров на сорок. Я сидела на этой кровати, и мне хотелось прыгнуть в окно от страха. — Марси всхлипнула. — А вы, мужики, ещё говорите, что ничего не боитесь.

— Ничего себе, — пробормотал Бен. — Ты ощущаешь то же, что и я? А я то же, что и ты? И ты меня не разыгрываешь?

Марси вдруг побледнела и сильно качнулась назад. Бенджамиль едва успел подхватить её за талию и опустить на кровать. Всё тело девушки напряглось, голова откинулась, сухие губы жадно втянули воздух. Раз, другой. «Господи! — подумал Бенджамиль сквозь отрешённый ватный ужас. — Да она же умирает!» Он поднялся на ослабевшие ноги и шагнул к аквариуму, намереваясь зачерпнуть ладонями воды, но пальцы Марси удержали его, поймав за рукав сорочки.

— Не надо, мне уже лучше, — прошептал девушка. — Сядь вот тут, рядом.

Перепуганный Бенджамиль покорно опустился на край кровати.

— Чувствуешь? — Марси поймала его руку и настойчиво прижала к своему животу. — Чувствуешь?

— Что? — спросил Бен одними губами.

— Его, нашего ребёнка? Вот здесь. Чувствуешь?

И Бенджамиль почувствовал, как сквозь мышцы и кожу плоского живота молодой женщины ему в ладонь отчётливо упёрлась маленькая пятка.

— Разве я тебя разыгрываю? — Серьёзные раскосые глаза смотрели внимательно и пытливо, и только в уголках губ пряталась улыбка.

Бенджамиль соскочил с кровати и, засунув руки в карманы брюк, принялся ходить по комнате.

— Ну, Бен, не злись, пожалуйста, — елеинным голосом пропела Марси, она уже как ни в чём не бывало сидела на кровати. — А то я начну злиться вслед за тобой. Я же чувствую, как ты злишься. Я совсем не хотела тебя обидеть, я нечаянно, и мне уже стыдно. Честное слово.

По всему было видно, что нисколько ей не стыдно. Сердито насупившись, Бенджамиль присел на корточки возле аквариума и постучал пальцами в стекло. Плавное движение рыбок разорвало свой рисунок.

— Правда, как настоящие? — Марси придвинулась сзади так, что её колени коснулись его спины. — Их не надо кормить, и чистить аквариум не надо... — Девушка прерывисто вздохнула и, потянувшись вперёд, постучала ногтём в выпуклую прозрачную стенку.

Они сидел на кровати, тесно прижавшись плечами и сблизив головы, словно таинственные заговорщики. На их колени лился всё тот же смутно-лиловый свет. Было на удивление тихо и уютно, так тихо, что они невольно разговаривали шёпотом.

— Когда мы с мамой и сестрой переехали сюда из белого буфера, — рассказывала Марси, рисуя указательным пальцем затейливые узоры на одеяле, — я вообще была в жуткой депрессии, боялась выходить на улицу, боялась выходить в подъезд, боялась спать возле окна. Со временем ничего, привыкла. Люди здесь как люди, не хуже прочих. Потом Сью устроилась на фабрику Мориса Эйвитса. Она до сих пор считает, что ей здорово повезло. В белом буфере она училась в Путлицкой школе младших менеджеров, но после переезда бросила учёбу. Будь Сью парнем, отца наверняка обязали бы оплатить оставшиеся три года. А так... По-моему, Сью сразу поняла, что ей ничего не светит. Мама никогда не умела распоряжаться деньгами, а после развода, мне кажется, немножко тронулась умом. — Марси покрутила пальцем у виска. — У неё всё текло между пальцев. Деньги, что она получила при разводе, улетучились меньше чем за год, но она всё равно хотела, чтобы её дочь закончила приличную школу, и я, как дура, каждый день ездила по четыре часа в таблетке. Жуткая скука.

Бенджамиль вспомнил про Розану Табоне и грустно усмехнулся.

— Потом я стала учиться с пятого на десятое, больше бывать на улице, чем в школе, и в пятнадцать у меня появился парень.

Заметив, что Бенджамиль невольно напрягся, Марси покачала головой:

— Это было так давно, Бенни, точно в другой жизни. Его звали Рашид, и он был трэчер. А потом его убили, зарезали на улице.

— Ты любила его? — спросил Бен после небольшой паузы.

— Не знаю, — задумчиво ответила девушка. — Он был хороший, заботился обо мне. На его похоронах я впервые услышала чужие эмоции. Когда умирает кто-то из пульпы, провожать его приходят все трэчеры его банды. Они несли Рашида до катафалка кремационной службы, а потом пили круговую за упокой. Их было человек двести. Представляешь? В моей голове вдруг взорвались эмоции двух сотен парней из подворотни. Словно прорвало плотину. Меня просто сбilo с ног, раздавило, расплющило, как козявку. Я была так напугана, что даже потеряла сознание. С тех самых пор я стала ти-эмпатом. Мишель сказал, что это была шоковая инициация...

— Мишель, Мишель. Уже десятый раз слышу про Мишеля, — сказал Бен, изо всех сил стараясь выглядеть беззаботным. — Интересно знать, что это за птица такая.

— Никакая не птица. — Марси поднялась с кровати, подошла к окну и выглянула во двор. — Мишель Поверфул действительно мой очень хороший друг. Через год после смерти мамы Сью умудрилась устроить меня к Эйвитсу. Я стояла возле конвейера и раз за разом последовательно нажимала четыре кнопки, согласно дурацкому закону этого... Как его?

— Киттеля, — подсказал Бен.

— Ну да! А железная лапа чего-то делала с заготовками. Я нажимала. Она делала. Я давила. А она делала. Чпок — вжик. Чпок — бряк. Чпок — шмяк. И так одиннадцать часов в

день. А потом ночь в гостинице-улье. И круглые сутки вокруг усталость, злость, апатия. Потом неделя выходных, когда лишь на третий день начинаешь понемногу приходить в себя. И опять усталость, апатия, злость и жуткие ночи, пронизанные чужими снами. У меня не было душевных сил даже на то, чтобы уволиться. Ещё полгода — и я бы сошла с ума или повесилась. Но тут появился он. В белом костюме, с лакированной тростью, он просто пришёл и забрал меня от Мориса Эйвитса.

— Как забрал? — испуганно спросил Бен.

— Вот так! — Марси показала как. — Они уволили меня по инициативе предприятия и даже пособие выплатили.

— А потом?

— Потом Мишель свёл нас с Эрнестом, и Эрни взял меня в подпольный театр. Вот так! У нас есть свой постановщик! Костюмы Эрни шьёт на заказ в промколье. Мы репетируем четыре раза в неделю и дважды в месяц даем спектакли! Правда, зрителей не очень много, в основном из «воротничка», чуток из белого буфера. Бывает, приезжают крупные шишки. А однажды, — Марси перешла на шепот, — нас смотрели очень большие люди из Сити. Эрнест следит за порядком, Ават режиссирует спектакли, а Мишель поставляет зрителей. Так и живём.

Марси повалилась на кровать и закинула руки за голову.

— Не знаю, что обо мне думает сестра. Ухожу днём — возвращаюсь вечером, ухожу вечером — возвращаюсь утром. Нигде не работаю, но на что-то живу. Скорее всего, она считает меня шлюхой. В последнее время всё острее чувствую её презрение... Иногда думаю: «Как хорошо, что она бывает дома только полторы недели в месяц».

— Занятный человек, этот твой Мишель Поверфул, — сказал Бен. — Было бы интересно с ним познакомиться.

— Нет ничего проще, — отозвалась Марси и добавила, спохватившись: — Хотя теперь даже не знаю, просто или нет.

— Что так?

— Позавчера я получила от него записку, он не любит инфосеть. — Марси наморщила лоб, вспоминая. — «Моя миссия подошла к концу, и я вынужден попрощаться. Уверен, что ты сделаешь всё правильно. Если тебе когда-нибудь понадобится моя помощь, я знаю, как тебя найти».

— Странное послание.

Марси кивнула головой.

Бенджамиллю стало грустно и неловко. Делая вид, что наступила его очередь выглядывать во двор, он подошёл к окну и отогнул край шторы. Теперь их было семеро. Они уже не сидели на корточках, они не курили и не болтали, они, вставши в кружок, играли в умный мяч. Бенджамиль вспомнил, как сам играл во внутреннем дворе школы, только тогда становились звездой, а теперь кругом.

— Сидят? — поинтересовалась Марси.

— Играют, — сообщил Бен. — Седьмой откуда-то появился.

Марьям подошла сзади и тоже выглянула в окно. Бенджамиль захлестнуло злое отчаянье.

— Марси, — сказал он, — у тебя есть дома увесистая палка или обрезок трубы?

— Может, лучше всё — таки вызовем стопов? — предложила девушка.

При слове «стопы» Бенджамиль скривился, как от зубной боли.

— Нет уж, увольте, — пробормотал он. — Никаких мистеров Смитов.

— Знаешь! — Марси просияла. — А ведь я могу вывести тебя через помоечный ход!

— Какой такой помоечный ход? — улыбаясь, спросил Бен.

Марси с размаху хлопнула себя по лбу:

— Понимаешь, в нашем доме протянут старинный мусоропровод. Ну, такая толстенная труба. Ты, наверное, заметил её в подъезде. (Бен покачал головой.) Так вот, мусоропровод сломался в незапамятные времена. Даже местные старушки не помнят, чтобы он работал.

Все люки заварили. Но внизу, на первом этаже, есть комнатка, в которую должен валиться весь мусор, а из комнатки есть ход на улицу. Он с другой стороны дома, и ты сможешь свободно удрать. Помоечная комната заперта, но у меня есть ключ, вернее, я знаю, где лежит ключ. Ещё девчонкой нашла его под кирпичом в стене и никому не сказала. Какая же я молодец!

— Не тараторь так, — попросил Бенджамиль. — А если шпана выставила часового в подъезде?

— Ерунда! В подъезде торчать скучно. Стяни мне панцирь, Сейтон! Дай копье! И на коней! — продекламировала Марси. — Подожди две минуты, я оденусь!

— И всё-таки хорошо бы прихватить палку потяжелее, — крикнул Бенджамиль вслед девушке.

«Или нож», — подумал он, но представив, как входит в чей-то бок острый кусок железа и как горячая кровь брызгает прямо на его руку, сжимающую пластмассовую рукоятку, сразу отказался от этой мысли. Тем более, что не был уверен в том, что вообще сможет пустить нож в дело. Палка ещё куда ни шло.

Возбуждённый, переполненный злым азартом, от которого слегка дрожали пальцы рук, Бенджамиль натянул френч, ещё раз выглянул в окно и принялся мерить шагами комнату, сосредоточенно глядя себе под ноги. Кресло — кровать — окно — столик, столик — окно — кресло — кровать. Что-то блеснуло в сером ворсе напольного покрытия. Бен остановился, приглядываясь. Кусочек жёлтого стекла? Край монетки? Таинственная сверкающая драгоценность застряла между жёсткими ворсинками. Бенджамиль нагнулся и двумя пальцами вытащил из ворса маленькую золотую рыбку — верхнюю пуговицу от китайского платья Марси. Бенджамиль почесал макушку и в очередной раз сел на кровать. Относительный порядок в голове опять превратился в хаос... волна чуть вьющихся волос, смуглая кожа, внимательные, слегка раскосые глаза... Сон перемешался с явью. Бен покрутил головой, пытаясь отогнать наваждение. В этот момент в комнату заглянула Марси. На девушке был надет светло-зелёный плащ с пелериной, в руках она держала ножку от табурета.

— Пошли, — решительно сказала Марси. — Сейчас или никогда!

Похоже, ей самой понравилось, как она это сказала.

Бенджамиль следом за девушкой вышел из спальни. В прихожей возле входной двери Марси вручила ему импровизированное оружие. Ножка оказалась довольно увесистой. Конусообразно сужающийся к основанию тавр из светлого металла с пластмассовой нахлобучкой на конце удобно лёг в ладонь.

— Пока держи наготове, потом спрячешь в рукав, — деловито распорядилась Марси.

Она внимательно осмотрела Бенджамиля с ног до головы, словно бы проверяя его экипировку, потом задумчиво спросила:

— И всё — так интересно было бы знать, отчего они на тебя так взъелись? О чём вы говорили?

— Да почти ни о чём. — Бен пожал плечами. — Сначала они спросили, сколько времени, потом похвалили мою причёску, потом сказали, что хотят забрать мои ботинки.

— Так и сказали? — усомнилась Марьям.

— Ну да! Тот, в длинном сюртуке, сказал: «Натопы хафай, отпуда мне». А я сказал им, что у меня здесь друзья и что ботинки я им не отдам.

— На трэче сказал?!

— Ну да.

— Ты трэч понимаешь?

— Естественно. Я же переводчик.

— Во дела! — сказала Марси почти весело. — Теперь я понимаю, отчего они за тобой гнались и почему они до сих пор караулят тебя во дворе.

— Отчего? — спросил недоумевающий Бен.

— Всё просто! Они приняли тебя за крысу, за стоповского шпиона, — объяснила

Марси, — потому что у тебя карманов много.

Она взялась за накладной карман френча и резко дёрнула вниз. Карман оторвался наполовину и повис на нитках.

— Ты чего?! — Ошарашенный Бенджамиль отступил на шаг. — Что это значит?

— Это значит, что карманы с куртки надо спороть! — терпеливо объясняла Марси, пытаясь ухватиться за второй карман.

— Зачем?! — возопил Бен, пытаясь уберечь свою одежду.

— Затем, что ты говорил на трэче, а одет как циви. Трэчеры карманов на куртках не носят, накладные отрывают, а врезные зашивают. А ты трэкать умеешь, но одет не по моде. Значит, ты кто?

— Крыса? — догадался Бенджамиль.

— Крыса, — подтвердила Марси, дорывая надорванный карман.

— Но ведь агент, работающий на стонов, не прокололся бы на подобной ерунде, — задумчиво сказал Бен.

— Ага! — Марси радостно оборвала второй карман и бросила на пол. — Только они логическими рассуждениями себя затруднять не привыкли. Крысу нужно сначала прибить, а уж потом разбираться.

С нагрудным карманом пришлось повозиться. Но наконец оторвали и его. Марси обобрала торчащие нитки, ещё раз оглядела Бенджамиля и сказала:

— Теперь ты выглядишь почти как местный, только на трэче лучше ничего не говори. Ты готов?

Бен кивнул.

— Тогда вперёд?!

Девушка нажала рукой на панель замка, и Бенджамиль, крепко сжав в кулаке ножку от табурета, шагнул в полутёмный подъезд.

Глава 12

На самой границе серо-зелёного сектора Бенджамиль в сотый раз сказал Марси, что ей пора возвращаться. Девушка вздохнула и согласилась. Они остановились в пустынном дворе между несколькими старыми тополями и проржавевшим остовом детских качелей.

— Детали твоей кухонной мебели, — сказал Бен, вытягивая металлическую ножку из рукава френча.

— Хлам. — Марси равнодушно потрогала ножку пальцем. — Она не откручивалась, и я наступила на неё ногой, сиденье треснуло... в общем, теперь это можно выбросить.

— Что ж, она честно исполнила свой долг. — Бен попытался улыбнуться.

— Давай постоим так парочку минут, — попросила девушка.

Бенджамиль кивнул. Они помолчали немножко, потом Марси призналась:

— Жутко не хочется с тобой расставаться.

— А кто сказал, что мы расстаёмся? — Бенджамиль сглотнул комок. — Мы увидимся. Очень скоро увидимся. Аутсайд — это ведь не Сибирь и не Америка, подумаешь...

— Я знаю, что увидимся, — подтвердила Марси. — Не очень скоро, но зато непременно.

Девушка улыбнулась, хотя в уголках её глаз набухали слезинки.

— Я позвоню тебе завтра или лучше сегодня вечером. Какой у тебя номер?

Бенджамиль растерянно коснулся пластыря на ухе, и Марси всплеснула руками:

— Вот дурёха! Тогда запомни мой номер. Или нет, давай я запишу!

Она быстро огляделась по сторонам и, не найдя ничего подходящего, засунула руки в карманы плаща. Лицо её просияло:

— Есть!

Она извлекла из плаща маленькую, размером чуть больше ладони, книгу в твёрдом, расслоённом на углах переплёте. Развернув книгу, она ловким движением аккуратно и

безжалостно вырвала один из первых листков. Маленьким косметическим карандашом для губ Марси написала на нем несколько цифр, свернула страницу в четыре раза и протянула Мэю.

— Карандаш стойкий, он не сотрется и не размажется, — очень серьезно сказала девушка. — Только, пожалуйста, не потеряй.

Бенджамиль бережно спрятал листок в карман брюк.

— Слушай, — сказал он осторожно. — Когда я был без сознания, мне снился сон...

— И что же ты видел? — Глаза девушки блеснули из-под ресниц.

— Тебя, — пробормотал Бенджамиль. — Это трудно объяснить... У меня такое странное чувство, будто я знаю тебя давным-давно и будто мы близки, очень близки.

— У меня такое же чувство, — сказала Марси. — Я даже уверена в том, что знаю тебя.

— Откуда? — изумился Бенджамиль.

— Я тоже видела тебя во сне.

Бенджамиль открыл было рот, чтобы задать вертевшийся на языке вопрос, но Марси вдруг вскинула руку, указывая на дерево.

— Смотри! — воскликнула она. — Мусорная птичка! Какая красивая! Я их с детства не видела.

Бенджамиль, умолкнув на полуслове, повернулся в указанном направлении. На ветке тополя действительно сидел воробей, крупный, гладкий, совершенно необычный воробей с ярко-красной грудкой. «Наверное, старая модификация», — удивленно подумал Бен.

— Это хороший знак! — убежденно сказала Марси. — Мусорная птичка приносит счастье.

Девушка поймала руками отвороты Бенова френча и вытянулась вверх. На несколько секунд её губы нежно и страстно прижались к губам Бенджамиле. Потом она отпрянула, развернулась и быстро пошла прочь. Некоторое время Бенджамиль смотрел вслед удаляющейся фигурке, потом вздохнул, нащупал в правом кармане листочек с номером телефона и зашагал туда, где, по разъяснениям Марси, находилась станция тубвея.

Чем ближе к Сити, тем уже сектор. Теперь Бенджамиль знал, что действующая трасса тубвея проходит по границе зелено-лимонного с лимонно-розовым. Незадачливому путешественнику предстояло пересечь десять, ну, может быть, двенадцать кварталов, чтобы наконец увидеть опоры возделенной трубы. И он размеренно шагал вперед по неширокой сегментарной улице, целиком поглощенный мыслями о Марси.

Иногда он выныривал из состояния лёгкой прострации и строго говорил себе: «Осторожнее, Бен, ты ещё не дома! Смотри в оба, Бен». Пару раз он спрашивал дорогу у случайных прохожих, которых становилось всё больше, и каждый раз с облегчением убеждался, что идёт в верном направлении.

Он собирался перейти на правую сторону улицы, когда прямо перед ним, шаркнув шинами, остановился подержанный жёлтый электромобиль марки «граунд» с открытым верхом. Водитель — крупный, обритый наголо мужчина в расстёгнутой куртке и раскрытой на груди полосатой рубашке — помахал рукой, пытаясь привлечь внимание Бена. Лицо здоровяка лучилось приветливой улыбкой, светлые пуговицы глаз глядели внимательно и добродушно.

— Здорово, приятель! Как поживаешь? — Мужчина вытащил из нагрудного кармана пачку сигарет. — Куда направляешься?

— На станцию, — механически ответил Бен. — А мы с вами знакомы?

— А то как же! — жизнерадостно отозвался мужчина, прикуривая от встроенной в коробку зажигалки. — Сегодня утром виделись.

Бенджамиль почти сразу вспомнил подъезд Джозефа Шестерни и узнал кофейно-чашечный нос в красных прожилках.

— Садись, подвезу! — Бритый гостеприимно приоткрыл дверцу.

— Спасибо, я пешком, — осторожно сказал Бенджамиль. — Не стоит беспокоиться.

— Чего там! Мне всё одно в ту сторону, садись! — Мужчина в упор уставился на Мэя.

— Спасибо, но я собирался пройти пешком. — Бенджамиль начал поворачиваться, чтобы обойти машину кругом, и увидел ствол большого автоматического пистолета, направленный ему в живот.

К своему удивлению, Бен почти не испугался. Вернее, испугался, но не сердцем и не животом, а, если так можно сказать, головой. Он отчётливо видел маленькое и зловещее отверстие на конце ствольной коробки, видел сильный, уверенный палец, чуть прижимавший спусковой крючок. Он с ужасающей ясностью понимал, что этот не очень страшный на вид кусок металла и пластика может изрыгнуть сгусток огня, который в один момент разорвёт внутренности Бенджамиля Френсиса Мэя, сломает его ребра, раздробит позвоночник. Зачем? Да кто же знает зачем?

— Садись, придурок! — ласково сказал здоровяк.

Беспомощно оглядевшись по сторонам, Мэй полез на сиденье.

— Пристегнись крест-накрест! — скомандовал похититель, правой рукой продолжая направлять на Бена пистолет, а левой ловко ощупывая его френч.

— Что вам от меня нужно, мистер? — взмолился Бен, пристёгиваясь ремнями безопасности. — Чем я обидел вас или ваших знакомых?

— Такой недоносок, как ты, физически не в состоянии обидеть Джолли Блэйда, — назидательно сказал бритый. — Джолли Блэйд — это я. Можешь называть меня мистер Блэйд или попросту Джолли. Что ж до знакомых... А ну-ка покажи свои носки!

Недоумевающий Бенджамиль потянул вверх обе брючины.

— Хорошо, — удовлетворённо заявил здоровяк, пряча пистолет за отворот куртки. — Тебя про имя не спрашиваю, всё равно соврёшь. Вытряхивай, что есть в карманах.

— Почему совру? — пробормотал Бенджамиль.

Он неохотно вытащил из правого кармана свёрнутый вчетверо листок с телефоном Марси, а из левого — купюру в двадцать пять марок, которую девушка чуть не насильно всучила ему, на тот случай, если на станции не будет работать банкомат. Деньги мистер Блэйд тут же забрал, а листок, к великому облегчению Бенджамиля, даже не разворачивая, вернул обратно.

— Потому соврёшь, — объяснил Джолли Блэйд, — что сущность твоя такая.

Его «граунд» утробно зажужжал и тронулся по сегментарной улице, удаляясь от вожделенного стыка секторов. Злой и напуганный Бенджамиль смотрел на проезжающие мимо дома. В его голове теснились самые невероятные предположения и планы собственного спасения. Он уже начал тайком ощупывать правую застёжку ремённого перекрестья, прикидывая, сможет ли достаточно быстро отстегнуть ремни и выпрыгнуть из машины. Но мистер Блэйд был начеку.

— Оставь в покое ремень, недоносок, — сказал он, не отрываясь от дороги. — Всё ровно я заблокировал замки. На-ка лучше вот это!

Он сунул руку в просторный бардачок, и к Бену на колени упала небольшая плоская коробка.

— Прижми лапу к этой штуковине, поддержи полминуты и давай сюда!

— Это идентификатор? — внутренне холодея, спросил Бен.

— Точно, — подтвердил здоровяк, — наблюдательный, сукин сын.

— А вы, наверное, полистоп?

— Пальцем в небо, — сказал Блэйд.

Он оттянул в сторону левый отворот куртки и развернулся так, чтобы Бенджамиль мог видеть. На светлой, слегка засаленной подкладке был приколот большой значок с номером корпоративной лицензии, каким-то текстом и маленькой эмблемой охраны правопорядка.

— Видал? — Блэйд запахнул куртку. — Я вольный охотник. Ловлю уродов вроде тебя, сдаю стопам и получаю за это свои марки.

— Но я не сделал ничего плохого! — взмолился Бен. — Никого не ограбил, ничего не украл, ничего не нарушил!

Джолли Блэйд от души расхохотался и, быстро оглядев Бенджамилля увлажнившимися счастливыми глазками, сказал:

— Против тебя, парень, я не имею никаких конкретных обид. По мне, убей ты хоть полбуфера. Но коли уж попался в руки старины Блэйда — он продаст тебя стопам со всеми твоими кишками-потрохами. Чистый бизнес. И ничего кроме.

— Но я действительно не преступник! — Слабая надежда избежать сканирования ещё теплилась в душе Бена. — Я честный служащий корпорации. Я работаю в «Счастливом Шульце». Я...

— Хватит болтать, — добродушно перебил вольный охотник. — К Шестерне такие, как ты, ходят за одним и тем же, а незаконное удаление клеща преследуется по закону. Прижимай лапу! Сейчас мы узнаем, что ты за птица.

Приготовившись к самому худшему, Бенджамиль прижал ладонь к влажной податливой поверхности.

— И держи, — строго сказал Блэйд.

Секунд через тридцать в идентификаторе что-то щёлкнуло и прибор отрапортовал звучным механическим баритоном:

— Мэй Бенджамиль Френсис! Тридцать два года. Служащий корпорации. Состоит штатным переводчиком в экспортном отделе компании «Счастливый Шульц». К уголовной ответственности не привлекался. В уголовных процессах не участвовал. Приводов в участки охраны правопорядка не имеет. Интересует ли вас социальные штрафы, гражданские иски, Место жительства и семейное положение? Если да, то нажмите...

— А ну-ка дай сюда аппарат, — сказал Джолли Блэйд, останавливая машину.

Он перевернул идентификатор и, старательно шевеля губами, принялся считывать информацию с экрана на задней панели. Дочитав до конца, сердито закинул прибор в бардачок и хмуро уставился на Мэя.

— Вот видите, я честный гражданин, — сказал Бенджамиль робко.

— Ни хрена я ещё не вижу, — сердито проговорил мистер Блэйд. — Может, базы, надо обновить, а может, ты с пятьдесят второго, горелого? Там вчера полздания разнесло. Какой-то психованный манкидрессер бомбу взорвал.

— Я ничего не знаю ни о какой бомбе. — Бен изо всех сил старался, чтобы его голос звучал убедительно.

— А что ты у Шестерни делал в девять утра?!

— Я с приятелем был, даже не с приятелем, а так, со знакомым... едва знакомым!

— Знакомым, незнакомым, — Блэйд хмыкнул и через борт машины смачно плюнул на асфальт, — это пусть в участке разбираются. И базы у них там новее. А то что же, выходит, зазря тебя целый час по буферу катаю?

Бенджамиль хотел сказать, что они ещё и десяти минут не едут, но тут ему в голову пришла одна весьма рискованная, хотя и обнадеживающая мысль.

— Джолли, — сказал он проникновенно, — сколько вам дают за пойманного нарушителя?

— А твоё какое дело? — подозрительно спросил охотник. — Откупиться от меня хочешь?

— Мне срочно надо попасть в «воротничок». — Бенджамиль изобразил на лице жесточайшую скорбь. — Дело жизни и смерти. Надо позарез. В участке меня всё равно отпустят, но там я, как пить дать, потеряю час или два, тогда пиши пропало. А если я заплачу вам, так вы меня ещё, глядишь, до трубы подвезёте. Ну, что? По рукам?

Бен слегка ошалел от собственной наглости.

Джолли, казалось, что-то прикидывал в уме, почёсывая пальцами бакенбарду и внимательно рассматривая своего пленника весёлыми хитрыми глазками. Так антиквар смотрит на принесённую ему старинную безделушку.

— Пятнадцать! — наконец изрёк он. — Пятнадцать тысяч!

Бенджамиль посидел с полминуты, симулируя сосредоточенную борьбу с жадностью,

потом сказал, что согласен. Блэйд подал напряжение на двигатель и, негромко мурлыкая себе под нос, повёл машину в том же направлении, что и раньше.

— А разве мы не на станцию. — осторожно спросил Бен, оглядываясь через плечо.

— Нет, — отозвался Блэйд, пожимая плечами. — На станции по выходным банкомат отключают, а здесь недалеко есть супермаркет, там можно получить любую сумму.

Супермаркет занимал весь первый этаж обшарпанной серой десятиэтажки. По местным размахам он, пожалуй, оправдывал приставку «супер», хоть и был окружён старыми облупленными домами, весьма смахивающими на трущобы.

Джолли Блэйд поставил «граунд» на краю парковки, отстегнул ремни безопасности, вытащил Бена из машины и, крепко ухватив своего пленника повыше локтя, повёл его к большой вращающейся двери из бронированного стекла. Лицо охотника за нарушителями правопорядка не выражало ничего, кроме добродушной самоуверенности, но Бенджамиль всем нутром чувствовал, как Блэйду не терпится заполучить обещанные деньги.

В дверях Блэйд не захотел выпускать рукав Бенова френча, и, несмотря на ширину проёма, паре мужчин пришлось неловко проталкиваться через вертушку. Бенджамиль втайне надеялся, что их неуклюжие коллизии не останутся без внимания. Так оно и получилось: охранник в стоповском дефендере старого образца сразу заметил, что крупный мужчина тащит своего спутника с бесцеремонной агрессивностью механического бульдога. Более того, он даже поймал умоляющий взгляд Бена, но, скользнув взглядом по носу в красных прожилках да по острым серпам бакенбард, лишь поправил шекер-автомат и равнодушно отвернулся. Либо он знал Джолли, либо не считал нужным вмешиваться в чужие дела.

Дверь-вертушка осталась позади, и Блэйд, не снижая темпа, зашагал через торговый зал. Увлекаемый этим торнадо алчности и напора, Бенджамиль неудержимо нёсся мимо зарешеченных витрин, мимо ящиков с пищевыми упаковками, мимо цветных стеллажей. Девочки с огромными животами, стайкой щебетавшие у прилавка, разом оборотили ему вслед глупенькие любопытные лица. Шарахнулась в сторону женщина с тележкой. Звякнуло что-то под ногами, и Бенджамиль едва не ударился о стальную колонну банкомата.

— Давай, — сказал охотник, выпуская его рукав и легонько подталкивая в спину. — Пятнадцать, как договаривались.

Бенджамиль вставил в отверстие сканера мизинец и слегка подался вперёд, чтобы без задержки указать сумму. Банкомат натужно мигнул, на бежевом экране загорелись буквы. Но вместо надписей «Счет активирован. Сколько наличных желаете получить? Какие счета и услуги желаете оплатить?» Бен с изумлением прочёл: «Счёт заблокирован до вынесения судом вердикта относительно расторжения брачного контракта. По всем вопросам обращаться к мистеру Аязу Йоргу».

— И как это понимать? — произнёс над самым ухом зловещий голос.

— Какая-то ошибка, — сказал Бен севшим голосом, вынул палец из отверстия и вставил опять.

Экран мигнул, но надпись осталась прежней. «Теперь мне крышка», — отрешённо подумал Бен.

Жёсткие, словно деревяшка, пальцы вторично сомкнулись на его рукаве.

— Сукин сын! — шипел Блэйд, почти волоча Бенджамиля к выходу. — Сукин сын! Недоносок! Я покажу тебе, как дурачить Джолли Блэйда! Да меня тут каждая крыса боится пуще смерти. Ни один снайпер, ни один трэчер не смеет мне слово сказать поперёк. А ты глумиться вздумал?! Я проучу тебя, сукин сын! Я внакладе не останусь. Я продам твои вонючие почки-печёнки черным санитарам вроде Джозефа Шестерни. Узнаешь, как шутить с Джолли Блэйдом!

«Помогите!» — хотелось заорать Бенджамиллю, но его душил воротничок френча.

Они вылетели на улицу, едва не снеся бронированную дверь-вертушку. Блэйд обернул налитое кровью лицо к своей машине, и ругательства застряли у него в горле. Джолли только

тихо зарычал и, волоча за собой полузадушенного Бена, ринулся к электромобилю.

Совсем молодой парнишка в забавном костюме, перегнувшись через дверку «граунда», увлечённо выламывал что-то из приборной панели. Видно, Блэйд забыл включить сигнализацию, а может, парень умудрился её деактивировать. Как бы то ни было, но чаша терпения вольного охотника переполнилась. Воришка же, заметив рычащего Блэйда, нисколько не стусевался. Он выдернул из салона какой-то прибор, нелепо подпрыгнул на месте и кинулся наутёк, прижимая к животу добычу.

Крикнув: «Встанешь — убью!» — Джолли стряхнул Бенджамилля на асфальт и, выдёргивая из кобуры пистолет, кинулся следом за автомобильным потрошителем, который, странно видоизменяясь на бегу, отращивал гибкие суставчатые ноги.

Наблюдать за погоней, а тем более дожидаться возвращения Блэйда Бенджамилль не собирался. Он проворно вскочил на ноги и бросился к ближайшей группе старых кирпичных зданий. Уже на бегу он услышал один за другим два выстрела. Разбираться, в кого стреляют, в него или в паукообразного воришку, не было ни времени, ни желания. Бенджамилль лишь вжал голову в плечи и припустил что есть духу.

Квартал действительно оказался совсем старым и заброшенным: пустые провалы окон, осыпавшиеся карнизы, обвисшие секции водосточных труб. Бенджамилль бежал вдоль длинной оранжево-чёрной стены, изъеденной неведомой кирпичной болезнью. Он понимал, что на случай погони самое разумное — это попробовать спрятаться в лабиринте дворов и подворотен, но ему не повезло уже трижды. Арки оказались зарешеченными, а узкий проход между домами забит непроходимым затором из мусора. Бен только потерял темп и оборвал ногти. Можно было попытаться свернуть в один из подъездов, кто знает, вдруг там найдется помоечная комнатка со сквозным ходом? На худой конец имело смысл попробовать спрятаться в любом из парадных, но Бенджамилль панически боялся еще раз оказаться в западне.

Позади треснул выстрел. Теперь определенно стреляли в него. Бен мчался вперед, уже не чувствуя под собою ног. А впереди маячила широкая щель между двумя домами. Только бы повезло! Пуля выбила из стены облако кирпичной пыли. Бенджамилль на всем ходу нырнул в узкий проход, ударился плечом о противоположную стену и побежал по рукотворному каньону шириной в полтора метра. Оскользываясь, он перепрыгивал через горки мусора, но всякий раз умудрялся оставаться на ногах. Лишь в самом конце прохода ботинок за что-то зацепился, и Бен кубарем полетел по прелой листве. Он тут же вскочил и, прихрамывая, бросился назад. Там из стены дома, совсем невысоко над землёй, торчал кусок ржавой трубы. Бенджамилль уцепился за него двумя руками и потянул на себя. Труба неожиданно легко подалась. Бен качнул её вверх-вниз, и в его руках оказался обломок длиной около метра. Как раз то, что нужно! Перебравшись через мусорную кучу, что запирала выход из каменной расселины, Бенджамилль нырнул за неширокий пилон, прижался спиной к стене и затаил дыхание. Он слышал, как Джолли Блэйд носорожьей тушей ввалился в узкий проход и прёт по нему с хрустом и топаньем, цедя на бегу невнятные проклятья. Его хриплое одышливое сопение становилось всё отчётливей. Бенджамилль перехватил трубу поудобнее и, занеся её над правым плечом, принялся ждать, нервно покачиваясь на широко расставленных напружиненных ногах. Он знал, что должен ударить прежде, чем раздастся выстрел.

Топот и хруст на мгновение стихли, и почти сразу Блэйд, тяжело отдуваясь, полез на кучу гнилой листвы и каменного крошева. Бен, притаившийся за узким пилоном, видел, как из прохода появилась рука с пистолетом: Джолли Блэйд достиг вершины мусорной Килиманджаро и начал спускаться вниз.

Сердце Бенджамилля колотилось уже не в груди, а где-то в верхнем отделе пищевода. Кисти рук чувствовали литую тяжесть металла, ладони ощущали удобную шероховатость ржавчины, всё тело превратилось в готовую развернуться пружину. Он ждал одной только капельки удачи, малюсенького везения. И кто-то там, наверху, или в другом измерении снизошёл-таки до него своей милостью.

Нога Джолли Блэйда поехала по ненадёжному склону, и он на один-единственный миг потерял равновесие. В этот же самый момент Бенджамиль вывернулся из-за пилона и со всего размаху ударил Блэйда стальной трубой прямо в лицо. Он попал куда-то в переносье. Ослепший от боли Блэйд выронил пистолет и схватился руками за голову. Его швырнуло спиной на стену, но он, глухо зарывав, попытался броситься вперёд. И тогда Бен, страшно оскалившись, дважды ударил его трубой сверху. Он целил в голову, но попал в область шеи. Тем не менее Блэйд обмяк, завалился на бок и остался лежать на боку, подтянув к животу ноги.

Бен замахнулся ещё раз, но ударить лежащего человека по голове было выше его сил. Он отшвырнул кусок трубы в сторону и, нагнувшись, крикнул прямо во влажно блестящее красным лицо:

— Что, съел?! Получил свои деньги?! Продал мои почки?! Тварь! — Бен плюнул на ворот полосатой рубашки.

Джолли не подавал никаких признаков жизни, и это немного остудило воинственный пыл победителя. Он поискал среди мусора пистолет, нашёл его и принялся вытирать о подкладку френча. Он чувствовал себя пьяным и абсолютно бесстрашным.

— Прощай, вольный охотник, — сказал он, засовывая пистолет за брючный ремень. — Надеюсь, это твоя последняя жизнь и мы больше никогда не увидимся.

Глава 13

Что может быть проще, чем станция тубвея? Пучок серебристых артерий на решетчатых опорах, три десятка эскалаторов, выносящих потоки пассажиров на четыре уровня посадочных платформ, стопы в дефендерах, слип-дорожки, очереди к загрузочным консолям, раскрывающиеся двери таблеток. Услышь три дня назад, что поиск станции тубвея может вдруг сделаться для кого-то важной жизненной задачей, Бен смеялся бы как сумасшедший. Ведь что может быть проще, чем станция тубвея? Вы садитесь на инерпед, за десять минут доезжаете до самой близкой из станций, расположенных в округе, оставляете инерпед на стоянке, дожидаетесь свободной таблетки и едете куда душе заблагорассудится. Не хотите ехать до станции на инерпедке? Тогда вызывайте такси, если, конечно, не жалко денег. А можно просто пройти пешком — полчаса, проведённые на свежем воздухе, особенно приятны вечером в пятницу.

«Поглядеть со стороны, так получается страшно забавно, — думал Бен, подходя к очередному перекрёстку. — Живёшь всю жизнь, ничего не зная об окружающем тебя мире. Дом — школа, дом — универсам, дом — работа, дом — работа — универсам, дом — универсам — крематорий, крематорий — соевые плантации. Даже если ты накопишь денег и съездишь в Арабские Штаты, то всё равно будешь крутиться между туристическим маршрутом, пляжем и гостиничным рестораном. Бежишь по проторённой дорожке, и нет возможности выбраться из этой вселенской определённости. Больше того, нет самого желания куда-то выбираться. Ведь, двигаясь внутри своего канала, ты не видишь ничего, кроме стенок и узкого хода. Ты можешь бежать вперёд, можешь бежать назад, можешь изредка сворачивать в боковые коридоры, в те, что просверлены строителем твоего лабиринта. Кто-то уже решил за тебя, куда можно ездить, с кем нужно дружить, с кем общаться, кого любить, кого ненавидеть, словно вырезал кусочек огромного пирога и дал тебе в руки. На! Ешь! Питайся! А ты? Ты, человек определённого роста и телосложения? Быть может, ты хотел бы совсем другой кусок, вон тот, который с краю? А может, ты и не голоден вовсе? А может, ты втайне мечтаешь сам испечь пирог по своему вкусу? Но ты берёшь протянутый тебе кусок и начинаешь молча жевать. Ведь за широкой спиной Великого Кулинара ты не видишь остального пирога. Ты вообще ни хрена не видишь, кроме своего кусочка. Вокруг темнота. Ты похож на куколку насекомого. Желаете шевелить лапками? Пожалуйста! Но только в пределах кокона, прикреплённого к веточке акации. Только что это?! Трах! Бах! Твой кокон отрывается от веточки и летит вверх тормашками к

чертям собачьим! Кокон пролетает места, о существовании которых ты даже не подозревал, кокон встречается с людьми, которых ты не встретил бы никогда в жизни, кокон натывается на ветки колючих кустов, переплывает лужи, бьётся об углы огромных зданий. Личинка сидит внутри, ни жива ни мертва от страха, а кокон между тем покрывается разломами, прорехами, трещинами. Быть может, об этом вёл речь гнилозубый хаджмувер Мучи, бывший приятель Господа Бога? Быть может, в этом и есть смысл паломничества? Чтобы вырвать человека из его ватной глухой норки? Пусть с мясом, с кровью, с корнями вырвать. Чтобы швырнуть его в неизведанный мир, как в открытое море? Чтобы он, слепо-глухо-немой паралитик, узнал, наконец, настоящую боль, настоящий страх, настоящую горечь и настоящую сладость? Чтобы вкусил в полной мере настоящего счастья, свободы, любви и надежды? Чтобы скорлупа его кокона развалилась на части и на свет родился... Кто?.. Ангел? Бог? Человек? Шоковая инициация... — Бенджамиль усмехнулся. — Опять же, если разобраться, то Мучи ушёл странствовать по своей воле. А я? По воле мастера Ху-Ху? Или у каждого своя дорога? Быть может, трещинки в коконе Мучи появились задолго до того, как он ушёл из дома, а в моем — только сейчас. Какое нехорошее слово: „ушёл“. „Вернулся“ звучит гораздо лучше. Это похоже на „верить“ или „верный“. И что же случилось теперь с трещинками в коконе Мучи? Как-то не похож он ни на бога, ни на ангела. Может, они затянулись? Заросли, будто шрам на ухе? И что станет с моими трещинками, с моим коконом? Где окажусь я? Где я хочу оказаться?»

«Всё просто! Ты хочешь оказаться на станции тубвея», — произнёс насмешливый голос в голове у Бенджамилля.

— И что же? — спросил Бен. — Ведь мне нужно вернуться домой.

«А в самом деле, — озадаченно подумал Бен. — Я дойду до станции, сяду в таблетку, пока неизвестно, на какие шиши, но сяду. И что дальше? Вечером я буду в аутсайде. Утром поеду на работу, и первым делом меня встретит привинченный к стулу мастер Краус с лысиной, покрытой увядшими за выходные цветочками. И я скажу: „Здравствуйте, мастер Краус. Как провела выходные ваша драгоценная евроидная задница?“ А в двенадцать меня вызовет начальник, и в приёмной я скажу Соломону Шамсу (сам Ху-Ху до беседы со мной, конечно, не опустится), я скажу: „Соломончик, передайте жирному мастеру Ху, что я провёл чудесные выходные в буфере. Не желает ли мастер в другой раз составить мне компанию? Можно мило убить время!“ В половине седьмого я отправлюсь домой, чтобы разогреть пакетированный ужин и до ночи переставлять на полках антикварные вещицы. В субботу или раньше со мной свяжется адвокат бывшей супруги, чтобы определить, сколько я должен Ирэн за нарушение гостевого контракта. Дом — работа — универсам. Господи! Я просто сойду с ума!»

«Не сойдёшь, — успокоил голос. — Порез со временем затянется, а новый телефон вставят в другое ухо».

— Но я не хочу! — в отчаянии почти закричал Бен. — Я не хочу становиться таким, как прежде!

«Стань новым», — вкрадчиво предложил голос.

— Кем же я могу стать здесь? Батоном, который питается отбросами и живёт в старой канализации? А Марси?! — Бенджамиль зацепился за спасительную соломинку этой мысли. — Я не смогу увезти Марси в аутсайд, если сам останусь здесь! Я не смогу увезти Марси, если потеряю то, что имею там.

«А нужно ли Марси то, что есть в аутсайде?»

— Я не знаю, — признался Бенджамиль, — не знаю... Но что, если я сначала доберусь до дома, а уж потом буду решать? Разве нельзя начать оттуда, где кончил?

«Кончил?.. — эхом отозвался голос. — Не знаю... Решать тебе».

— Хотел бы я быть уверенным, что мои решения и в самом деле что-то значат, — пробормотал Бен.

Ответом ему послужило молчание.

«Как бы там ни было, но я хочу выйти к трубе, — подумал Мэй. — А там уж

посмотрим». Он остановился и покрутил головой, пытаясь стряхнуть наваждение.

Этот перекрёсток выглядел совершенно бестолковым. Хотя в старой части чёрного буфера подобные перекрёстки встречались на каждом шагу. Не разберёшь, какие улицы можно считать радиальными, а какие — сегментарными. С минуту Бенджамиль стоял, беспомощно озираясь. Потом плюнул на тротуар, потрогал рукоять пистолета под френчем и полез за пазуху.

— Я только спрошу совета, — объяснил он полированному диску. — А решение приму сам. — И, шесть раз сжав пальцы, прочёл на дисплее услужливо всплывшие строчки:

Стоя на месте, травой порастёшь,
Ползая кругом, колени собьёшь,
Лишь прямо шагая, обрыщешь дорогу,
Пустыню минуешь и дом обретёшь.

— Спасибо. — Бен почесал макушку. — Можно и прямо.

До этого он собирался повернуть направо, именно там, как ему казалось, проходила трасса. Тем не менее Бен перешёл проезжую часть и, никуда не сворачивая, решительно двинулся в глубь квартала, хотя в душе у него робко шевелились невнятные сомнения.

Никаких прохожих навстречу не попадалось, и Бен топал вперёд, зорко поглядывая по сторонам. Неширокая улочка, делая плавный изгиб, обегала длинный четырёхэтажный дом. Штукатурка на фасаде потрескалась и облупилась, но здание имело весьма обжитой вид. В одном из оконных проёмов, на втором этаже, Бен заметил старушечье лицо, которое быстро отодвинулось и исчезло в темной глубине комнаты. «Сиеста», — бодро подумал Бен. Он обогнул дом и на мгновение остановился.

Его глазами открылась просторная площадь, вымощенная светло-жёлтой плиткой. Несколько улиц и улочек с разных сторон вливались в неё, будто в круглое песчаное озеро. Чаша фонтана с невысоким осыпавшимся бортиком точно очерчивала место воображаемого пересечения шести или семи асфальтовых речек. Из разбитой центральной части, изображавшей какое-то животное, вызывающе торчало вверх несколько ржавых трубок. Бенджамиль никогда не видел ни одного фонтана, кроме как в старом плоскостном кино, но он сразу догадался, что это именно фонтан.

Совсем рядом с треснутой чашей стояли кружком несколько парней в разноцветных френчах. На секунду у Бенджамиля возникло искушение быстро свернуть с дороги и попробовать обойти компанию кругом, от греха подальше, но что-то вдруг щёлкнуло в Беновой голове, и он, засунув руки в карманы брюк, решительно двинулся вперёд, стараясь держаться прямо и выглядеть независимо. «Про дорогу я их, конечно, спрашивать не буду, — думал он на ходу, — просто пройду мимо. Что я, обязался по задворкам бегать?» Он украдкой, сквозь карман брюк, прикоснулся к стволу пистолета. Ствол был надёжным, округло-твёрдым, от него исходило ощущение веса и значимости.

Между тем Бенджамиля уже заметили. Несколько голов обернулось в его сторону. Бен подошёл уже достаточно близко, чтобы своим стопроцентным зрением заметить отсутствие карманов на френчах. «А ведь у них тоже могут оказаться пистолеты, засунутые за пояс брюк», — пронеслась в голове запоздалая мысль. Но сворачивать было поздно, и Бен шёл вперёд, раздумывая, сплюнуть ему на светло-жёлтую плитку или лучше не стоит. Чем ближе он подходил, тем отчётливее видел, что между шестерыми парнями стоит мужчина лет тридцати, примерно ровесник Бену. Беспомощно как-то стоит. Вроде стройный и широкоплечий, а стоит жалко ссутулившись, и голову склонил набок, испуганно зыркает по сторонам в поисках защиты. Ну конечно же! Эти типы хотят обобрать его, как мальчишки хотели обобрать Бена в подворотне! А может, даже убить! Бенджамиль почти физически чувствовал исходивший от мужчины страх и злое отчаяние. «Теперь я как и Марси, тоже чувствую чужие эмоции? — подумал Бен. — И что мне прикажете делать дальше?»

— Эй! Халай, кариб, — окликнул Бена высокий парень со свёрнутым набок носом.

— Халай, халай, — отозвался Бен, стараясь произносить слова ровнее.

Обмен приветствиями состоялся. Шесть пар глаз изучали Бена внимательно, без враждебности, но, однако же, и без какой-либо приязни. Чернявый, коротко стриженный мужчина в центре кружка на Бенджамиле почти не смотрел. Его слегка аффектозный взгляд блуждал по ботинкам окружавших его трэчеров.

— Где ле кружало, кариб? Офтако я намти не сика хум (Откуда ты, брат? Что-то я тебя раньше не видел), — продолжал сломанный нос, испытующе глядя на Бена.

— Я из серо-зелёного, — не моргнув глазом, ответил Бен на трэче. — Живу там. А здесь свои дела делаю.

— Почти соседи, — сказал парень с узким острым лицом. — Выговор у тебя забавный, как будто не местный. — Его маленькие глазки так и сверлили Бена.

— Понятно, что забавный, — сказал Бен, сплёвывая под ноги. — Я раньше в бело-оранжевом толкался, порезал там одного урода, пришлось сюда перебраться. У меня в серо-зелёном брат по отцу. Оклемаюсь пока, а там видно будет, может, здесь пропишусь.

Слова сами собой лились из Бена. Он даже не ожидал, что сможет так ловко и складно врать.

— Как звать-то брата? — спросил свёрнутый нос.

— Буццей кличут, — моментально отозвался Бен, удивляясь себе всё больше и больше. Узколиций вопросительно оглянулся на товарищей.

— Вроде есть у Халида кто-то с такой тарантайкой, — отозвался один из парней.

— А чё в нашем секторе шарить? — почти дружелюбно спросил свёрнутый нос. — У нас с Халидом соглашение.

— Я в соглашение врубаюсь, — рассудительно сказал Бен. — Я здесь по своим делам. Перетереть кое с кем надо. По секрету.

— Мы в чужие секреты не лезем, — сказал свёрнутый нос. — Своих хватает.

Все засмеялись.

— А это кто у вас? — спросил Бен, подходя вплотную и указывая на чернявого. — Рыло вроде знакомое.

— Да вот, хотим спросить, — отозвался узколиций, — а он мекает, бекает, на рот себе пальцами тычет. Видать, язык плохо шевелится. Видать, придётся подрезать, чтобы болтался ловчее.

Бенджамиль прищурился, делая вид, будто всматривается, потом ткнул в чернявого пальцем и радостно заявил:

— Точно! Я его знаю! Он в двадцатке живёт у одной тётки. Он немой, слышит плохо и немного того... — Бенджамиль на миг замялся, вспоминая слово, — не в себе.

Слово звучало как «ухлой», оно означало глупый, Бен никак не мог вспомнить, как сказать «недоразвитый». Но «ухлая» хватило. Все опять засмеялись.

— Глупый! — веселился свёрнутый нос. — Да он же просто дебил!

— Натури тапак (Действительно дебил)! — сквозь смех подтвердил Бен. — Мамэ шу ши, вальком (Видно, от мамки удрал).

— Хэй! Тапак! — заорал один из парней прямо в ухо чернявому.

Тот даже не вздрогнул, только недоуменно заморгал глазами.

— Вот что, — сказал Бен, когда веселье немного утихло. — Дурак он, там, или не дурак, а, пока его мать вносит квартплату за двоих, Халид доволен. Я думаю, его надо отвести назад.

— Кто ж с ним будет возиться? — подозрительно спросил свёрнутый нос. — Мне в серо-зелёный топач не канает.

— А мне ещё дела надо сделать, — сказал Бен.

— Нет, по правде, — вмешался в разговор узколиций. — Ты, братан, Халидов трэчер, тебе этого идиота и конвоировать.

«Черт! — подумал Бен, оглядываясь на чернявого. — А вдруг он и вправду дурачок?

Что я с ним буду делать?» Но отступать было поздно и некуда. «Потом что-нибудь придумаю», — решил про себя Бен. Он с сомнением посмотрел на узколицего, потом на идиота.

— Ладно, — сказал Бен, — ничего не попишешь, придётся порадеть за Халидово имущество. Пошли к мамке, недоделанный.

Он ухватил чернявого за рукав куртки и потянул за собой. Тот не сопротивлялся.

— Веселись, серо-зелёный! — сказал, ухмыляясь, тип со свёрнутым носом.

— И тебе, братан, хорошего настроения, — отозвался Бен, тихо радуясь тому, что знает, как принято здороваться и прощаться в чёрном буфере.

Придерживая за рукав своего расслабленного подопечного, Бенджамиль успел сделать всего десяток шагов, когда его окликнули:

— Эй! Брат!

Бен обернулся.

— Как там у Поршня дела? — Узколицый смотрел внимательно и остро. — Давненько его не видел.

— Поршень вчера копыто сломал, — сказал Бен, чувствуя себя победителем. — А так нормально.

Спутник Бенджамилля действительно производил впечатление тихого идиота. Он плелся за своим спасителем, не поднимая головы и негромко сопя полуоткрытым ртом. Но когда площадь осталась далеко позади, надёжно скрытая домами, а Бенджамиль уже начал всерьёз раздумывать, куда девать дурачка, сопение прекратилось. Неожиданно натянулась под пальцами ткань рукава чужой куртки, и Бен быстро обернулся. На него внимательно смотрела пара широко расставленных решительных глаз. Лжепридурок теперь выпрямился и оказался такого же роста, как Бен. Симпатичное открытое лицо, небольшой, но твёрдый подбородок, коротко стриженные черные волосы. И глаза. Самой примечательной деталью этого лица были глаза, чётко очерченные, словно бы обведённые угольно-чёрной полоской коротких ресниц, они не смотрели, а пробивали, простреливали насквозь весёлым бешенством. У идиота не могло быть таких глаз. Теперь Бенджамиль понял, отчего там, возле фонтана, этот человек так упорно смотрел себе под ноги, понял и с беспокойством оглянулся назад.

— Не бойся, они за нами не пойдут, — с едва уловимым акцентом сказал новый знакомый, голос у него оказался довольно высокий и звонкий, с хрипотцой. — Паршивые недоумки, ничего дальше носа не видят! — Он засмеялся. — Меня зовут Максуд, и теперь я вроде как у тебя в долгу.

Бенджамиль смущённо пожал плечами.

— Да я ничего особенного и не сделал, — сказал он, соображая, как обращаться к новому знакомому. — Просто самому случалось попадать в такую же передрагу. Честно говоря, врагу не пожелаешь.

— Ерунда! — Максуд улыбнулся, сверкнув двумя рядами крепких зубов. — Но очень не хотелось поднимать шум. Ты меня выручил, теперь ты мне как брат. За кого я должен помолиться Яху?

— Что? — не понял Бен.

— Ну, неплохо бы узнать твоё имя.

— Бенджамиль, — секунду помешкав, сказал Мэй, — попросту можно Бен.

— Классное имя! — прочувствованно сказал Максуд. — Зови меня Макс.

Он порывисто шагнул вперёд, протянул Бену перекрещённые руки, удивлённый Бенджамиль пожал обе ладони.

— Катари ма санта мй, — сказал Максуд одними губами.

«Пожатие святым крестом», — автоматически перевёл Бен.

— Крестом? — обалдело повторил Бен. — Так ты из Сити?

— Ого. — Максуд внимательно оглядел своего спасителя. — Знаешь арси?

Бенджамиль опять смутился под взглядом этих жёстких блестящих глаз.

— Дело в том, — принялся объяснять он, с трудом преодолевая неловкость, — что я не трэчер и вообще не из буфера. Я живу в аутсайте, работаю в «воротничке» переводчиком, навожу, получается, мосты между вашими и нашими.

— Для циви ты слишком шархат, слишком... как это сказать?... воин. Но, по-моему, ты не врёшь, — задумчиво сказал Максуд. — А я-то гадаю, отчего за меня трэчер вписался? — Он хлопнул Бена по плечу. — Только между нашими и вашими никаких мостов нет. Ты другое дело, ты мне фатар. А места здесь паршивые, особенно для циви. И как тебя сюда занесло?

— Это долгая история, — неохотно сказал Бен.

— Долгая история для долгой дороги?

Бенджамиль кивнул.

— Куда ты собираешься идти?

Бенджамиль махнул рукой вдоль улицы:

— Туда, к трассе. Сказать по правде, уже третий день до трубы добираюсь.

— А там есть трасса? — Максуд посмотрел на Бена со странным выражением.

— Должна быть.

— Мы можем пока держаться вместе, — предложил Максуд. — Вдвоём безопаснее. Мне в буфере лучше не светиться, ситименов здесь не любят, а я по-тутошнему знаю только «здорово» и «пошёл на х...», да и с цивилиным мне тоже лучше не общаться, акцент-то за версту слышно. Если наткнёмся на трэчеров, ты будешь говорить, я буду помалкивать, так и прорвёмся. Ты как?

— Согласен, — сказал Бен.

От новоявленного брата исходили такая сила и уверенность, что он даже не сообразил спросить, куда они, собственно, прорвутся.

— Тогда вперёд?

— Вперёд, — сказал Бен. — И пошли они все!

Глава 14

Водосточная труба отделилась от стены здания удивительно легко, сразу четыре секции, наверное, кронштейны совершенно съела ржавчина. Когда Макс поддел её длинной узкой доской, найденной в полуразрушенном доме, труба выгнулась дугой, надсадно закричала и начала медленно отваливаться от стены, причём верхняя секция оторвалась от трёх остальных и полетела вниз самостоятельно.

— Берегись! — крикнул Бен.

Максуд отпрыгнул в сторону, и вся конструкция со скрежетом и громом рухнула на тротуар.

Макс осмотрел три мятых, местами прогнутых насквозь сегмента и остался доволен.

— Так! — скомандовал он. — Я за тот конец, ты за этот. Желательно, чтобы куски не развалились.

Бенджамиль присел и взялся пальцами за рыжий от сухой пыли металл. «Во что я ввязываюсь?» — подумал он весело.

— Поднимай! — крикнул Максуд со своей стороны.

Бен потянул трубу вверх и удивился тому, какая она увесистая. Жесть тонюсенькая, дырка на дырке, а весит килограммов тридцать, если не сорок.

Следуя командам Макса, они выволокли трубу на проезжую часть и положили поперёк движения, перегородив ею обе полосы. Максуд завершил картину парой эффектных мазков: притащив оторвавшуюся секцию, уложил её поближе к дому, будто жестяная конструкция свалилась сама собой, и ещё бросил на асфальт несколько кусков кирпича.

— Теперь порядок, — сказал он, отряхивая ладони. — Остаётся только немного подождать.

Они отошли за угол дома и сели возле стены на покрытую трещинами бетонную балку. Максуд вытащил сигареты в красной коробке.

— Я не курю, — сказал Бен, улыбаясь. — Я же говорил тебе, Макс.

— Я тоже почти не курю, — сказал Максуд, пряча коробку. — Я, Бен, могу себе позволить такую вольность. Яфат меня ценит, я удачливый. Я большой ситтер.

— Для большого ситтера здесь паршивые места, — ехидно сказал Бенджамиль. — И как тебя сюда занесло?

Максуд засмеялся.

— Трэча не знаешь, на цивильном говоришь с акцентом, — продолжал Бен. — Сплошная конспирация.

— Мне и не надо было ни с кем разговаривать, по крайней мере здесь. — Лицо Максуда приняло серьёзное выражение. — Со мной был токчи, в смысле переводчик, была машина. Я вообще не должен был болтаться по чёрному буферу.

— И?.. — спросил Бен.

— Это долгая история. — Максуд опять засмеялся. — Лучше дорогу слушай.

— Ага, — сказал Бен. — Кстати, оттуда нас видно. — Он указал пальцем в просвет между домами.

— Оттуда сейчас навряд ли поедут, — лениво сказал Макс. — Если оттуда поедут, то это патруль, тогда мы их заметим на подходе и успеем сделать ноги. У тебя это... дыра есть?

— Дыра? — не понял Бен. — А! Дыра!

Он приподнял френч на животе и показал чёрную рукоять пистолета. Макс удовлетворённо кивнул.

— Когда услышим мотор, — сказал он, — вытаскивай дыру и делай всё, как я, только прямо за мной не держись. Главное, орать погромче.

— Ты же говорил, что стрелять ни в кого не придётся, — напомнил Бен, осторожно трогая рукоятку.

— Я и сейчас говорю. — Максуд устало прикрыл глаза. — Всё сделаю я. Тебе нужно только угрожать. Мало ли, вдруг их будет несколько. И смотри спуск не нажми нечаянно. У твоей дыры предохранитель автоматический. Ты ствол у того придурка забрал?

Бен кивнул.

— Это правильно. — Максуд, не открывая глаз, прислонился затылком к стене. — Я почти сразу его заметил, под курткой. У меня глаз намётанный.

Негромкое гудение вывело Бенджамиля из состояния полудрёмы. Он открыл глаза, соображая, где находится, и сразу увидел прямо перед собой блестящие глаза Максуда. Тот прижал палец к губам и бесшумно поднялся на ноги. Его движения вдруг стали невероятно ловкими и экономичными. Бенджамиль даже слегка позавидовал, глядя, как Максуд с грациозностью фокусника извлёк из-под куртки небольших размеров серебристо-серый пистолет. Своё оружие Бен вытащил без особой элегантности, утешаясь тем, что его ствол выглядит внушительнее.

— Тормозит, — беззвучно сказал Макс.

Бен действительно услышал, как заскрипели шины и немного погода хлопнула дверца. Он, волнуясь, смотрел на Максов локоть, на поднятый к небу серый ствол, и нервное веселье вертелось в нем, мешаясь со страхом, будто коктейль в огромном миксере. Бенджамиль представил себе, как выскочит вслед за Максом и закричит, надсаживая голосовые связки. А что закричит?.. Надо было раньше придумать!.. Ну, допустим...

Максуд осторожно качнулся вперёд, замер, поглядел, затем так же осторожно вернулся назад и, покосившись на Бена, сказал вполголоса:

— Почти перед самой трубой... Ну, с Богом. Поехали!

В следующую секунду Максуд, а за ним и Бенджамиль были уже на тротуаре.

— Стоять! — заорал Макс. — Убью, сука! Руки на капот!

— Стоять! — что есть силы заорал Бен.

Он совершенно ничего не разобрал в эту первую секунду и даже не был уверен, в правильную ли сторону целит из пистолета. Лишь спустя пару мгновений он осознал, что перед водосточной трубой стоит небольшой серенький фургон, а перед фургоном — долговязый, худой мужчина в расстёгнутом грязно-синем френче, по виду типичный арш.

— На капот, сука! — кричал Макс, подбегая к водителю. — Ноги расставь, б...дь! Шире! Не поднимай голову! Убью, нахер!

Водитель, к удивлению Бена, особо не испугался. Он, конечно, занервничал, но бежать не бросился и в панику не ударился. Спокойно и старательно он исполнил все приказания Максуда: положил руки на округлый капот, расставил ноги так широко, как только смог, и всем корпусом наклонился к машине. Макс рычал что-то, уперев в затылок пленного короткий ствол пистолета. Его свободная рука проворно ощупывала карманы синего френча. На мгновение он оторвался от своего занятия и крикнул Бену:

— Проверь кузов!

Бенджамиль подбежал к машине. Водитель стоял, повернувшись к нему профилем. Вблизи ярко выраженные арабские черты становились ещё заметней. И густые темные брови, и горбатый тонкий нос. Плотная чёрная щетина, сплошь покрывавшая его щеки и подбородок, забиралась даже на худую кадыкастую шею. Кадык шевелился. Мужчина говорил негромко и размеренно, по-видимому обращаясь к Максуду:

— Меня зовут Азиз. Слышь, ты? У меня тут бизнес на пару с одной киской. Я пульпе откидываю, меня нельзя трогать. Я Фрэнку плачу. Слышь, ты? Вам что, неприятности нужны?..

Бен полез в машину.

— Живей! — крикнул Макс. — За креслами проверь!

— Слышь? — продолжал тихо нудеть владелец фургона. — Меня Азиз зовут, Кишкой ещё. У меня с пульпой договор...

— Чисто! — доложил Бен, выбираясь из салона.

— Убирай трубу! — скомандовал Макс.

Он ухватил араба за шиворот, распрямил, оторвав от капота, и грозно закричал:

— Заткнись, сука! Давай ремень вытаскивай из штанов!

Водитель, продолжая говорить про бизнес, про пульпу и про киску, начал покорно снимать ремень, но тут его беспокойный взгляд упал на Бена.

— А! — закричал он, тараща глаза. — Я тебя узнал, зараза! Счёты сводишь?! Выследил, гад, теперь счёты сводишь?! Убивать будешь?!

Бенджамиль раскрыл рот от удивления.

— Права не имеешь! — надрывался араб, пытаясь повернуться к Максуду. — Я легальный дизробрер! А этот... он сам виноват! Убьёшь меня — Фрэнки всё равно достанет! У меня...

Максуд сделал короткое движение правой рукой. Крикун охнул и начал оседать на асфальт.

— Бен! Помоги мне! — крикнул Макс, удерживая араба за шиворот френча.

Побледневший Бенджамиль ухватил водителя фургона под коленки. Вдвоём они затащили безвольное вихлястое тело в подъезд и положили на кучу битой штукатурки.

— Ты его не убил? — спросил Мэй, с беспокойством заглядывая лежащему в лицо.

— Ни черта с ним не сделается. — Максуд подтащил тело к лестничному маршу и начал связывать руки автовладельца, предварительно пропустив ремень сквозь решётку перил. — Очухается минут через сорок. А ты что, его знаешь?

— Первый раз вижу, — честно признался Бен. — По-моему, он слегка того.

— Здесь все немного того. — Максуд проверил узел и поднялся на ноги.

— А если он отвязаться не сможет? — спросил Бен.

— Сможет, — заверил Максуд, он снял с уха связанного клипсу телефона, бросил её на пол и раздавил каблуком. — Жрать захочет, отвязется. Или до киски своей докричится. Пошли в фургон.

В фургоне Максуд сразу забрался на водительское сиденье, нагнувшись, осмотрел снизу приборную панель, порылся в бардачке, нашёл там выкидной нож и выбросил в открытое окно.

— Ты что-то ищешь? — спросил Бен, которому хотелось поскорее уехать подальше от места преступления.

Ему было не по себе от содеянного, было стыдно, и жутковато, и жалко несчастного араба.

— Противоугонный маячок. — Максуд ощупал низ приборной панели напротив Бенджамилля. — Есть у меня чувство, что наш смуглолицый друг через пол часика очухается и начнёт звать на помощь. А когда его отвяжут от решётки, первым делом он побежит к стопам, а вторым — к Фрэнку Арчеру. Я немножко в курсе местных авторитетов. Впрочем, ты прав. Ни черта мы тут не найдём. Жучок, скорее всего, запрятан под обивку. Ладно, поехали. Сколько можно выжать из этой лоханки?

Лоханка давала семьдесят пять километров в час. Как только Макс пытался разогнаться быстрее, биллектронный навигатор автоматически сбрасывал обороты двигателя и прыгнувшая вперёд стрелка спидометра, постепенно зеленея, стекала к прежней отметке. Уже пять или шесть раз бесчувственный механический голос корил их за попытку превышения скорости, «рекомендованной внутри населённого периметра». Максуд тихо ругался, но навигатор не трогал.

— Отключить его не получится, — объяснил он, — а если сломать, то автодорожный спутник сразу сообщит стопам номер машины и наши примерные координаты.

Бенджамиллю, честно говоря, и семьдесят пять казались слишком, тем более, что Макс пролетал повороты, почти не снижая скорости, а на немногочисленные информационно-знаковые табло не обращал никакого внимания. Бен, не отпуская поручня над дверью, уже собирался спросить, насколько хорошо Максуд знает дорогу и знает ли он её вообще, когда ситтер вдруг сбросил газ и остановил машину возле обочины.

— Что? Что случилось? — Бенджамилль беспокойно завертел головой. — Зачем мы встали? Сломались?

Максуд молчал, глядя в лобовое стекло. Казалось, он что-то напряжённо обдумывает.

— Знаешь, Бен, — сказал он наконец, — а ведь я не смогу довезти тебя до станции.

— Почему? — ошарашенно спросил Бен.

— Я неплохо представляю карту этой части города. Станция, кроме лимонно-розового, есть ещё в бирюзово-коричневом, но туда больше часа пути и шесть стоповских постов на дороге. Если я повезу тебя в бирюзово-коричневый, — Максуд вздохнул, — то мои шансы оказаться в Сити сегодня вечером падают процентов до десяти. А меня ждут. Очень ждут.

— Чего уж там... Я и сам могу, — сказал Бен, он чувствовал себя обманутым.

— Я обещал тебя довезти до станции, — скулы Максуда отвердели, — и от слова, данного фатару, не откажусь. Я мог бы отвезти тебя в лимонно-розовый, но в лимонно-розовом тебя наверняка ждёт засада.

— Отчего непременно засада? — уныло спросил Бен.

— А ты уверен, что убил того типа у супермаркета?

Бен покачал головой. «К счастью, я почти уверен, что его не убил», — подумал он отрешённо. Станция трубы уплывала прочь, теряя на ходу очертания, точно лёгкое перистое облачко.

— То-то же, — назидательно сказал Максуд. — Он обязательно организует засаду. И не только на самой ближней станции. Скорее всего, тебя ждут и в бирюзово-коричневом тоже. Я бы, по крайней мере, так и сделал.

— И как же мне быть?

— Есть у меня один вариант. — Максуд уставился на Бена внимательно и испытующе. — Если мы проберёмся в Сити, то из Сити я переправлю тебя куда угодно. Я отвечаю!

— Сити, — повторил Бен, как будто пробуя слово на вкус.

Сити — неведомая страна из страшной сказки, сердце гигаполиса, поражённое таинственным недугом, от которого нет другого лекарства, кроме капониров и заострённой арматуры по верху бетонной стены. Старый город. Терра инкогнито. Темные провалы окон и золотые колечки, продетые сквозь кожу бритого черепа...

— Это просто абсурд! Я не могу ехать в Сити! — Бенджамиль замотал головой. — Меня там точно убьют!..

«И съедят!» — хотелось добавить ему.

— Никто пальцем не посмеет тронуть моего фатара! — заверил Максуд. — И потом! Мы же не станем говорить, что ты корпи. Скажем, что ты... — Максуд задумался. — Скажем, что ты из Бентли! На арси ты говоришь замечательно, и вообще...

— Ты с ума сошёл, Макс! — простонал Бенджамиль. — Какой Сити? Какие Бентли?!

— Я не сошёл с ума! — Максуд ухмыльнулся, включая скорость. — А про Бентли я тебе всё расскажу по дороге. Ну так как?

— Не знаю. Мне надо подумать.

— Давай. У тебя есть тридцать секунд.

Не зная, что выбрать, Бенджамиль неуверенно прикоснулся пальцами к тому месту, где под френчем и рубашкой прятался оракул. Ему так хотелось получить готовый ответ, но он не мог достать игрушку при Максуде. Оракул советовал идти прямо, думал Бен, чувствуя под ладонью округлость диска, но будет ли прямой дорога через Сити? И хочу ли я побывать в Сити? Пожалуй что, хочу, хочу и боюсь. Прожить всю жизнь в городе и ни разу не увидеть его центра... Если разобраться, в этом тоже есть нечто ужасное. Когда-то в детстве я боялся заглядывать под кровать... К тому же у меня не так много вариантов. «Радиус есть самое короткое расстояние от центра до любой из точек окружности», — ни к селу ни к городу всплыло в голове. И Бенджамиль решился:

— Сити так Сити!

Максуд, сверкнув зубами, до упора вдавил в пол педаль газа.

— Но мне надо быть в аутсайде завтра утром! Меня тоже ждут! — запоздало крикнул Бен.

Бешено взвизгнули по асфальту колеса, и машина сорвалась с места.

— Попытка превысить лимит рекомендованной внутри населённого периметра скорости блокирована! — сообщил биллектронный навигатор. — Резкое трогание с места отрицательно сказывается на качестве покрытия колёс вашей машины. Счастливого пути.

Глава 15

Полистоповскую машину они сначала услышали, а потом уж увидели. Черно-жёлтый бронефургон ехал за ними, всюду сверкая мигалками и стробоскопами. Наверное, он выскочил на шоссе из бокового проезда, разом врубив всю иллюминацию и акустику.

— Водитель машины: красный, пятьсот тридцать пять, пятьсот одиннадцать, красный, немедленно остановитесь! Полицейский контроль! Немедленно остановитесь! — перекрывая вой сирены, орало из динамиков силным басом.

— Шайтаса! Развязался-таки носатый. Надо было его грохнуть, — пробормотал Максуд.

— Немедленно остановитесь! — надрывался динамик.

Кося глазом в монитор заднего вида, ситтер потянул из-за пазухи пистолет. «Если он начнёт стрелять по стопам, нам крышка», — мелькнуло в голове у Бена. Но Максуд и не думал стрелять. Коротко размахнувшись, он ударил рукояткой пистолета в экран биллектронного навигатора. Раз, ещё раз. Панель треснула, в салоне приторно и сладко запахло духами. Механический голос слабо пискнул:

— Попытка отключить дорожный навигатор строго преследуется...

Ситтер ударил ещё раз.

— ...по за-крк-кон-крк-ну... крк...

Максуд весело оскалился, стрелка спидометра, наливаясь красным, качнулась за отметку «сто», мотор загудел высоко и тревожно. Подстёгнутая этим тоскливым звуком, машина прыгнула вперёд так, что Бенджамия прижало к спинке кресла не хуже, чем в салоне прыгуна.

Поначалу черно-жёлтые отстали. Их фургон, уменьшаясь в размерах, быстро превратился в ползущую по шоссе букашку. Но стоповские навигаторы не лимитировали скорости, а двигатель у патруллеров был мощнее, и выигранное расстояние начало постепенно сокращаться. Тогда Максуд крикнул Бену: «Держись!» — и резко свернул в переулок, а оттуда во двор. Всё его лицо горело злым азартом, машину мотало из стороны в сторону. Порою она едва не становилась на два колеса, и Бену казалось, что они вот-вот перевернутся. Но каким-то чудом фургон выравнивался, и они летели дальше, ныряя в очередной каменный колодец. Оставалось только удивляться, как Максуд успевал ориентироваться в сложном узоре асфальтовых улочек.

Постепенно бронефургон исчез из поля зрения, сирена едва различимо пела где-то слева, и Бенджамия уже решил, что они оторвались. Но радость его оказалась преждевременной. То ли стражи порядка хорошо знали местные закоулки, то ли здорово ориентировались по навигатору. Их машина выскочила из подворотни, как черт из коробки, и повисла на хвосте Азизова фургончика. Максуд выругался и крутанул баранку. Машина сшибла ржавую вязь оградки и перепрыгнула низкий бордюр. Бенджамия подлетел на своём сиденье едва не до потолка, челюсти его клацнули. Пока он ошалело вертел головой, Максуд снова крутанул руль, и фургон, сбив ещё одну оградку, влетел в узкую высокую арку. С коротким, словно выстрел, треском отлетела правая камера заднего вида. Один из мониторов мгновенно ослеп. Бенджамия швырнуло плечом на дверцу. Максуд, натужно повернувшись всем корпусом, выровнял машину, и Бенджамия швырнуло на водительское сиденье. Бен вцепился пальцами в подголовник и успел увидеть, как на левом мониторе стоповская машина углом бампера со всего ходу вламывается в стену арки. Изображение быстро уменьшалось, но было видно, что бронированный фургон разворачивает почти что поперёк проезда.

— Йяху-у-у! — на весь салон заорал Максуд.

Бенджамия не знал боевых кличей и посему только счастливо улыбался.

Максуд вывел машину на широкую межсекторную дорогу и, не снижая скорости, погнал её в сторону Сити. Он держал фургон почти посередине трассы, время от времени плавно огибая попадавшиеся на пути выбоины. Лицо его приобрело выражение серьёзное и озабоченное, от недавней радости не осталось и следа. Зато он стал всё чаще поглядывать на монитор уцелевшей камеры. Постепенно его беспокойство передалось Бену.

Дорога становилось все хуже, трещины и дырки в асфальте попадались всё чаще, и в конце концов Максуду пришлось немного скинуть скорость.

— Ничего, — приговаривал он, объезжая очередную выбоину. — По такому срачу они тоже на ста двадцати не поедут.

— Далеко ещё? — спросил Бен, тревожно оглядываясь через плечо.

— Нет, уже близко.

«Скорей бы», — лихорадочно подумал Бен. Он представил себе, как они ползут через трехметровую стену, и внутренне содрогнулся.

Пару последних километров они не проехали, а в буквальном смысле проскакали. Выбоины уже сливались в один сплошной свинорой. Бенджамия, уцепившись за спасительную скобу, мотался, как тряпка в зубах механического щенка. Максуд прыгал на водительском сиденье, вцепившись в колесо руля, в то время как его глаза всё чаще отрывались от дороги и внимательно шарили среди заброшенных, местами полуразвалившихся домов. Бенджамия уже хотел спросить Максуда, что он там выискивает, но в это время ситтер радостно сказал:

— Хвала Яху, господу нашему!

Он ловко развернул машину поперёк шоссе и скомандовал:

— Давай выпрыгивай, фатар, времени мало!

— Ты о чём?! — Бенджамиль недоуменно озибался по сторонам. — Стены-то не нет.

Максуд осклабился:

— А ты думал, мы через стену полезем? — Он распахнул дверку и выпрыгнул на асфальт.

— А разве не полезем? — робко поинтересовался Бен, выбираясь из машины со своей стороны.

— Добраться до стены мы всё равно не успеем, — серьёзно сказал Максуд, появляясь из-за капота, — но имеется запасной вариант.

В отдалении послышался слабый вой полицейской сирены. Нет! Пожалуй, даже двух полицейских сирен.

— Шайтаса ибухи! Побежали! — воскликнул Максуд, увлекая Бена за собой.

Они обогнули фургон, и Бен увидел невдалеке кубическое одноэтажное здание с плоской крышей. Посередине фасада когда-то красовалась объёмная надпись. Теперь от неё остался лишь погнутый каркас титанической буквы U.

— Туда! — Максуд махнул рукой и побежал через пустырь, в сторону одноэтажки, перепрыгивая через каменные обломки.

Ничего не понимающий Бенджамиль припустил за ним следом. Он был совершенно сбит с толку.

До здания оставалось метров тридцать, когда два патрульных броневика затормозили возле брошенного фургона. Их сирены умолкли на самой тоскливой ноте, но в тот же миг наступившую тишину вспорол хриплый рёв многоваттных динамиков:

— Немедленно остановитесь! Немедленно поднимите руки и остановитесь! Иначе открываем огонь на поражение!

И почти тотчас же, иллюстрируя сказанное, в воздух ударила автоматная очередь. Максуд вильнул в сторону, схватил Бена за рукав, и они упали между несколькими блоками старинного фундамента.

— Немедленно выходите с поднятыми руками! — опять заревели динамики. — Иначе мы будем вынуждены применить меры, согласно инструкции четыре дробь два! Даём вам одну минуту!

— Не бойся, — прошептал Максуд. — Всё в порядке. Они пока что жарят шумовыми.

«Ничего себе, в порядке! — подумал Бен. — Зачем мы вообще бросили машину и побежали к этой чёртовой коробке?»

Над дорогой и пустырём повисла напряжённая тишина. Бенджамиль осмотрелся. Они с Максудом сидели среди десятка беспорядочно наваленных параллелепипедов из бетона. До дома было недалеко, метров тридцать с небольшим, до дороги — около ста пятидесяти, но куда теперь денешься из этой мышеловки? На Бена опять навалилось отчаяние. Захотелось завывать тонко и протяжно, но он лишь засопел и до хруста стиснул зубы.

Импровизированный бруствер со стороны дома был короче, чем со стороны дороги, и Максуд, высунув голову, без опаски изучал фасад неприглядной одноэтажки.

— Всё не так уж плохо, — констатировал он, закончив осмотр. — Там должна быть дырка в стене, но мы её искать не станем. В конце концов, эти шаймуты могли её заложить. Пойдём через центральный вход. Выгляни, осмотрись.

Бенджамиль протиснулся к крайнему блоку и осторожно выглянул наружу.

— Видишь? — сказал Максуд. — Раньше там были проходы, а потом их заложили кирпичом.

— Ну.

— Вот тебе и «ну». Мы пойдем через левый крайний.

— Прямо через кирпич? — Бенджамиль представил себе, как они с разбегу пробивают кирпичную стену, и ему стало нехорошо.

— Не! Дырку я организую. — Максуд задумчиво почесал правую бровь стволом

пистолета, невесть когда очутившимся в его руке. — Остаётся добежать. Беги по моей команде, и главное, не по прямой, виляй из стороны в сторону. Понял?

— Понял, — без энтузиазма отозвался Бен.

Отпущенное беглецам время, по-видимому, вышло.

— Ваша минута истекла! — возвестил динамик. — Мы получили приказ перейти к активным действиям!

Один из бронированных автомобилей стронулся с места, перевалил через обочину и осторожно пополз в сторону осаждённых.

— Щас я его остужу, — пообещал Максуд, наблюдавший за его движением в просвет между блоками.

Подкрутив какой-то рычажок на своём пистолете, он на полкорпуса выдвинулся из-за укрытия, тщательно прицелился и нажал на спуск. В воздухе туго бумкнуло, и Бенджамиль, прильнувший к щели, увидел, как из-под днища полосатой машины во все стороны брызнуло пыльное крошево. Броневик осел на правую сторону и замер. Из его кабины и кузова вывалилось человек пять в касках и дефендерах. Они залегли за черно-жёлтым корпусом и открыли беспорядочный огонь из автоматов. Со второй машины тоже стреляли. Кто-то, пригибаясь, бежал к подбитому броневику.

— Стреляй! — крикнул Максуд.

— Куда?! — Бенджамиль с круглыми от страха глазами выдёргивал свой внушительный чёрный пистолет из штанов.

— Куда хочешь! Хоть в воздух!

Бенджамиль, не раздумывая, направил оружие в синее, по-летнему безоблачное небо и нажал на гашетку. От выстрела заложило уши. Ствольная коробка с силой отскочила назад. Бенджамиль, не ожидавший такой сильной отдачи, с трудом удержал пистолет. Ладонь слегка заныла, но Бен выстрелил ещё и ещё. Гильзы, звякая, отскакивали от выщербленной бетонной поверхности, сквозь которую проглядывали рифлёные металлические прутья. В ушах звенело. Над головой что-то взвизгивало, а от верха их случайного укрытия то и дело отлетали кусочки цементного мусора. Краем глаза Бенджамиль видел, что Макс, примостившись за крайним блоком, целит в стену одноэтажки.

— Закрой уши и нагни голову, будет большой «бум»! — прокричал Максуд.

Бенджамиль закрыл уши ладонями и уткнулся лбом в колени.

Звук взрыва через плотно заткнутые уши не произвёл на Бена ровным счётом никакого впечатления: опять бумкнуло, разнокалиберные обломки кирпича дождём посыпались на маленькую крепость, и сразу Максуд заорал:

— Беги!

Бенджамиль вскочил на ноги и сквозь облако красноватой пыли кинулся к дому. Он рыскал из стороны в сторону, согнувшись едва ли не пополам, и очень боялся потерять мелькавшую впереди спину Максуда. Пули вжикали то слева, то справа. Но он не боялся пуль, он боялся упустить из вида спину фатара. Сколько длились эти пятнашки со смертью? Секунду? Час? Год? Он совершенно потерял ощущение времени. Некое подобие сознания вернулось к Бену лишь в тот момент, когда он очутился перед широкой и темной дырою, в которой исчезали ботинки Максуда. И Бенджамиль, ужасно боясь опоздать, полез в эту темноту, шипя и обдирая локти.

Он пролез почти наполовину, а потом сильные руки ухватили его за шиворот и втащили внутрь. Бенджамиль упал на пол, усыпанный кусочками камня, и сразу откатился в сторону, потому что пули звонко защёлкали о край дыры.

Максуд поймал его за рукав и потянул за собой куда-то в темноту, прочь от света, залетавшего в пробоину вместе с визгливыми пулями. Глаза Бена ещё не привыкли к скудному освещению, но он вслед за Максом почти вслепую лез через угловатые низкие загородки, потом, едва не падая, бежал вниз по длинной крутой лестнице. Потом лестница неожиданно кончилась, он, запнувшись, полетел вперёд, пытаясь удержаться за широкие, упругие на ощупь перила, но в правом кулаке была намертво зажата рукоять пистолета, и он

всё-таки упал на колени. И опять его подхватили руки Максуда, подхватили и поволокли куда-то влево, в крошечную тьму. А сверху, с невообразимой заоблачной высоты, раскатисто забухали гулкие частые выстрелы. Но беглецы уже стояли, прижавшись спинами к холодной гладкой стене, совершенно недостижимые для пуль и почти наверняка спасшиеся.

— Цел? — спросил Максуд, с трудом переводя дух.

— Кажется, цел, — отозвался Бенджамиль, тщетно всматриваясь в темноту. — Макс, где мы, а? Не видно ни зги.

— Мы в старом метро. Сейчас, погоди. — Максуд сосредоточенно с чем-то возился.

Наверху наступило короткое затишье. С полминуты в воздухе висела звенящая тишина. Потом раздалось протяжное шипение, за которым последовал раскатистый хлопок. Яркая, мертвенно белая вспышка осветила уходящий в обе стороны тоннель с высоким арочным сводом и двух людей, прижавшихся к стене, отделанной светлой керамической плиткой. Бенджамиль инстинктивно согнул колени.

— Кишер, — сказал Максуд, — не суетись. Это световая граната.

— Макс, — тихо позвал Бен. — А они сюда не полезут?

— Не полезут, — убеждённо сказал Максуд. — Вдесятером точно не полезут. Да и вообще, скорей всего не полезут. Будут шмалять через дырку и ждать спецотряд в «камбалах». А «камбалы» приедут и тоже не полезут. Готов об заклад биться.

Он наконец перестал возиться, и яркий луч света побежал по мозаике напольного покрытия. Поводя вокруг своим серебристым чудо-пистолетом, у которого под стволом оказался миниатюрный, но мощный фонарик, Максуд двинулся к противоположной стене тоннеля.

— А если они настоящей гранатой сюда стрельнут? — опасливо спросил Бен.

— Не должны. — Максуд покрутил головой. — Чтобы запустить боевой снаряд из подстволки, им сначала надо запросить начальство. Это ведь действия по инструкции четыре дробь шесть. Запрос надо обосновать. Пока то, пока се, а нас уже и след простыл. К тому же здесь уклон крутой, граната взорвётся на эскалаторе.

Бенджамиль, осторожно шедший за Максудом, вздохнул. Сверху опять застучал автомат.

— Суки, шаяз стопы, — зло пробормотал Макс. — Стреляйте сколько влезет.

Фонарик осветил угол стены и границу мозаичной площадки, дальше чернел провал. Максуд подошел к самому краю, присел и ловко спрыгнул вниз. По тому, как быстро его каблуки стукнулись о пол, Бен понял, что провал совсем неглубокий. Он тоже подошёл к краю.

— Прыгай сюда, — сказал снизу Максуд, он сидел на корточках, и свет его фонарика сосредоточенно бегал по керамической плитке. — Присядь-ка на всякий случай, мало ли чего. Бережёного, знаешь...

Бенджамиль послушно спустился вниз и присел возле стены. В бледном отсвете Максова фонаря он видел толстую металлическую рельсу, покрытую грязно-оранжевым налётом. Внезапно до него дошло.

— Макс, — позвал он шёпотом. — Это что, железная дорога?

— Вроде того, — отозвался Максуд. — Только под землёй. Метро называется. По ней лет двести никто не ездил... О!

Он положил пистолет на пол, отделил от стены одну из плиток и сунул руку в образовавшуюся нишу. Из ниши Максуд одну за другой извлёк три массивные полумаски, похожие на плавательные. Одну маску он сразу вернул в тайник, вторую пристроил себе на лоб, а третью протянул Бенджамиллю.

— Что это? — спросил Бен.

— Низкочастотная маска с прожектором и газовым фильтром. — Максуд подобрался к Мэю и помог приладить прибор на лицо.

— Я ничего не вижу, — обеспокоенно сказал Бен.

— Вот здесь выключатель. — Максуд нажал на рамку.

Удивлённый Бенджамиль моргнул и увидел перед собой озабоченное лицо фатара, а за ним свод и серые стены тоннеля. Картинка была отчётливой и резкой, разве что несколько блекловатой, будто бы сумеречной. Максуд надел свою маску и показал Бену, как можно вытянуть и вставить в рот газовый фильтр.

— На тот случай, если стопари захотят пустить в тоннель отраву, — пояснил он, показывая пальцем вверх. — Когда почувствуешь запах кийса... Черт, не знаю, как сказать... Короче, когда я скажу, сунешь эту штуку в рот.

Наверху опять зашипело и бухнуло, на этот раз громче и мощнее. С потолка посыпалась штукатурка, обломки плитки запрыгали по полу. Через секунду бухнуло вторично, потом ещё раз и ещё.

— Валим отсюда, — сказал Макс, поправляя маску. — А то и правда бульдосы под землю полезут.

Они встали и, пригибаясь, поспешно двинулись в глубь тоннеля. Звуки хорошо распространяются в закрытом каменном пространстве, и Бену всё казалось, будто гранаты, вышибая из стен эхо, рвутся прямо за его спиной. Но минут через пять стопы решили, что со своей задачей они справились, канонада стала реже, потом утихла совсем, и стало слышно, как скрипят камушки под подошвами двух пар ботинок.

Пол сбоку от линии был достаточно ровным, и, шагая вдоль железнодорожного полотна, Бенджамиль глядел не столько под ноги, сколько по сторонам. Метро напоминало канализационную трубу, по которой Мучи вёл Бена сегодня утром, но было куда грандиознее. Вроде те же стены из серого бетона с неровно очерченными швами, с непонятной, наполовину стёршейся разметкой, а чувствовалось, что построено всё это для чего-то значимого и серьёзного. Хотя, может быть, говнопровод как раз и есть самая значимая и серьёзная коммуникация гигаполиса? Интересно, что бы сказал на эту тему бывший приятель Господа Бога? И Бенджамиль, рискуя упасть, поднимал глаза к выгибающемуся дугой серому своду. Настоящий храм цивилизации. Вдоль стен пучки толстенных проводов, лампы через каждые десять шагов, когда-то они излучали холодный голубоватый свет, а теперь висят, серые и безжизненные. Бенджамиль представил себе перроны, забитые людьми, гомон и толкотню, запах нагретого металла. И поезда, быстрые, как молния. Может, не такие быстрые, как тубвей, но достаточно быстрые для того, чтобы висящие на стенах фонари расплывались в одну неоновую линию, со страшной скоростью летящую в темноте туннеля.

— Макс! Эй, Макс! — позвал Бенджамиль. — Ты здорово водишь машину.

— Ага, — откликнулся Максуд. — Уличные гонки — хорошая школа. Если не свернёшь шею, то станешь гонщиком.

— Макс!

— Чего?

— Помнишь, ты говорил, что был в белом буфере с переводчиком и на машине?

— Ну да, на машине.

— А куда девались машина и переводчик?

— Машина сгорела, — чуть помедлив, сказал Максуд.

— А переводчик?

— Переводчик слишком много о себе понимал...

— И что?

— Я его застрелил.

Под серым полукругом свода повисло неловкое молчание, нарушаемое только звуком шагов. Потом Бен, кашлянув, сказал:

— М-да. — И, помолчав с минуту, добавил: — Ты мне про Бентли хотел рассказать.

Глава 16

Максуд утверждал, что расстояние между любыми станциями метро всегда одно и то же и что переход от одной к другой обычно занимает полчаса. Бенджамиль насчитал четыре станции. Они походили друг на друга, как бывают похожи близкие родственники. Однообразно широкие перроны были удручающе пустынные, а уходившие вверх бесконечные лестницы походили на хоботы вставших в летаргию слонов. Здесь всё дышало тленом и величием: нескончаемые ленты заржавленных рельсов, по которым уже двести лет не ездили вагоны, километры кабелей, по которым давно не бежал электрический ток, мёртвые глазницы светильников.

Случайные путники шагали под гулкими сводами, вопиюще неуместные в этом фараоновом склепе, и их голоса, звонко отражаясь от стен, утихали где-то в глубине тоннеля. Говорили о жутковатом и загадочном Сити. Вернее, говорил в основном Максуд. Иногда Бенджамиль спрашивал, а его фатар отвечал, но большей частью Бен молчал и слушал. За полгода пребывания в должности личного переводчика Ху-Ху он узнал о Сити в десять раз больше, чем за всю свою предыдущую жизнь. За два часа подземного путешествия он узнал в десять раз больше, чем за всё время работы на мастера Ху-Ху.

Кое о чём Максуд предпочитал не распространяться, о чём-то рассказывал подробно и с охотой. Временами Мэй думал, что хорошо понимает, о чём идёт речь, а временами беседа переходила в область туманных полунамеков, и ему начинало казаться, что он понимает ещё меньше, чем вначале. Порою отдельные слова, фразы, понятия вдруг приобретали для Бенджамиля совсем иной смысл, складывались, как элементы мозаики, и ему хотелось с размаху хлопнуть себя по лбу.

Максуд всё время говорил на арси, и, слушая живой язык, Бен ощущал, как странная жизнь Сити начинает течь сквозь него, заполняя пустые каркасы сложенных в памяти слов и выражений. Вероятно, Бен не улавливал каких-то нюансов, возможно, чего-то не запоминал, но этого и не требовалось. «Нельзя знать всего, — объяснял Максуд, — но нужно знать главное». Свод правил оказался не так уж велик: нужно жить с шарафом и поступать с шарафом, нужно чтить семью и яфата, нужно заботиться об интересах семьи и ненавидеть врагов семьи. Впрочем, ненависть к врагам уже входила в состав сложного понятия «шараф», включавшего в себя честность по отношению к семье, к партнёрам семьи, к твоим личным партнёрам, смелость, прямоту, готовность ответить за свои поступки, поступки твоих партнеров, щедрость, внешнее и внутреннее достоинство и тому подобные добродетели (всего Бен не запомнил, но общие принципы уловил). Кроме того, полагалось пить, курить, употреблять лёгкий наркотик «кухим», чтить и бояться Бога, не обижать женщин и терпимо относиться к детям. Употребление тяжёлых наркотиков строго порицалось, отношения к пьянству Бенджамиль до конца так и не понял.

На обширной запущенной территории старого города обитало двадцать восемь семей, двадцать восемь кланов ситтерской вольницы. Каждая семья объединяла от десяти до тридцати тысяч членов. Полноправным патриархом и главой семьи считался яфат — человек без имени (принимая на себя обязанности старшего в клане, он отдавал свое имя Яху, и упоминание этого имени расценивалось как тягчайшее оскорбление). Семья делилась на пачки, пачки — на ячейки. Каждое подразделение имело своего командира. Ячейками управляли хутчи, пачками — пачи. Подчинение устанавливалось по принципу пирамиды. Под командой одного пача находилось от пяти до двенадцати хутчей. Каждая семья с кем-то враждовала или дружила. Этому вопросу Максуд уделил особенное внимание. Он говорил, кто с кем сотрудничает, кто держит нейтралитет, кто колеблется от неприязни до мелких стычек, кто ведет настоящую войну, а Бенджамиль старался запомнить всех этих Харли, Зиппо, Хьюго и Мицубиси. Чтобы врать без опаски, такие вещи надо было знать на память.

— А как же мой шараф? — поинтересовался Бен. — И твой за компанию?

— Человек с шарафом, — нимало ни смутившись, ответил Максуд, — должен быть честным, но гибким. Моей семье не будет вреда ни от тебя, ни от нашей маленькой лжи.

Бенджамиль подумал и был вынужден согласиться.

Сам Максуд был из Чероки. Его семья насчитывала примерно двадцать пять тысяч

членов и считалась одной из самых авторитетных в Сити. Чероки находились в натянутых отношениях с пятью кланами, с четырьмя, в том числе с Бентли, имели прочные партнёрские связи. Так что, кроме списка врагов, Максуд перечислил фатару имена и внешние приметы самых заметных диспетчеров и пачей из Бентли. Мэй, в силу специфики своей профессии, обладал цепкой памятью, и довольно скоро он мог без запинки сказать, у кого из отцов клана кривая шея, а у кого на руке не хватает пальцев.

За разговором время бежало быстро, и Бенджамиль даже не заметил, как они добрались до затора. Вообще-то место осыпи было видно издалека, и Максуд предупреждал о нем загодя, но лишь подойдя шагов на сто, Бен увидел завал по-настоящему. Беспорядочная гора каменных обломков, поросшая ржавыми кустами перекрученной арматуры, перегораживала тоннель от пола до потолка. Чудовищная сила, расколовшая свод, засыпала широкий коридор тоннами каменной породы вперемешку с обломками перекрытия. Куски бетонных плит закопчёнными лохмотьями свисали вниз на ржавых нитях металлических сухожилий, словно шмотья живой плоти.

Измучённый и подавленный видом разрушения, Бенджамиль остановился перед склоном подземной осыпи. Максуд стоял чуть позади, молча разглядывая завал. Похоже, вид каменного хаоса впечатлял и его.

— Здесь тоже когда-то была станция, её взорвали, когда строили стену, — сказал ситтер после продолжительного молчания. — Вон там, сбоку, — он указал вправо, — мы расчистили проход. Яфат много вбухал в это дело и сил, и крови. Теперь стопы с метро глаз не спустят, скорей всего ту станцию взорвут, как эту. Но секретная норка, Бен, — рот Максуда растянулся в довольной улыбке, — благодарение Яху, спасла мне жизнь. А моя жизнь дорого стоит, особенно сейчас.

«Моя тоже не дёшево», — обиженно подумал Бен.

У левой стены тоннеля действительно был проход. Бен и Максуд отодвинули два куска серого пластика, и перед ними открылся довольно просторный лаз, укреплённый изнутри рамами из сваренных попарно кусков рельса.

Двигаться внутри прохода можно было только согнувшись, но Бенджамиль уже давно оставил мысль об удобствах. Он осторожно карабкался вслед за Максом, холодея всякий раз, когда за хлипким настилом из разнообразного железного хлама ему чудилось зловещее похрустывание внутри многотонной горы каменных обломков.

Хотя завал простирался едва на пятьдесят метров, Бенджамиль выбрался наружу мокрый как мышь, с прилипшей к спине рубашкой, но теперь склон бетонной осыпи уже не казался ему таким зловещим, как раньше.

— Ну вот! — радостно сказал Максуд, разминая затёкшую шею. — Вот мы почти и дома.

«Почти» включало в себя ещё целый час пути. Самая первая после завала станция располагалась слишком близко от стены, пользоваться ею не имело смысла и было даже как будто рискованно.

— Дойдем до Морашасса, — решил Максуд. — Там безопасно и даже, может быть, дежурит кто-нибудь.

— Что такое Морашасс? — спросил Бен.

Максуд пожал плечами:

— Место так называется.

— Морашасс, — повторил Бен, запоминая. — Забавное название.

— Забавное, — согласился Макс. — Так все говорят, но никто не знает, что за слово такое. Просто название.

Морашасс походил на другие станции, но выглядел не столь запущенным. Или Бену это только казалось? По крайней мере следы на пыльном кафеле говорили о том, что люди бывают здесь немного чаще, чем раз в двести лет.

Максуд остановился у подножья хоботоподобной лестницы, поднял маску на лоб и,

задрал голову, поглядел наверх. Лицо его сделалось торжественным. Он поочередно коснулся большим пальцем правой руки лба, подбородка, левого и правого уголка губ, и губы почти неслышно произнесли несколько фраз. Бенджамиль разобрал только: «Господи всемогущий, спасибо, что не оставил слугу твоего...» Затем Макс повернулся к Бену и сказал почти весело:

— Ну что, фатар, полезли из норы. — И добавил, постукав пальцем по задранной на лоб маске: — Снимай намордник, уже можно.

Бенджамиль стянул с лица низкочастотное устройство. Мир вокруг сделался тусклым и нечётким. Через несколько секунд глаза привыкли к неяркому, но зато естественному свету, и Бенджамиль с удивлением обнаружил, что плитка на стенах зеленоватая, а не серая и что вытертые стрелки на полу нанесены жёлтой краской. Он хотел сказать об этом Максусу, но его спутник уже поднимался наверх, шагая через ступеньку.

Бенджамиль нагнал его только у самого выхода на поверхность. Яркий наружный свет резал глаза, и Бенджамиль шел за своим спутником, стараясь не отрывать взгляд от рубчатой поверхности ступенек. Поэтому, когда по ушам ударили уже знакомые звуки выстрелов и Максус упал, Бен по инерции сделал еще два шага и только потом бросился на живот, едва не ткнувшись лицом в Максусовы каблуки. «Господи! Неужели опять?!» — подумал он с отчаянием. Но тут Максус заорал:

— Шайтаса мацуд ибухама! Наша канцу, шаймута!

Стрельба прекратилась. Потом молодой и весёлый голос прокричал:

— Максус, сидака?! Фагаса кишир нантакуда!

— Аду! — отозвался Макс, поднимаясь на ноги.

— Чёрт-те что. — Бенджамиль сел на ступеньках и принялся отряхивать брюки.

Максус повернул к нему радостное лицо.

— Всё на мази, дружище, — сказал он, понижая голос. — Это свои, наблюдатели. Я сам виноват, надо было сначала дать знак, а потом уже лезть наружу.

Максус нагнулся к Бену почти вплотную, его широко расставленные глаза стали серьезными.

— Говори только на арси, и говори поменьше. Если чего не знаешь, лучше промолчи — никто не осудит. Не тушуйся, я буду рядом. — Он повернулся в сторону, откуда стреляли, и крикнул: — Здорово, чирки! Иду к вам. Я тут не один!

Наблюдателей оказалось двое: крепкий чернявый парень по имени Джавид и высокий сухой мужчина лет пятидесяти, назвавшийся Язвой. Поначалу Бенджамиль слегка ошалел от этой парочки, вернее, от их костюмов. Среди слайдов оконного три-М-проектора в рабочем кабинете Мэя имелся вид джунглей с тропическими птицами — попугаями, Бенджамиль включал его всего пару раз, он не любил студийных пейзажей, да и птицы были скорее всего биллектронными. Так вот, более всего эти двое походили на тропических попугаев. Синие штаны Джавида были порваны в двадцати местах и пестрели двумя десятками продетых сквозь дырки красных и зелёных платков; из-под коротких рукавов жёлтого френча торчали расстёгнутые манжеты красной рубахи, а на груди болталась целая связка камушков, монеток, просверленных гильз. Язва выглядел попрличнее, но тоже не без выдури: короткая шнурованная куртка с клёпаными рукавами, узкие нежно-оранжевые блестящие брюки и старинное выцветшее кепи с обрезанным наполовину козырьком. Это бело-красное кепи с половиной козырька особенно не вязалось с угрюмым, заросшим седой щетиной лицом «ситтерского бандита».

Бенджамиллю почти не удивились, встретили его вполне благожелательно и даже дружелюбно, но без какого-либо видимого интереса. Максус представил им своего фатара из Бентли, они пожали ему крест-накрест руки, и все остались довольны. Небольшой конфуз произошёл всего один раз и, к счастью, остался совершенно незамеченным. Когда, представляясь, Бенджамиль сказал:

— Бен.

Язва, изобразив на узких сухих губах подобие улыбки, ответил:

— Ясно, что бен. А звать-то как?

Бенджамиль, не знавший, что бенами в Сити зовут вообще всех Бентли, пришёл в замешательство.

Хорошо, что Максуд, вмешавшись в разговор, быстро обратил недоразумение в шутку.

Машина у двух дозорных оказалась едва ли не колоритнее их костюмов. Старинная модель, наверное ещё с наноинестером, Бенджамиль в этом мало разбирался, но подобные электромобили видел, когда ему было лет десять: квадратный капот, угловатые абрисы, верх снят, чтоб получился кабриолет, хищный растрёп радиатора оскален, а слегка помятый корпус сплошь покрыт самыми невероятными полосами, кляксами и узорами всех цветов солнечного спектра. Радиатор изображал из себя разинутую пасть, а фары какой-то оригинал залепил крестами из красного скотча. Бенджамиль сроду не видал столь дико раскрашенного транспорта.

Чернявый Джавид сел на водительское место, Язва устроился рядом с ним, поставив между коленей тяжёлую автоматическую винтовку, Максуд и Бенджамиль с комфортом расположились на заднем сиденье. Джавид ткнул кулаком в сканер стартерной панели, и они поехали.

Сити выглядел ненамного лучше периферии чёрного буфера. Те же дома с пустыми рамами, отбитая штукатурка, кривой столб светофора на перекрёстке. Запустение.

— Третий день тебя ждём, — говорил Джавид, поворачивая к Максуду оживлённое лицо с блестящими глазами-маслинами. — Яфат сказал: «Ждите», ну мы и ждём. Думали, уже не придёшь. А у стены тебя пацаны с манкидрессом дней пять уже караулят! По очереди.

— Ты на дорогу смотри, — отвечал Макс. — Пацанам бы посигналить, чтоб возвращались.

— Съездим... потом, — отозвался со своего сиденья немногословный Язва.

— А что такое манкидресс? — шепотом спросил Бен.

— Верхолазный экзоскелет, — тоже шёпотом объяснил Максуд, — в нем можно по стенам бегать, прыгать, как блоха, на потолке висеть...

Бенджамиль вспомнил юного воришку с паучье-обезьяньими конечностями.

— Удобная штука! — тихо продолжал Максуд, — Только приловчиться надо. Скоро стена вокруг Сити вообще станет бессмыслицей.

Бен недоверчиво покачал головой:

— А откуда берутся эти самые скелеты?

— Комплектующие нелегально делают в промкольце, биллектронику — в белом буфере, — доверительно сказал Максуд, нагибаясь к самому уху Бенджамиля. — Потом всё это контрабандой везут в Сити, собирают и отлаживают. Бен, ты даже представить себе не можешь, сколько башковитых парней из аутсайда работают на пульпу. Мы о многих занятых хреновинах узнаем раньше, чем корпи. Лет через десять «манки» станут такой же обыденностью, как дорожки пониженного трения, но куда это мода ситтерских пацанов... — А может, и не через десять, — добавил Максуд, подумав. — Я уже видел экзоскелеты в буфере.

— Я тоже видел, — сказал Бен.

С минуту они молчали, потом Бенджамиль спросил:

— Макс, а куда мы едем?

— Домой едем. — Максуд блаженно откинулся на дырявую спинку сиденья. — В Алихаус, там сейчас штаб-квартира.

— Долго ещё?

— Минут сорок. Эй, Джавид! За сорок минут доедем?

— Долетим, — отозвался чернявый Джавид, и машина веселее запрыгала по плохой дороге.

Максуд прикрыл глаза, а Бен, стараясь выглядеть равнодушным, вовсю смотрел по

сторонам.

Постепенно окрестности приобретали всё более обжитой вид. Дома по обеим сторонам от дороги уже не напоминали черепа мёртвых животных. Почти все окна тускло блестели стёклами, обшарпанные фасады от тротуаров до второго этажа, а местами и выше были сплошь покрыты разноцветной мазней. Почти всё, на что падал взгляд, пестрело картинками, зачастую по-детски примитивными, бестолковыми и красочными. Целые кварталы безыскусных комиксов без конца, без начала, и ни одной буквы, ни единой надписи. Язык арси не имеет письменности. На арси ничего нельзя написать и прочесть нельзя. Поэтому удивлённый зритель мог наблюдать только нагромождение пиктограмм.

Бенджамиль насчитал три основные тематики рисунков: генитально-эротическую, с торчащими от окна к окну чудовищными фаллосами, батально-эпическую, со стреляющими людьми и горящими машинами, и мистико-эзотерическую, с крестами, крылатыми бородачами и беременными женщинами, вписанными в радужные круги и треугольники. Иногда стены домов украшались подобием стилизованных портретов. Примерно так первоклашка Бенни Мэй рисовал на интерактивном планшете картину «папа, мама, я и роботесик». Совсем редко попадались звери и птицы.

Посреди этой феерии цветowych пятен Бенджамиль видел женщин, совсем пожилых и не очень. Они сидели прямо на выщербленных ступенях широких каменных лесенок, зачем-то пристроенных возле подъездов. Бенджамиль видел экстравагантно одетых мужчин и молодых женщин. Бенджамиль видел цветные стайки детей, игравших на тротуаре. Проезжая мимо, Джавид весело им бибикал, а дети весело кричали вслед машине:

— Пошёл на х..., чирок!

Никто никого не бил ногами, никто ни в кого не стрелял. Всё выглядело обыденно и совсем не страшно, даже невоспитанные дети.

Уже начинало смеркаться, когда они подъехали к стоящему особняком зданию под высокой кровлей, и Максуд велел остановить машину.

— А ты разве не прямо к яфату? — спросил Джавид, сворачивая к обочине.

Максуд, задумчиво покачал головой:

— Сначала зайду к преподобному, жгут поставлю, а ты пока доложи, чтобы всё честь по чести. Скажи яфату: «Макс привёз важные слова от Макароны». Да, кстати, ты достал то, что я просил?

— А то! — Джавид вытащил из-под сиденья пузатую коричневую бутылку и передал Максуду. — Как забивались.

— Молодец, — сказал Макс, с удовольствием разглядывая этикетку. — С меня причитается. Дай тычину. Бен, ты со мной?

— Куда же я денусь? — пробормотал Бенджамиль, отворяя помятую дверку.

Под огромным жёлтым крестом, нарисованным на почерневшем от времени кирпиче, Максуд остановился, с помощью складного ножа открыл свою пузатую бутылку, хлебнул прямо из горлышка и протянул бутылку Бену.

— За твою удачу! — сказал он, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Теперь уже можно.

Изрядный глоток горьковатой пахучей жидкости обжёг гортань и губы, на глаза навернулись слезы, и Бен почти сразу слегка захмелел. Прежде чем войти в храм, они приложились ещё по разу, и Максуд толкнул дверь. Высокая, изрезанная крестами створка с натужным скрежетом отползла в сторону, пропуская посетителей, и Бенджамиль оказался в просторном, но вместе с тем компактном помещении. Два ряда восьмигранных колонн поддерживали свод высоченного потолка, их длинные, плавно изогнутые капители терялись во мраке. Высокие стрельчатые окна, большей частью забитые кусками непрозрачного пластика, в этот предзакатный час пропускали совсем мало света, и огромная зала освещалась лишь дрожащими огоньками диковинных светильников, как попало расставленных по каменному полу. Никаких люминофорных пластин. Пахло пылью и тёплой

копотью.

Стараясь не наступить на голубоватые россыпи светлячков, Бенджамиль сделал несколько неуверенных шагов и остановился рядом со своим провожатым. Видимо, показывая товарищу, как надо себя вести, Максуд неторопливым отчётливым жестом поднял руку, старательно коснулся большим пальцем лба, подбородка, обоих уголков губ, затем низко склонил голову и прошептал:

— Да восславится имя Яха и братьев его. Да воздастся детям его по грехам и заслугам...

— Да восславится имя... — начал повторять Бенджамиль, но тут кто-то легко коснулся его бедра, и он, вздрогнув, быстро обернулся.

Из темноты на него смотрела красивая молодая женщина в прозрачной накидке, прикрывавшей лоб и щеки. Тёмная ткань короткого платья плотно обтягивала её огромный живот, разбегаясь на бока тугими лучиками складок. По мягким припухшим губам беременной блуждала туманная бесовская улыбка. Они будто старались и никак не могли вытянуться в дудочку, вздрагивали, дразнили. В блестящих глазах плясали синие огоньки.

— Не желаешь причаститься, красавчик? — Слова поплыли вокруг головы Бенджамилia завитком пьяного дыма.

Женщина приподняла ладонями полные груди.

— Не сейчас, Вирджи!

Голос Максуда вернул Бенджамилia к реальности.

— Не сейчас, — повторил Максуд. — Он заглянет к тебе позже.

— Ловлю на слове. — Вирджи блеснула зубами и неслышно растворилась в полумраке.

— Служанки Господа, — понижая голос, сказал Макс. — Потом... если хочешь...

— Чего потом? — не понял Бен.

Несколько секунд они с Максом недоуменно смотрели друг на друга.

— Не важно... — наконец сказал Максуд. — Пошли в алтарь.

«Куда пошли? — подумал Бен. — По-моему, впереди стена». Глаза его постепенно привыкли к плохому освещению, он сносно различал окружающее и видел, что дорожка из огоньков упиралась в тёмный монолит безо всяких намёков на дверь или коридор. Максуд был уже возле этой стены.

— Проклятье, — тихо говорил, щупая перед собой руками. — Сгорит здесь всё однажды к х...ям кукурузным... А! Вот!

И Бенджамиль увидел, как в непроницаемом мраке обозначился светлый треугольник.

— Сюда, — позвал Макс, заслоня треугольник широкими плечами.

Как выяснилось, помещение храма Чероки состояло из нескольких частей. Тяжёлая занавесь из плотной ткани отделяла алтарь от всего прочего. Широкий зал здесь сужался, переходя в зал поуже, с полом, приподнятым на три или четыре ступеньки. В глубине возвышения стояло огромное кресло с грудой тряпья, сваленной на сиденье, а по бокам от него — несколько грубо сваренных треног, увенчанных газовыми горелками, похожими на многохвостые бутоны тропических цветов. Здесь было ощутимо светлее, и Бенджамиль, остановившись посреди этой самой алтаря, смог наконец осмотреться внимательнее. Внутренности храма, само собой, украшало великое множество рисунков: крылатые люди, кресты, беременные дамы, эрегированные члены и распахнутые вагины. Стрельбы и оторванных рук было ощутимо поменьше, зато Бенджамиль увидел здесь надписи. Художник, как смог, попытался запечатлеть сказанное на арси с помощью франглийских и вест-европейских букв. С трудом разбирая некоторые слова, Бенджамиль прочёл: «И воссияет власть Божья, и прахом падёт мирская...», «...Божья мать грядущая, пречистая мыслями и желаньями своими...», «...Путь по светлой радуге...», «Славься, Разрушитель, путь начавший отсюда, и Зачинатель, путь начавший от края...». Вдоль стен храма, отсвечивая пыльными боками, громоздились несметные полчища пустых бутылок. Между колоннами гроздьями болтались пластиковые фаллоимитаторы, гирлянды пивных банок, стреляные гильзы на нитках. Всё это было странно и жутковато-забавно. Бенджамиль

представил себе, как бравые мужчины с охалками искусственных членов быстро лазают по стенам, и его губы невольно растянула улыбка.

Громкий голос, отразившийся эхом от высокого свода, заставил Бенджамилia вздрогнуть:

— Отче преподобный! Благослови слугу Божьего Максуда, честного отпрыска из помета Чероки, и фатара его, Бенджамилia из помета Бентли!

Бенджамилia обернулся. Его друг уже стоял на возвышении в трёх шагах от кресла. Груда тряпья на сиденье вдруг шевельнулась, закричала и села, оказавшись невысоким замызганным старикашкой с синюшным опухшим лицом. Некоторое время старик молча сидел, покачиваясь из стороны в сторону, потом зыркнул на Максуда снизу вверх заплаканным глазом и проговорил хриплым, но отчётливым голосом:

— Чего надо, чирок? Ты кто?

— Я Максуд, преподобный отче, — сказал Макс терпеливо. — Ты меня знаешь.

Старик с сомнением воззрился на собеседника и стал медленно расцветать желтозубой улыбкой.

— А! Максик! Радуйся, сынок, — сказал он наконец. — Чего надо?

— И ты радуйся, отче, — ответил Макс. — Вот зашёл спасибо отжечь Господу и стекло освятить, как и собирался.

— Стекло принёс? — Глаза старика заблестели.

Вместо ответа Максуд поболтал бутылкой.

— Ага, — сказал старик.

Повозившись, он вытащил откуда-то из-за спины помятую металлическую кружку и протянул Максуду:

— Давай!

Максуд открыл бутылку и щедро плеснул в подставленную тару. Старикашка пошевелил большим носом, раскрыл пасть с неровным частоколом длинных зубов и разом опрокинул в неё содержимое кружки. Сначала Бену показалось, что преподобного вот-вот стошнит, Максуд даже предусмотрительно отступил в сторону, но старикашка и не думал расставаться с проглоченным спиртным. Его покорёжило с полминуты, потом он крякнул и удовлетворённо заявил:

— Молодец, чирок. Люблю старое пятизвездочное пойло. От местной отравы с души воротит. Плесни ещё.

Максуд не замедлил исполнить его просьбу, и старикашка приложился вторично.

— Не рано ты собрался святить себе стекло? — спросил он, отставляя кружку в сторону. — Сколько тебе?

— Тридцать два, преподобный отче, — сказал Максуд. — Но полгода назад мне был знак. Ты сам велел приготовить стекло на всякий случай. А мне ведь из-под дерьмовой самогонки даром не надо, ты, преподобный, и сам знаешь.

«Если бы я, будучи в аутсайде или в „воротничке“, так часто повторял „преподобный“, то разорился бы на одних штрафах за нецензурщину», — подумал Бенджамилia, переступая с ноги на ногу.

— Знаки, знаки, — проговорил старик с лёгким раздражением в голосе, — ебн...сь все на этих знаках. Ладно, давай сюда свою драную бутылку. Сделаю, как просишь. Завтра заberi. А это кого ты привёл? — Старик наконец заметил Бена.

— Скорее уж он меня привёл, — сказал Максуд. — Это мой фатар, отче. Его зовут Бенджамилia, он из Бентли. Он здорово выручил меня в буфере.

— Хороший у тебя фатар, — одобрил преподобный, внимательно рассматривавший Бенджамилia сквозь щёлки опухших век. — Друг до самой смерти. Иди сюда, Бенни из Бентли! Выпей стопку с глашатаем Божьим, окажи честь!

Максуд чуть заметно кивнул, и Бенджамилia волей-неволей пришлось подняться на три ступеньки и подойти к креслу.

— Где таблетки, отче? — спросил Максуд, озираясь по сторонам. — Хочу жгут

поставить Яху и грядущей Богородице.

— Там. — Старик махнул куда-то в сторону. — В углу корзина.

Максуд, кивнув, шагнул прочь из освещённого круга, а Бенджамиль остановился возле кресла, не зная, что делать дальше. Ему было не по себе под взглядом весёлых слезящихся глазок. А старик лишь молча улыбался, скаля длинные зубы. Максуд где-то за спиной зашурудил по полу жестяной посудой и негромко щёлкнул зажигалкой. Бенджамиллю хотелось обернуться, но он не мог отвести взгляда от лица преподобного. С минуту длилась эта игра в гляделки, потом старик усмехнулся и опустил глаза. Он завозился, отыскивая свою кружку. Заскрипела пробка, звонко забулькало в горлышке, и волшебная жидкость заплескала по металлическому доньшку. Наполнив кружку едва не до самых краёв, преподобный молча протянул её Бену. Бен взял кружку и всё-таки обернулся на Макса. Тот стоял подле ступеней, держа в пальцах маленькую жестянку с колеблющимся огоньком, его умные, широко расставленные глаза смотрели на Бена внимательно и серьёзно. Неизвестно, что думал про себя Максуд, но Бенджамиль подумал, что пить придётся по-всякому. Он перевёл взгляд на преподобного, вернее, на его сизый, в красных прожилках нос, внутренне содрогнувшись, торжественно поднёс кружку к губам и сделал осторожный глоток.

— Треху, — почти неслышно сказал старик.

Бенджамиль проглотил обжигающую жидкость, хлебнул ещё раз и ещё.

«И всего-то! — подумал он с облегчением. — Если за весь вчерашний день я не подхватил никакой заразы, то уж сегодня не подхватю и подавно».

Изрядно повеселевший Бен вернул старику наполовину опустевшую кружку. В это время за занавеской завозились. Бенджамиль опять обернулся и увидел входящего в алтарь Джавида.

— Прости, отче, — сказал парень, слегка кланяясь и касаясь лба и подбородка. — Яфат хочет видеть Максуда.

— Пусть его, — отозвался преподобный. — Иди к яфату, Макс, да не забудь зайти за стеклом. А с твоим фатаром я ещё побеседую, если ты не против.

— Э... — Максуд на секунду смешался, но тут же взял себя в руки. — Как хочешь, преподобный. Бен, я пришлю за тобой кого-нибудь.

Максуд кинул на товарища многозначительный взгляд, перекрестился и вслед за Джавидом вышел из алтаря.

Оставшись один на один с Бенджамилем, старик вдруг как-то помрачнел и насупился. Отхлёбывая из своей кружки, он поглядывал на своего невольного компаньона внимательно и сердито, будто пытался запомнить его лицо или разглядеть в нем какие-то неприметные черты, а когда Бенджамиллю это стало надоедать, неожиданно заявил:

— Я чувствую в тебе силу, Бен из Бентли, вижу твою ауру, носом чую, что должен поцеловать твою обувь, но не стану. Ты мне не хозяин. Ты сам себе не хозяин. Хотя внутри у тебя костёр и я ощущаю его тепло. Что у тебя на уме, парень? Хотел бы я знать.

Старик залпом допил остатки спиртного и сказал проникновенно:

— Посиди немного со стариком. Удели мне пять минут твоей вечности. Если бы у меня были внуки, было бы что им порассказать. — Он вздохнул. — Это такое бл...во — быть ртом Господа. Уж лучше быть его х...ем... Не так ли?..

Похоже, старик стремительно пьянел. Некоторое время он сидел, мотая опущенной головой, потом хрипло произнёс, не глядя на Бена:

— В первый день... — Преподобный мучительно икнул. — В первый день сотворения, когда девять цифр сложатся вместе, выйдет Разрушитель из тверди земной! И явится он в мир, и ввергнет мир в хаос. Мёртвые пауки доплетут свою паутину, и солнце, зачатое на востоке, встанет на западе. И всё смешается в мире, первые станут последними, а последние — первыми. Будет огонь и будет кровь! Середина разорвёт края, а края пожрут середину! — Старик уже выплёвывал сгустки слов, с его губ летели брызги слюны. — И продолжится хаос шесть лет, шесть месяцев и шесть дней, а потом падёт на мир великая скорбь, и продлится она до тех пор, пока не спустится с неба великий Зачинатель, молодой Бог,

зачатый Разрушителем и рождённый Богоматерью грядущей! И будет имя ему Лад-Агиль. И станет он первый среди Братьев своих, и затмит он и Яха, и Йясса, и Дея, и Алльяха. И перекинет он с неба на землю мост незримой радуги, и станет учить радости народы земные. И всякий, кто имеет свет радости в душе своей, возрадуется и двинется путём незримым в мир наилучший, а неимущие радости утонут в мрачном своём гноище! — Преподобный опять мучительно икнул и закончил шепотом: — Так говорю тебе я, Расул, глашатай Божий...

Затем старик, пьяно хихикнув, поманил Бена пальцем. Отступивший было назад Бенджамиль опять приблизился к креслу. Старик смотрел куда-то вниз. Бен тоже опустил глаза и увидел, как по штанам преподобного быстро растекается тёмное пятно. В наступившей тишине было отчётливо слышно, как тонкая струйка полилась на каменный пол. Бен почти отпрыгнул назад. Старик зашёлся в хохоте.

— Боишься благословения Божьего?! — заорал он, хлопая ладонью по резному подлокотнику.

Бенджамиль с ужасом смотрел на пол, на старикашкины ботинки, на лужицу, натекающую под стоптанной подошвой. Что-то тускло блестело там, между массивными ножками, что-то, кроме лужицы из благословенной мочи пророка. Что-то, наполовину прикрытое свисавшей с сиденья тряпкой, что-то такое, отчего волосы шевелились на затылке. Тряпка скользнула вниз, и Бенджамиль увидел возле правой ножки большую, как аквариум, стеклянную банку, из которой смотрело мёртвыми глазами жуткое почерневшее лицо с разинутым ртом и клочковатой чёрной бородой. Бенджамиль шагнул назад, едва не упал на ступеньках и бросился вон из алтаря, сшибая ногами напольные светильники.

Выскочив наружу, он остановился, бессмысленно озираясь. Потом сжал ладонями виски и двинулся куда-то вдоль тротуарного бордюра.

Глава 17

«Подумаешь, полоумный старикан! Подумаешь, голова в банке!» — уговаривал себя Бенджамиль Мэй, шагая вдоль обочины тротуара.

От пережитого испуга хмель почти без остатка улетучился из его головы, а вечерняя прохлада постепенно утихомирила готовый сорваться в тартарары рассудок. Бенджамиль уже почти убедил себя в том, что нет ничего ужасного в какой-то там заспиртованной голове. Более того, он понимал, что лучше всего вернуться к дверям храма, где его должен искать человек, посланный Максудом, но непослушные ноги продолжали нести его прочь. Куда угодно, только бы подальше от безумного старикашки, подальше от искусственных членов, от головы в банке. И он бездумно продолжал идти навстречу сгущавшимся сумеркам, пока позади не раздалось нарастающее гудение мотора. Какая-то машина быстро нагоняла Бенджамиля. На мгновение у него возникло желание броситься наутёк, но он справился с секундной слабостью и ни на йоту не ускорил шаги. Раздался знакомый гудок, Бенджамиль оглянулся и сначала увидел залепленные скотчем фары, потом улыбающуюся физиономию Джавида с сигаретой в зубах.

— Хорошо, что я тебя нагнал, — распахивая дверцу, сказал Джавид. — А то Макс с меня шкуру бы спустил к долбаной матери. Садись скорее.

Бенджамиль залез на сиденье, и они сразу тронулись. Желтоватый уютный свет фар прыгал по глубоким асфальтовым трещинам. Сумерки вокруг как-то сразу сгустились, и Бенджамиль, почти успокоившись, думал: экая важность — голова в банке. Джавид весело крутил руль и говорил, не выпуская из зубов жёваную сигарету:

— А я, как Макс приказал, сначала заехал в храм. Девки Господние возятся с преподобным, преподобный напричащался так, что одной ногой уже на пресветлой радуге, лыка не вяжет абсолютно, о мирском говорить не может, зато всякие пророчества из него так и валятся. Девки мне говорят: «Он ушёл уже навроде». Ну, я за руль. По какой дороге ехать, думаю. — По короткой или по длинной? Кинул монету — вышло по длинной. Вот тебя и

догнал. Пособил, значит, Господь! А ты, пульпер, ещё тот оттопырок! По Алихаусу ходить в буфовском трэнчике! Святая Богоматерь! Хорошо, что я тебя догнал...

Бенджамиль слушал, улыбался и думал о том, что он вообще не знал, в какой стороне находится дом Максуда. А ещё он думал, что заспиртованная голова — в сущности, пустяк.

Джавид остановил машину возле трехэтажного дома, сплошь разрисованного крестами вперемешку с горящими машинами.

— Вот этот подъезд, третий этаж, квартира номер одиннадцать, — сказал он, сплёвывая в темноту и закуривая новую сигарету. — Курить будешь?

Бенджамиль покачал головой.

— Макс тоже редко курит, — сказал Джавид то ли с сожалением, то ли с завистью. — Ладно, бывай, Бен. — Он протянул руки традиционным крестом. — Максуду не говори, что я опоздал, ладно?

— Ладно, — пообещал Бен, пожимая крепкие ладони.

Молодой ситтер хлопнул дверкой, бибикнул и укатил, а Бен вошёл в хорошо освещённый подъезд, разрисованный всё теми же крестами и машинами. Он поднялся на третий этаж, у двери номер одиннадцать остановился, по привычке поискал глазами панель интеркома и, не найдя, постучал костяшками пальцев.

— Входи! — крикнул изнутри голос Максуда.

Бенджамиль толкнул дверь и вошел в просторную неприбранную комнату с высоким потолком. Максуд в пыльных ботинках возлежал на смятой постели. Он курил, задумчиво выпячивая подбородок. В комнате пахло затхлостью и табачным дымом. При виде Бена Максуд радостно улыбнулся и привёл себя в вертикальное положение.

— Ну наконец-то! — сказал он. — Я уж думал, преподобный тебя в церкви оставил причащаться. Кстати, никогда не стучись в двери, здесь это не принято. У нас закрывают двери, только когда хотят потрахаться, да и то не всегда.

Максуд хохотнул и быстро поднялся на ноги. Подойдя к столу, заставленному грязной посудой, он ткнул дымящийся окурок в одну из тарелок.

— О чём толковали с преподобным?

— Да так, — уклончиво ответил Бен. — О каком-то разрушителе, о хаосе, о зачатом на востоке солнце, которое почему-то всходит на западе.

Максуд удивлённо приподнял брови.

— Про солнце и хаос — это из Великого Откровения, — сказал он, быстро взглянув на товарища. — Кое-кто думает, что это сказано про русских из Байкальской Автономии, вроде как именно они затеют великую свару.

— Они ж сейчас смирные, — с сомнением сказал Бен. — Сидят в своей Сибири, никого не трогают. Чайники их здорово поприжали.

— Вот уж не знаю. — Максуд ухмыльнулся. — Сам я с русскими не встречался, но яфат несколько раз проворачивал с ними дела, он и ещё Салех Мышеловка. И оба они говорят, что им пальца в рот не клади, откусят по локоть. Русские давно интересуются перспективными разработками в военной сфере. Так что насчёт подянки у них не заржавеет.

— Кинуть подянку, — задумчиво повторил Бен. — Может быть, ты и прав... Кинуть подянку чайникам...

В голове вертелось что-то важное, что-то созвучное со словами Макса, какое-то совсем недавнее неуловимое воспоминание.

— И чем же кончилась ваша беседа? — с интересом спросил Максуд.

Бен пожал плечами:

— Да так... он меня благословил, и я... — Бенджамиль едва не сказал «пошёл», но вовремя спохватился, — и тут Джавид приехал.

Максуд кивнул с самым серьёзным видом:

— Выпить хочешь?

— Не помешает, — неожиданно для самого себя сказал Бен.

Максуд порылся на столе, выбрал пару стаканчиков и достал из кармана плоскую блестящую фляжку. В этот раз жидкость была не коричневой, а прозрачной и пахла остро и терпко. О первого глотка у Бенджамилля перехватило дыхание, на глаза навернулись слезы. От второго глотка потеплело на сердце, а от третьего голова под креслом пророка начала действительно казаться чем-то неважным. Максуд похлопал Бена по плечу:

— На вот, закуси. — Он протянул Бену плоскую жестяную банку, предварительно выхватив из неё пальцами серый блестящий пластик.

В банке плотным полукольцом лежали ломтики консервированной рыбы. Весьма дорогое лакомство. Хотя для Максуда консервированная рыба, похоже, не являлась чем-то особенным. Бенджамилль огляделся в поисках вилки, не нашёл ничего подходящего и по примеру своего фатара полез в банку пальцами.

— Час назад я был у яфата, — говорил Максуд, с наслаждением двигая челюстями. — Он объявляет большую войну с Кабуки. Теперь, когда дело сделано, я могу говорить об этом прямо. Кабуки в последнее время начали часто становиться на нашей дороге, теперь им п...ец. Я не могу посвящать тебя во все тонкости политики, но в десять яфат ждёт нас на военном совете. Ты тоже приглашён, и мы уже слегка опаздываем.

Мэй едва не подавился пряным волокнистым кусочком.

— Макс, какого черта?! — от волнения Бенджамилль заговорил на цивилирном. — Что я буду делать на совете? Что я буду там говорить? Я не хочу ни на какой чёртов совет!

— Говори на арси, — строго сказал Максуд, — и не поминай черта, у нас не принято грубо выражаться. Я шучу про совет. На самом деле там будет вечеринка, светский раут («светский раут» Максуд сам сказал на цивилирном и улыбнулся). Яфат срочно собирает у себя всех пачей и диспетчеров. Будет, как всегда, выпивка и угощение, а между выпивкой и закуской чирки поговорят о предстоящей войне, так, в общих чертах. Яфату я сказал, что ты Бентли и мой фатар, само собой, он захотел тебя увидеть. Совсем необязательно, что Бентли вмешаются в нашу ссору с Кабуки, вмешиваться в войну двух семей даже незтично, но Бентли наши друзья, и это никогда не лишне подчеркнуть. Так что доедай рыбу, а я посмотрю для тебя одёжку попрличней. Не идти ж тебе к яфату выраженным в трэнчик с драными карманами.

Раскидывая ногами в стороны валявшиеся на полу стулья, Максуд двинулся в соседнюю комнату. Скоро он вернулся с охапкой разнообразной одежды.

— У нас, похоже, один размер, — сказал он, сваливая свою ношу на кровать и выживая из пёстрого вороха сорочку, разрисованную, будто стена в подъезде.

— А это обязательно? — уныло спросил Бенджамилль.

— Обязательно, обязательно. Снимай своё отрепье.

Понимая, что Макс, наверное, прав, Бен снял с себя куртку.

— И рубашку снимай! — распорядился Максуд. — И брюки!

Бенджамилль согласился поменять рубашку, но брюки отказался снимать категорически. Ему жутко не хотелось надевать ни клёпанные лосины, ни бесформенные шаровары в полоску, ни блестящие штаны с огромными карманами на коленях. Кроме того, собственные брюки вдруг стали казаться ему последним бастионом между Сити и Бенджамиллем Мэем. В конце концов Максуд был вынужден согласиться с тем, что Беновы брюки выглядят достаточно прилично для светского раута и что они практически не запачканы.

Перебрав все варианты, Бен остановил свой выбор на свободном синем френче с золотой вышивкой на спине, а из предложенных рубашек выбрал чёрно-жёлтую, изукрашенную множеством шестиногих жуков с блестящими точками вместо глаз. Максуд в целом одобрил его выбор.

— Скромно, но со вкусом, — сказал он, усаживаясь на кровать. — А это что у тебя? Амулет?

— Амулет, — подтвердил Бен, поспешно застегивая рубашку с жуками.

— Никогда не замечал, чтобы корпи носили амулеты, — задумчиво сказал Максуд. — Ну и как? Помогает?

— Помогает.

— Значит, хороший амулет. Эй! Погоди секунду! — Максуд вытащил из-под стопки одежды обмотанный ремнями треугольный чехол. — Последний штрих. Разведи-ка руки.

Бенджамиль послушно поднял руки, а Максуд принялся сноровисто затягивать ремни, прилаживая чехол на левый бок. Закончив работу, он взял со стола Бенов пистолет и вложил его в кобуру, потом отступил назад, удовлетворённо любуясь своей работой.

— Что это? — спросил Бен, недоверчиво разглядывая сооружение из плотного пластика под своей левой подмышкой.

— А что? Хороший поддырник! — Максуд улыбнулся. — Настоящему ситимену не пристало таскать дыру за брючным ремнём.

— Непривычно как-то, — пробормотал Бен.

— Носи, фатар, и не ежься, — сказал Максуд, поправляя кобуру. — Маленький подарок. На память.

Если френч и рубашку Бенджамиль воспринял как должное, то светло-жёлтый, приятный на ощупь поддырник подействовал на него странным образом. Ему сразу стало казаться, что просто необходимо сделать Максуду ответный подарок. Но у него ничего не было, кроме пистолета и оракула. Дарить пистолет было бы невероятно глупо. А оракул... Чуткий Максуд не позволил сомнениям Бена перерасти в опасную уверенность. Ткнув названного брата кулаком в живот, он заявил, что никаких отказов не примет и что если Бен не хочет нанести ему смертельное оскорбление, то Бен заткнётся, будет носить ствол в кобуре и поминать фатара добрым словом. И не надо никого благодарить, это в Сити не принято. Бенджамиль вздохнул, но, что возразить, не нашёлся.

— А что я буду говорить на этом драном совете? — спросил он, с безотчетным удовольствием прикасаясь к висящему под мышкой пистолету.

— На совете? Да ничего особенного тебе и не придется говорить. Ну... представлю тебя яфату, познакомлю с десятком-другим пульперов...

— А что, если меня спросят, что я делал в буфере или как туда попал?

Максуд засмеялся.

— Ни один ситтер, имеющий хоть какое-то представление о шарафе, не станет задавать таких дурацких и позорных вопросов, — сказал он, с интересом разглядывая Мэя блестящими глазами. — Если был, значит, по делу. Если попал, значит, через норку.

— Через какую норку?

— Ты думаешь, Бентли бегают докладывать мне, по каким каналам ходят в буфер? — Максуд восторженно покрутил головой. — Ну ладно! Значит, так. Бентли контролируют территорию юго-восточных ворот, по-моему, где-то там неподалёку у них есть нора. Тем более, что ты позавчера действительно был у юго-восточных и место себе представляешь. Если кто спросит, смело говори про юго-восток, а будет совать нос дальше — посылай к черту.

— К чёрту нельзя, — серьёзно сказал Бенджамиль. — У вас в Сити это дурной тон.

Максуд опять засмеялся.

— Главное, не мельтеши, — сказал он ободряюще. — Очень может быть, у меня получится переправить тебя в аутсайд нынешней ночью, сразу после совета.

Через десять минут приятели, торопясь, шли по скудно освещённой улице. Они уже изрядно припозднились, но из объяснений Максуда Бенджамиль понял, что резиденция яфата располагается где-то совсем недалеко, буквально в десяти минутах хорошего хода. Кроме того, Макс утверждал, что не помнит ни одного военного совета, который бы начался вовремя.

Осенние слоистые сумерки давно сменились самой настоящей ночью. Небо висело над головой, пробитое тысячей булавочных ударов. В аутсайте и в «воротничке», где всегда много фонарей и световой рекламы, почти никогда не видно звёзд, и Бенджамиль, рискуя запнуться, задирает голову к небу, любуясь недостижимыми светилами. А может, и правда,

думал он, никакие это не шары раскалённого газа, а просто маленькие дырочки в гигантской чёрной чаше, которой закрывается сверху наша плоская планета? Быть может, те, кто придумал эту чашу, наковыряли в ней дырок, чтобы было удобнее следить за нами, ничтожными? Чтобы никто не увидел их лиц, они опускают чашу, плотно прижимают её края к краям мира, потом прижимаются носом к её гладкой холодной поверхности и часами глядят вниз.

Вокруг было тихо, только каблуки ботинок звонко стучали по асфальту, да вдалеке всё отчётливее звучала напористая громкая музыка.

По мере приближения к дворцу яфата музыка становилась всё громче. На дороге начали попадаться фонари, обвешанные целыми гроздьями люминофорных пластин и похожие на диковинные деревья. Ни о какой темноте и тишине речи уже не шло. Когда Максуд и Бенджамиль подошли к высокой, рыжей от ржавчины ограде, какофония звуков била по ушам, а куски светящихся пластинок были повсюду: на ажурных завитках покосившихся ворот, на ветках кустов, на обочинах дорожек, на изъеденных временем колоннах.

Упоминая о резиденции своего яфата, Максуд говорил слово «пляца», что буквально обозначало очень хороший и большой дом, но то, что предстало перед глазами Бенджамиль, действительно полагалось называть дворцом. Старое здание стояло посреди большого, запущенного и грязного парка; когда-то давно оно блистало настоящей роскошью, да и сейчас всё ещё выглядело впечатляюще. Центральная часть с колоннадой венчалась треугольным фронтоном и была освещена лучше, чем всё прочее. Бенджамиль рассмотрел там даже какие-то лепные узоры, бегущие по карнизу. Два крыла, расходившиеся в стороны, терялись в непроглядной темноте парка. Верхушка фронтона тоже тонула во мраке. Центральная часть дворца была трехэтажной, но, судя по всему, это были очень высокие этажи. Бенджамиль даже представить себе не мог, кому и зачем могли понадобиться такие просторные помещения, особенно в старину. Высокая каменная лестница вела к террасе и колоннаде. На лестнице, прямо на широких ступенях, сидело и лежало с полсотни мужчин и женщин, и вообще возле дворца было весьмалюдно. Со всех сторон гремела и стучала музыка, издаваемая не одним, а сразу несколькими саундбластерами. Сбоку от мощённых каменной плиткой дорожек то тут, то там стояли на земле большие металлические бочки с продырявленными боками. В бочках, будто зверь в яме, ворочалось и трещало живое оранжевое пламя. В беспокойстве нерастраченной ярости оно гудело, сыпало вверх искрами, горячими жадными языками пыталось лизать лица склонившихся над ним людей и нижние ветки сухих деревьев. Вокруг бочек курили, танцевали, пили прямо из бутылок, целовались, щупались, держали над огнём какие-то палочки или просто сидели кружками на корточках, время от времени разражаясь взрывами пьяного смеха. С правой стороны парка слышались заглушаемые громкой музыкой стоны и вскрики — там кто-то любился исступленно и неистово. Слева всё было достаточно целомудренно. Там, в глубине парка, виднелась освещённая прожектором площадка, на которой Бенджамиль, к немалому своему удивлению, разглядел пару прыгунов — красный и бежевый, а поодаль, на границе тьмы и света, ещё один, неопределённого цвета. Кто-то звонко кричал под музыку, пытаясь подражать исполнителю стиля «стробо». Сыпался женский смех.

Максуд и Бенджамиль сложной траекторией двигались сквозь пёстрый шумный хаос. Максуда то и дело окликали какие-то люди, он махал рукою, смеялся, что-то отвечал на ходу. Миновав последние огненные бочки, они наконец добрались до лестницы и стали быстро подниматься наверх. Макса здесь тоже узнавали, здоровались, спрашивали, как дела, раздвигались, освобождая дорогу.

Добравшись до самой верхней ступеньки, Бен остановился и поглядел вниз. Максуд потянул его в глубь террасы, к одной из широких двустворчатых дверей с фрамугой.

— Что они празднуют? — спросил Бен, оборачиваясь.

— Войну с Кабуки. — Максуд засмеялся. — Считаю, что это преддверие военного совета. А вообще, здесь частенько бывают подобные толкучки. Толочься любят все,

особенно если яфат угощает. Пошли, нас ждут.

Прямо на остеклённой двери был нарисован разлапистый крест, а фрамугу пересекала надпись, сделанная франглийскими буквами: «С нами Бог!» Внутри просторного вестибюля, перед лестницей с побитыми балясинами, стояли несколько мужчин в дефендерах и с короткоствольными автоматами на ремнях. При виде Максуда они расступились в стороны. Макс хлопнул кого-то по плечу, кому-то подмигнул и побежал наверх. Бен старался не отставать. На ходу он думал, что мужчины в вестибюле — это, наверное, охрана, и ещё думал о том, что у него под мышкой висит внушительный ствол, до которого охране, видимо, нет никакого дела. «Странные люди, странная логика, — думал Бен, прыгая со ступеньки на ступеньку. — Или их яфат настолько смел, или настолько глуп, или настолько популярен? Ничего я не понимаю в этом чёртовом Сити».

Второй этаж оказался освещён гораздо хуже, чем первый.

— Яфат не любит яркого света, — объяснил Максуд, увлекая Бенджамилля через полутёмную залу к приоткрытой двери, из-за которой слышались оживлённый гомон и неразборчивые выкрики.

Бенджамиллю сделалось страшно. Ему вдруг показалось, что там внутри жуткое пиршество полумифических каннибалов. Представились слюнявые пасти с клыками, размалёванные чудовищные маски, чёрная человеческая голова на блюде, но дверь раскрылась, и Бен увидел перед собой высокий и длинный зал, мало чем отличавшийся от предыдущего. Света было действительно маловато. Верхнее освещение не горело, и вся громада необъятного помещения освещалась какими-то жалкими настольными ночниками, впрочем, собравшуюся публику это совершенно не смущало. Между столами, расставленными в две линии и сдвинутыми по три-четыре штуки вместе, толкалось человек двести. По яркости пёстрых костюмов, по экспансивности выкриков и хохота эта компания почти не отличалась от той, которая веселилась в парке. Разве что прямо на полу никто никого не имел.

Максуд, волоча за собой Бена, напористо двигался вперёд. Лавируя между пьющими и орущими вождями семьи Чероки, отвечая на приветствия, обещая выпить чуть позже, он пристально зыркал по сторонам, словно выискивая кого-то среди шумной толпы. Примерно на середине зала он встал, вытянув шею, огляделся по сторонам и, похоже, не найдя того, кого как тщательно высматривал, потянул Бенджамилля к ближайшей четверке столов.

— Вот, — сказал он, приближая свою голову к голове фатара. — Стой здесь, ешь, пей, общайся. Я скоро, — и растворился в толпе.

Оставшемуся в одиночестве Бенджамиллю стало не по себе. Но, постепенно сообразив, что на него никто не обращает внимания, он совершенно успокоился, даже принялся осматриваться по сторонам. Гулянка во дворце яфата всё же отличалась от гулянки под окнами вокруг огненных бочек. Если внизу веселилась преимущественно молодёжь, то здесь средний возраст присутствующих колебался от тридцати до пятидесяти и даже старше, просто яркие, крикливые костюмы с первого взгляда скрадывали возраст, прятали морщины, скрывали лысины, да и развязное поведение пожилых мальчишек вносило свою лепту в хитрый обман зрения. Только приглядевшись повнимательнее, Бен понял, что подавляющему большинству из подвыпивших юношей уже давно минуло девятнадцать.

Стульев в зале не было вовсе, и вся шатия-братия пила и закусывала стоя. На столах, застеленных темными неопрятными скатертями, теснились ряды бутылок, блестели гладкими боками ёмкости с пивом, точно такие же, как в заведении Гансана Маншаля. Между бутылками и пивом, услужливо разинув жестяные рты, бесстыже демонстрировали свои консервные внутренности банки всевозможных форм и размеров. Между банками на плоских разовых тарелках горками лежали остывшие ломтики жареного мяса. Судя по запаху, настоящего жареного мяса. Рот Бенджамилля моментально наполнился слюной. Отыскав на столе пустую кружку, он нацедил в неё первого попавшегося пива, подхватил тарелочку с мясом и замер на месте. Со стола, с того места, что закрывало доньшко тарелки, на него смотрел большой и задумчивый глаз. Бенджамиль машинально отхлебнул пива. Взяв

с тарелки губами чуть пригоревший волокнистый мясной ломтик, Бен отставил тарелочку в сторону и принялся сдвигать банки и бутылки. Он расчистил квадрат размером с экран рабочего терминала. Прямо на скатерти было мастерски нарисовано пухлощёкое, золотокудрое лицо ребёнка, подпиравшего рукой маленький решительный подбородок. Покрытое трещинками изображение поражало удивительной реалистичностью. Это мало походило на картинки, украшавшие фасады домов и стены храма. Бенджамиль коснулся детского лица ладонью. Поверхность скатерти была шершавой и заскорузлой.

— Хорошая толкучка! — Справа от Бенджамилля возник мужчина с болезненно худым лицом, его переносье украшали четыре кольца, продетых, по-видимому, прямо через кость. — Максуд сказал мне, что ты из Бентли и что ты его фатар. Хочу выпить с фатаром Максуда.

— Можно и выпить, — откликнулся Бенджамиль, стараясь, чтобы его голос звучал как можно дружелюбнее.

Он поднял кружку, продырявленный нос глухо стукнул в неё своим стаканом, хлебнул и уплыл куда-то вбок, пообещав сейчас вернуться. Бен проводил его взглядом и опять посмотрел на скатерть.

Выражение нарисованного лица теперь казалось скорее печальным, чем задумчивым.

— Какого дьявола?! — сказали за спиной Мэя на цивильном.

— Что? — Бен обернулся.

— Какого дьявола ты тут делаешь?!

Это было совершенно невероятно, но прямо перед Бенджамилем, набывчив жирный загрибок, стоял мастер Ху-Ху. Самый перспективный из молодых хайдраев «Счастливого Шульца» слегка покачивался взад-вперёд. На его мрачной физиономии медленно проступала смесь удивления и негодования.

Глава 18

— Я не понимаю, о чём трёт этот циви. — Бенджамиль старался смотреть на собеседника как можно более нагло и презрительно. — Я вообще по-цивильному не секу.

Он говорил, обращаясь к симпатичному сухощавому мужчине с цепкими настороженными глазками, который стоял справа от насупленного хайдрая. Сухощавый, который, судя по всему, исполнял при персоне Ху-Ху функции Бенджамилля, криво улыбался. Его явно беспокоил и раздражал разговор, заведённый патроном, но вокруг уже собралось десятка два зрителей, и он, кривя губы, уже в пятый по счёту раз переводил на арси невнятные претензии толстяка. Переводил сухощавый неплохо, но слишком осторожно и местами не точно, что вызывало в Бене волну смутного злорадства.

Зрители в спор не вмешивались, но слушали с большим интересом, зубоскаля и негромко переговариваясь. Похожие на ночных хищников, которые рассаживаются кружком в ожидании добычи, терпеливые и готовые ко всякому действию, они словно чуяли грядущее развлечение и всё подтягивались и подтягивались с разных концов зала, будто металлические опилки к сильному магниту. По мере появления новых зрителей кружок непрестанно рос и ширился. Вскоре участники спора оказались со всех сторон охвачены любопытным живым кольцом.

Бенджамиллю, который всегда остро чувствовал за спиной чужое присутствие, постоянно хотелось оглянуться, но он понимал, что делать этого нельзя. Новый переводчик Ху-Ху ощущал нечто подобное, поскольку старался совершать как можно меньше лишних движений и лишь украдкой косился по сторонам. Выслушав ответ Бена, он наклонился к Ху-Ху и вполголоса перевёл сказанное. Хайдрай слегка приподнял свою круглую голову. На секунду его злые глаза, полуприкрытые тяжёлыми веками, остановились на лице Бена и сразу скользнули в сторону. Ху-Ху был не так уж пьян, как казалось сначала.

— Какого чёрта он отпирается? — сказал Ху-Ху. — Его зовут Мэй... — Хайдрай слегка замялся. — Френкис Мэй. Я хочу знать, что он делает в Сити и как сюда попал.

Сухощавый призадумался, взвешивая в голове какие-то мысли, потом начал переводить.

— Я человек наёмный, — сказал он осторожно, и правый уголок его губ опять потянулся вверх в кривой ухмылке. — Я думаю, что мой патрон вполне мог и обознаться, но мастер Ху принимает тебя за своего знакомого по фамилии Мэй. Он хочет знать, как ты попал к Чероки.

— Твой циви просто обкурился или выпивки перебрал. Скажи ему, что я на него не сержусь. Нынче праздник. Пусть валит к своему столу и пьёт дальше. — Бенджамиль давно понял, что его может спасти только наглость, и хамил вовсю.

Сказать честно, поначалу он здорово струхнул. Он был уверен, что следом за Ху-Ху появится Ингленд. Тогда положение фальшивого Бентли наверняка сделалось бы отчаянным, но минуты шли, Ингленд всё не появлялся, и Беновы позиции упрочивались.

Дичайшая ситуация. Глупей и придумать сложно. Бен даже представить себе не мог, что может делать жиртрест Ху-Ху ночью в Сити, да ещё без привычной охраны. Или сухощавый переводчик замещает не только Бена? Что там за складки на его френче под левой подмышкой? И что за тёмные дела Ху-Ху обделывает на вечеринке у яфата, если специально для этого дал отставку Ингленду? Нанял в обход официальных каналов переводчика и телохранителя в одном лице? Чтобы всё было шито-крыто? Чтобы никто ни сном ни духом? А тут Бенджамиль Мэй! Прошу любить и жаловать! Неудивительно, что увидав Бена, хайдрай слегка сбился с ритма.

Впрочем, Бенджамиль тоже понятия не имел, что делать дальше. Вот если бы Ху-Ху сказал: «Простите, любезные, моя маленько обозналась...»

Сухощавый быстро сказал своему боссу несколько слов. Ху-Ху покачал головой.

— Я не ошибаюсь! — заявил он, сверля Бенджамиля взглядом. — Я знаю этого человека, последний раз я видел его позавчера. Я думаю, что он стоповская крыса. Он следит за мной и хочет сорвать сделку!

Чувство досады промелькнуло на лице переводчика-телохранителя. Он повернулся к Бену и начал переводить. Когда он закончил, в окружающем их кольце ситтеров кто-то сказал громко и трезво:

— А вот это уже настоящая предьява!

Лицо сухощавого стало официальным и сосредоточенным.

Бенджамиль открыл рот, ещё понятия не имея, что он станет говорить, но в этот момент в рядах ситтеров началось какое-то сумбурное движение. Бесцеремонно расталкивая зрителей, в середину круга пробрался Максуд. Следом за ним не торопясь шёл высокий худой мужчина с забранными в хвост пегими волосами и с лицом, раскрашенным цветными полосами.

— Чего там трёт эта толстая гнида?! — Фатар был зол и взвинчен до такой степени, что с него, казалось, вот-вот посыплются искры.

Сухощавый собрался воспроизвести слова хайдрая, но Ху-Ху, верно истолковав бешеный взгляд широко расставленных глаз, повторил невозмутимо и даже скучно:

— Этот человек шпион. Его нужно убить, чтобы он не провалил нам сделку.

Переводчик опять собрался переводить, но Максуд остановил его жестом.

— Я понимаю по-цивильному, — сказал он на арси. — Можешь передать своему боссу, что этот человек мой брат и я собственноручно выпущу кишки из любого жирного брюха, которое вздумает быть с ним непочтительным.

— Полегче, Макс, — негромко сказал мужчина с цветным лицом. — Жирное брюхо — наш поставщик. Не стоит говорить о нем так грубо. — Мужчина пристально поглядел на Бена. — А что скажет твой фатар?

— А что тут говорить, яфат?.. — зло начал Максуд.

— Может, он тоже знает толстяка? — перебил его яфат, не отрывая глаз от лица Бенджамиля.

В одну секунду Бен решился.

— Точно! — Он одним глотком допил пиво. — Я уже видел толстого, а он видел меня. Позавчера вечером я стоял наблюдателем у юго-восточных ворот. Жирдяй о чём-то договаривался с Кабуки, а я смотрел. Вот, собственно, и всё. Правда, узнал я его не сразу.

Яфат сказал, задумчиво поглаживая аккуратную бородку:

— Ворота — внутреннее дело Бентли. — Его лицо приняло благодушно-отеческое выражение. — Ты не обязан рассказывать мне о встречах на вашей территории, но спасибо, что предупредил.

Переводчик негромко вводил Ху-Ху в курс дела. С каждым словом хайдрай делался всё мрачнее.

— Вранье! — наконец заявил он. — Я не был в пятницу у юго-восточных ворот. И я не встречался с Кабуки.

— Он говорит, что не был у ворот, — сообщил Максуд яфату.

— А меня зовут Френкис, — вставил Бен, шалея от собственной наглости. — И я его служащий, и ещё я крыса.

— Что они говорят?! — раздражённо произнёс Ху-Ху.

— Это неважно, — сказал яфат, обращаясь в основном к переводчику. — Объясни мастеру Ху, что выдвинутые сторонами обвинения очень серьёзные. И теперь нам не обойтись без шнура.

— Пулю на шнур! — заорали вокруг сразу в несколько глоток.

Кольцо зрителей пришло в движение. Всё пёстрое собрание загомонило и засуетилось.

Краем уха Бенджамиль слышал, как Ху-Ху переспрашивает переводчика про пулю. Бен подался вперёд, пытаясь понять, о какой такой пуле идёт речь. Откуда-то вынырнуло лицо Максуда.

— Ничего не бойся. — Губы фатара обожгли ухо Бенджамиля азартным дыханием. — Ты должен драться с толстым. На всё соглашайся и не о чём не думай. Постарайся хорошо запомнить место, где сидит противник, и делай как можно меньше движений. Я буду твоим секундантом. Господь нам поможет.

Бен хотел спросить, как он, собственно, должен драться с Ху-Ху, но Максуд уже отодвинулся.

Вокруг начался полный бедлам. Пьяные ситтеры двигали столы, расчищая пространство в середине зала. И хотя Бен ничего толком не понимал, его неожиданно охватило то самое чувство, которое он уже испытывал, когда, прыгнув с балкона Виктора Штерна, медленно плыл над темным ущельем улицы, — непередаваемая смесь ужаса и восторга. Только в этот раз его парашютом была непоколебимая уверенность и наглость, огненным фонтаном бьющая из стоявшего рядом Максуда. «Неужели я и впрямь становлюсь ти-эмпатом?» — с изумлением подумал Бен.

— Одну минуту! Одну минуту! — Сухощавый переводчик поднял руку, пытаясь привлечь к себе внимание среди всеобщего хаоса. — Мастер Ху не может драться! В-первых, он не приемлет насилия, а во-вторых, если он получит ранение, то не сможет выполнять свои обязательства по сделке.

— Мастер Ху, наверное, думает, будто он наш единственный поставщик оружия. — Яфат засмеялся. — Впрочем, согласно правилам, он может выставить вместо себя одного бойца.

Максуд презрительно сплюнул на пол. Переводчик обернулся к Ху-Ху и начал ему что-то горячо объяснять. Ху-Ху, вышедший из своего обычного состояния полудрёмы, отвечал зло и раздражённо. Бен прислушивался, стараясь уловить, о чём речь. Уголок рта сухощавого опять потянуло вверх.

— ...Нет! — сказал он достаточно громко. — Теперь отказаться уже нельзя.

Ху-Ху сказал несколько слов и, отвернувшись, стал смотреть в сторону. Переводчик опять поднял руку, требуя тишины:

— Мастер Ху выставит бойца!

— Этим бойцом, надо полагать, будешь ты? — спросил Максуд на цивилинном.

Сухощавый кивнул. Он был серьёзен. Челюсти его плотно сжались, только непослушный рот всё норовил улыбнуться одним углом.

— В таком случае, — сказал Максуд, и шум вокруг моментально приутих, — в таком случае мой фатар тоже имеет право выставить бойца! — он повернулся к Бену: — И не вздумай возражать, братишка.

Вокруг одобрительно засвистели. Максуд повернулся к переводчику Ху-Ху:

— Правила знаешь?

Сухощавый опять кивнул.

— Я бывший член гильдии, — сказал он, стягивая куртку и бросая её на пол. — Я знаю все правила.

Под курткой действительно оказалась кобура с торчащей из неё рубчатой рукоятью.

— Кто будет крупье? — спросил сухощавый.

Максуд вопросительно взглянул на яфата.

— Рафаиль. — Яфат ткнул пальцем в молодого ситтера с длинной косой на затылке.

Сухощавый достал свой пистолет из кобуры и рукояткой вперёд протянул крупье. Максуд, чуть помедлив, сделал то же самое. Зажав второй пистолет под мышкой, крупье вытянул из первого обойму и принялся один за одним выщёлкивать из неё патроны. В наступившей тишине было слышно, как металлические цилиндры звонко скачут по полу. Оставив один патрон, Рафаиль вернул обойму на место и, передав пистолет яфату, проделал ту же самую процедуру с пистолетом Максуда. Двое ситтеров принялись мерить зал шагами.

— Места мало, — негромко сказал переводчик.

— Двадцати шагов нам хватит, — презрительно ответил Максуд и пошёл в центр залы.

Сухощавый двинулся следом. Ху-Ху, сложив на животе короткие ручки, напряжённо смотрел ему в спину. Его глаза были полуприкрыты тяжёлыми веками, он очень хотел казаться спокойным.

Дуэлянтам указали их места, и они сели друг против друга, подогнув ноги и выпрямив спины.

— Повязки! — сказал крупье.

Двое молодых людей быстро подошли — один к Максуду, другой к переводчику. В их руках оказались тёмные плотные повязки, которыми они завязали глаза обоим бойцам. Затем в правую руку каждого из дуэлянтов был вложен заряженный пистолет. Почти одновременно приняв оружие, оба мужчины опустили пистолеты вниз и упёрли стволами в пол.

— Шнур! — распорядился крупье.

Каждый из противников вытянул вперёд левую руку. Секунданты разошлись в разные стороны, разворачивая длинную верёвку, связанную из трёх кусков. Концы верёвки дали Максуду и переводчику. Максуд ловко крутнул ладонью, натягивая шнур, и замер. В наступившей тишине Бенджамиль слышал, как где-то рядом шумно сопит толстяк Ху-Ху.

— Готовы ли противники? — спросил Рафаиль.

— Готовы, — вразнобой откликнулись секунданты.

Двое мужчин с завязанными глазами сидели неподвижно, соединённые тонкой линией натянутой верёвки. Стихли образовавшие коридор ситтеры. Бенджамиль затаил дыхание. Упругая звенящая тишина повисла между замершими в восторженном ожидании зрителями, точно взведённый курок, точно сжатая до последней степени стальная пружина, готовая в любую секунду распрямиться, убивая, круша, калеча... Рафаиль вопросительно оглянулся на яфата. Яфат сделал полшага назад, оперся задом о край стола, застеленного скатертью с лицом грустного ребёнка, и кивнул. На его губах блуждала тонкая мечтательная улыбка.

— Фай! — крикнул крупье.

Максуд быстро выбросил вперёд руку с пистолетом, одновременно дёрнув на себя верёвку. Бенджамиль не успел понять, выстрелил ли он первым, или первым выстрелил сухощавый, или оба выстрелили разом. Он только увидел, как вспышка на короткий и яркий миг выхватила из полутьмы лицо Максуда. Ослабла и опять натянулась верёвка. Сухощавый качнулся и стал медленно валиться набок. На его голове, чуть выше повязки, расцветало

темное пятно. Две сотни глоток взорвались торжествующим рёвом. Оглушённый Бенджамиль оглянулся вправо и увидел Ху-Ху. Толстяк, выпучив глаза и хватаясь пальцами за горло, опрокидывался на стоявший позади стол. Здоровенный, голый по пояс детина, скаля зубы, тянул в стороны концы захлестнутой на шее Ху-Ху удавки, а яфат, блаженно щурясь, глядел, как судорожно сучат в воздухе короткие ножки в расшитых войлочных туфлях. Бенджамиль почувствовал, что сейчас его вырвет.

Но его не вырвало, каким-то чудом он сумел удержаться. А в следующий момент все принялись палить в потолок. Волна дикого первобытного чувства захлестнула Бенджамиля. Кажется, он орал вместе со всеми. Шокирующий, бьющий со всех сторон животный восторг стремился увлечь, утянуть его, Бенджамиля Френсиса Мэя в чёрную, жуткую, притягательную бездну. Бессознательно пытаюсь вынырнуть, пробраться к выходу, он видел, как скатывают со стола мёртвое тело Ху-Ху, как, оставляя на паркете широкий и тёмный след, волочат за ноги его телохранителя. И он, будто в мучительном сне, продирался сквозь водовороты исходящих агрессией существ до тех пор, пока перед ним не возник Максуд, единственный человек в этом зверинце, Максуд, который схватил его за плечи, встряхнул и прокричал в самое ухо:

— Пошли отсюда! Яфат будет с тобой говорить!

Глава 19

Когда они вошли в небольшой кабинет с очень высоким потолком, яфат стоял возле окна, задумчиво глядя в темноту парка, слабо расцветенную огоньками в железных бочках. В руке его дымилась наполовину выкуренная сигарета. По комнате плыл запах табачного дыма, к которому примешивался слабый аромат незнакомых специй. Яфат оглянулся.

— А! — сказал он. — Максуд! Пачи уже вымелись из зала?

— Не знаю, — ответил Максуд. — Ханни передал, что ты хочешь поговорить, и мы сразу пришли.

— Хотите покурить кухима или, может быть, выпить?

Яфат наконец повернулся к своим гостям, и Бенджамиль понял, что ломаные цветные полосы на его лице — это татуировка.

— Кухим везде одинаковый, а выпивка у тебя всегда лучшая в Сити, — улыбаясь, сказал Максуд. — Так что я лучше выпью.

Яфат вопросительно взглянул на Бенджамиля.

— Я тоже, — сказал Бен (пока они шли до кабинета, расположенного в конце левого крыла, он успел немного прийти в себя).

Яфат кивнул.

В парке закричали. Сначала один или два человека, потом крик подхватило с полсотни глоток, потом заорала, засвистела, заулюлюкала вся поляна перед центральной частью дворца. Раздались приглушенные расстоянием хлопки выстрелов. Собравшаяся у входа толпа в неизъяснимом восторге расстреливала звёздное небо. И Бенджамиль вдруг подумал, что у тех, которые смотрят сквозь дырочки в небесной чаше, не такая уж безопасная работа.

— А вот и пачи, — сказал яфат, довольно усмехаясь. — Хорошее было нынче представление.

Яфат бросил окурки в раскрытую форточку.

— Звёзды сегодня... — сказал он задумчиво и добавил, похлопав по подоконнику: — Идите ближе, парни, тут воздух свежее.

Бенджамиль и Максуд подошли к окну. Яфат извлёк из-за пазухи плоскую фляжку, отвернул колпачок и протянул Максуду. Тот почтительно, словно совершая важный ритуал, принял блестящую посудину, поднёс к лицу, понюхал и хлебнул прямо из горлышка. Глаза его увлажнились.

— Райское пойло! — Он протёр горлышко ладонью и передал фляжку Бену. — Пробуй, фатар, таким угощают только у яфата во дворце и у Яха на небе.

Бенджамиль сделал изрядный глоток и подтвердил, что выпивка классная, хотя, сказать по правде, в классах выпивки он разбирался слабо. Напиток был совершенно того же вкуса и крепости, что и в бутылке, которую Максуд отдал преподобному.

Но, наверное, это действительно была хорошая выпивка.

— Прозит, Бенджамиль, — сказал яфат, разглядывая Бена сощуренными внимательными глазами.

— Что? — спросил Бен.

— Я говорю: будь здоров, Бенджамиль, — пояснил яфат, забирая фляжку.

Он тоже хлебнул, сморщился и стал заворачивать колпачок.

— Ведь тебя зовут Бенджамиль? Я правильно запомнил?

Бен кивнул:

— Бенджамиль из семьи Бентли.

Крики и шум на площадке перед дворцом постепенно перемещались из центра в левую сторону парка. Стрельба почти утихла, лишь время от времени раздавались редкие хлопки.

— Бенджамиль — бен, забавно... — Яфат усмехнулся. — Ну что ж, Бенджамиль, сегодня Господь был на твоей стороне. Направляя руку Максуда, Всевышний изъявил свою волю, на то Он и Всевышний, а я потому и яфат, что умею менять свои планы именно тогда, когда это угодно небу и полезно для семьи Чероки. Прозит, Бен?

Бенджамиль старательно кивнул и покосился на Максуда. Максуд, покусывая губы, смотрел на главу семьи.

— Конечно, мне досадно, что толстяка пришлось убить, — продолжал яфат, оглядываясь на окно. — Но он всего лишь корпи. А убить корпи — не грех. Убивая корпи, мы совершаем богоугодное дело. — Яфат пристально поглядел на Бена. — Как ты считаешь, Бен из Бентли?

— Наверное, так, — кашлянув, ответил Бен.

Яфат улыбнулся и похлопал его по плечу.

Внизу притихшие было ситтеры заорали с новой силой. Что-то громко заурчало, перекрывая визг и улюлюканье, потом протяжно завизжало, яркая белая вспышка на миг выхватила из темноты силуэты людей и деревьев, и нечто тёмное метнулось в небо, с истошным рёвом вспарывая чёрный воздух.

Бенджамиль и Максуд одновременно шагнули к окну. Яфат, обернувшись, глядел сквозь оконный переплет туда, где среди ярких булавочных проколов обрисовывался слабый и белесоватый след от стартовавшего прыгуна.

— Что там за херня? — встревоженно спросил Максуд.

— Всё нормально, — отозвался яфат. — Сегодня ночью Кабуки получают маленький подарок по случаю открытия военных действий. Я приказал ребятам засунуть обоих жмуриков в их прыгун и задать нужную дугу. Кабуки будут приятно удивлены, когда перед домом их яфата расплющится в хлам прыгун мастера Ху.

За окном опять начали стрелять.

— Ханни! — крикнул яфат. — Ханни, старый глухарь!

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул старый морщинистый ситтер с коричневыми пятнами на лысом черепе.

— Ханни, будь другом, скажи этим пьяницам во дворе, чтобы убирались ко всем чертям! Уже голова болит.

Старик укоризненно покачал головой и закрыл дверь.

— Я не знаю, в какую игру вы играете, ребята, — задумчиво сказал яфат. — Но я шесть раз бросил монету, и все шесть раз она упала орлом вверх. Наверное, это что-нибудь да значит... Кстати, — он повернулся к Бенджамиллю, — как там дела у Большого Отто? Сто лет толстяка не видел.

Бенджамиль на секунду задумался, вызывая в памяти имена, слышанные им от Максуда, потом покачал головой:

— Я не знаю никого с таким именем, яфат.

Чувствуя, что идёт по тонкому льду, он покосился на Максуда. Тот едва заметно кивнул.

— Конечно, не знаешь. — Яфат закрыл форточку. — Отто уже пятнадцать лет как на небесах, но человеком он был хорошим. Ладно, будем считать эту кружку выпитой. На что я хотел посмотреть, я посмотрел. Можете идти, джентльмены (слово «джентльмены» он произнёс на цивилильном).

— А как насчёт аутсайда? — спросил Максуд. — Мы говорили сегодня.

— Да? — Высокий лоб яфата собрался морщинами. — Не знаю. Мне надо подумать.

— Я обещал, — упрямо напомнил Максуд. — А ты обещал мне. И потом...

— «Потом» бывает не то, что «сейчас», — ворчливо сказал яфат. — Впрочем, делай как знаешь.

Максуд приложил ладони к груди и глазами указал Бену на дверь. Рука Бенджамилля уже легла на дверную ручку, когда яфат сказал от окошка:

— Макс, задержись на пару слов.

— Подожди меня в коридоре, — тихо попросил Максуд.

Бенджамилль вышел в коридор и остановился, невольно прислушиваясь. Сквозь неплотно прикрытую дверь он слышал, как скрипит старый паркет под ботинками Максуда.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь? — негромко, но вполне отчётливо проговорил яфат. — Я не верю этому парню.

— А я за него ручаюсь головой, — тихо сказал Максуд. — И головой, и кишками, и дорогой по светлой радуге. Воля Яха указала его правоту. Разве нужны другие знаки?

— Я бы предпочёл, чтобы Ях нажал курок его пальцем, а не твоим.

Бену послышался печальный смешок.

— Это не меняет дела, — почти сердито сказал Максуд.

— По закону — да.

— По Господнему закону, — уточнил Максуд.

— По Господнему, — согласился яфат.

Несколько секунд они молчали.

— Лети сам и проследи, чтобы всё было нормально, — устало сказал яфат.

— Спасибо, отец, — совсем тихо сказал Максуд. — Я редко тебя прошу о чём — либо...

— Следи за языком, — сказал яфат строго. — Во время вылазки будешь подчиняться Рахибу.

Максуд ничего не ответил, наверное, кивнул.

— Группа уходит в два, советую не опаздывать к старту. Куда вы сейчас? — продолжал яфат.

— Ко мне. Пусть поспит пару часов перед дорогой.

— Зачем ходить? Спите здесь. В восточном крыле полно пустых комнат. А я пока отдам распоряжение Рахибу.

— Я буду обязан тебе... яфат, — прочувствованно сказал Максуд.

— Вали на х..., чирок! Ты и так мне всем обязан! — сердито ответил яфат. — И не святотатствуй впредь.

Бенджамилль едва успел отступить назад, уворачиваясь от высокой тяжёлой створки. Глаза Максуда блестели, весь вид его выражал крайнюю степень довольства.

— Пошли! — сказал он, плотно прикрыв за собою дверь, и добавил, упреждая расспросы: — Потом всё расскажу.

Бенджамилль вздохнул и молча двинулся следом за фатаром.

Они миновали высокие, пропитанные странными запахами коридоры западного крыла и оказались в просторном зале, полукругом охватывавшем парадную лестницу. Когда они поднимались в кабинет яфата, Бен заметил ряды странных полок, сплошь закрывавших вогнутую стену, но был слишком потрясён недавними событиями, чтобы обратить на них внимание. Теперь Бен с удивлением заметил, что эти разнородные, местами весьма корявые

полки не пусты. Ряд за рядом, касаясь друг дружки пыльными боками, на них лежали сотни бутылок. Нелепая и титаническая винная лавка.

— Макс! Что это? — с испугом спросил Бен, останавливаясь посреди загадочного стеклохранилища. Неприятные мысли вдруг завертелись вокруг храма Господнего, вокруг изрисованных крестами стен и чёрного страшного лица в банке.

— Комната славы, брат, — не сразу ответил Максуд.

Подойдя к кривобокой полке, он взял одну из бутылок с выцветшей от времени этикеткой и показал Бену:

— Останки героев.

— Где? — Бенджамиль приблизил лицо к бутылке, пытаясь разглядеть её содержимое.

И тут до него дошло: бутылка была на три четверти заполнена темным сыпучим порошком, из которого торчал высохший, заскорузлый ремешок какого-то амулета.

— Здесь хранится прах лучших из Чероки, — сказал Максуд, возвращая пыльную склянку на место. — Я очень надеюсь, что и для моей бутылки когда-нибудь найдётся место на этих полках.

Восточное крыло дворца оказалось освещено ещё хуже, чем западное. Света маленьких люминофорных пластинок, повешенных через каждые двадцать шагов, едва хватало на то, чтобы посетитель не вытягивал вперёд рук, опасаясь налететь на колонну или врезаться в стену. Максуд зажёл фонарик под стволом своего пистолета и шарил лучом по разошедшимся темным фигурам. Найдя дверь, отчего-то приглянувшуюся ему больше других, он потянул за резную ручку и поманил за собой Бена.

Кабинет, в котором они оказались, был не слишком просторен но и не мал. Луч фонаря пробежал по расставленным возле стен шкафам, в дверцах которых не хватало половины стёкол, выхватил из темноты письменный стол и остановился на высокой кушетке с толстым подголовником.

— Располагайся. — Максуд кивнул на кушетку, а сам двинулся к столу.

Огонёк фонаря мигнул и исчез за массивной тумбой. Бенджамиль, с трудом ориентируясь в ультрамариновом сумраке, почти на ощупь нашёл край кушетки и сел на жёсткую поверхность. Максуд молча возился около стола. Взмаломощный пучок света то выскакивал, играя, из-под тяжёлой столешницы, то прятался в тени, и глаза Бенджамиля никак не могли привыкнуть к меняющемуся освещению. Так продолжалось две или три минуты. Наконец Максуд перестал мигать, выдвигать и задвигать ящики. Издав удовлетворённый взглас, он погасил фонарь и поднялся на ноги, держа за обод шарик ночного светильника. Поставив неярко желтоватый огонёк на пол возле кушетки, Максуд присел рядом с Беном и слегка толкнул того кулаком в плечо.

— Ну что, фатар! — сказал он тихо и радостно. — Вот какое дело у нас вырисовывается: сегодня в два часа ночи отсюда стартует прыгун. Я сказал яфату, что тебе по делам семьи нужно срочно попасть в аутсайд. Короче, в два часа мы грузимся с тобой на аппарат, чпок! — и ты уже в своём аутсайте.

— Не знаю, как и благодарить тебя, Макс, — пробормотал Бенджамиль.

Несмотря на уверенный тон Максуда, он чувствовал, что уже не верит в своё возвращение.

— Какая фигня! Мы ведь братья! — Максуд ещё раз ткнул Бена в плечо. — Я же говорил: не мельтеши. А теперь тебе надо поспать, — добавил он серьёзно. — Время ещё есть.

— Я не усну, Макс. — Бенджамиль покрутил головой. — Столько всего... Я просто не смогу.

— Сможешь, — убеждённо сказал Максуд. — Дай-ка сюда руку!

Бен послушно протянул ладонь. Максуд вытащил маленькую коробку вроде той, в которых продают дезодоранты для рта, и выщелкнул в подставленные ему пальцы маленькую таблетку.

— Что это? — спросил Бен, разглядывая белеющий в ладони шарик. — Опять наркотики?

— Упаси Ях! — Максуд потрепал Бена по плечу. — Очень полезное и вполне безобидное средство. Положи таблетку под язык, через пару минут уснёшь, через пару часов проснёшься как новенький. Действует надёжней, чем молитва преподобного.

Бенджамиль с сомнением поглядел на таблетку и положил её под язык.

— Отлично, — сказал Максуд. — Ты спи пока, а я скоро вернусь.

— Да всё равно я не усну! — упрямо сказал Бенджамиль.

— Дело хозяйское, — беспечно отозвался Максуд. — Не уснёшь, так просто приляг. Я скоро.

Он поднялся и вышел из кабинета, протяжно скрипнула дверь, и Бен остался один. Он сидел, выпрямив спину и бесцельно глядя на тонувшие в полумраке предметы. Свет ночника окутывал его тёплой мерцающей полусферой, лежал на полу уютным домашним ковриком, постепенно смешивался с темнотой, терялся в округлых углах просторной комнаты.

Бенджамиль передвинулся на середину кушетки, вздохнул, прислонился затылком к шершавой оштукатуренной стене и стал вспоминать Марси. Бесполезная таблетка таяла под языком, придавая слюне горьковатый привкус. Может, стоит её выплюнуть?

Бен оторвал затылок от стены. Справа от него, на жёсткой поверхности когда-то белой искусственной кожи, сидел Мучи, всё такой же лохматый, всё в той же латаной курточке. Бывший приятель Господа Бога смотрел на Бенджамиля и благожелательно ухмылялся гнилозубым ртом.

— Здравствуйте, Мучи, — сказал Бен, приходя в лёгкое замешательство. — Я и не знал, что вы тоже здесь.

Мучи расплылся в широчайшей улыбке:

— И я рад вас снова видеть, сударь. В прошлый раз мы расстались очень быстро...

— Да уж... — неопределённо отозвался Бен. — А вы как попали в Сити?

— Чего проще! — Батон почесал бороду. — Говнопровод, он везде говнопровод, сударь, что в буфере, что в Сити. Ну, может, лесенки на колодцах не слева, а справа. А так — всё равно.

— Не знаю, — сказал Бен. — По-моему, здесь всё другое.

— Это как смотреть! — отозвался Мучи. — С одной стороны, другое, со второй — то же самое. Верьте на слово. Я бродяга, я знаю.

— И каким же ветром вас сюда занесло?

— Да вот, заглянул попрощаться. А то, может, и не увидимся больше.

— Это одному богу известно, — шутливо сказал Бенджамиль. — Кстати, как продвигаются его поиски?

Мучи махнул рукой:

— Минует зима, подамся в черно-бирюзовый. Засиделся на месте, плесенью оброс. Брожу взад-вперёд. А толку? Ничего и не получается. Было бы здорово махнуть в Хадаш Иерусалим. Там гигаполис не меньше нашего и места святые. Может, там Господь меня заметит.

— Думаете, заметит? — серьёзно спросил Бен.

— Конечно, заметит, — с самым убеждённым видом ответил бродяга. — В гордыне своей я давно раскаялся. Ничего плохого не делаю, молюсь каждый день, как умею, — должен заметить. Только поди туда доберись, коли за душой ни марки и взять не у кого. Разве что у дочки... Вы знаете, сударь? Ведь у меня дочка есть в аутсайте!

— А вы вернитесь, — вдруг посоветовал Бенджамиль.

— Куда?

— В аутсайд, к жене, к дочери.

Бродяга покачал головой:

— Назад мне путь заказан. Да и желания нет.

— Если хотите, — неожиданно для самого себя сказал Бен, — так я могу дать денег,

вот только до дома доберусь. Я, конечно, не богач, но на билет до Иерусалима дам.

— От вас не возьму, — грустно сказал Мучи.

— Почему не возьмёте?

— Не знаю, — честно признался бродяга. — Вы такой же, как я, только вы везунчик. Я ведь не дурак, я же вижу, куда вы метите. Вы тоже хотите сидеть в Его кабинете. Хайдрай Господа Бога, практически то же самое, что Бог. Кому не хочется сделаться Богом? Хаджмуверы, само собой, должны держаться друг дружки, но денег я не возьму.

— Не хотите, как хотите. — Бен почувствовал себя неловко. — И ни в какие боги я не мечу.

— Не обижайтесь, сударь. — Мучи поёрзал на кушетке. — Дорога на небо — это как тубвей. Смейтесь, не смейтесь, а всё именно так. Сначала вы видите трубу, слышите, как внутри трубы несутся таблетки, потом вы хотите прокатиться, но даже если вы хотите очень-очень сильно, то всё равно не можете оказаться в трубе, сколько бы ни глядели или ни слушали. И вот тогда вы пускаетесь в путь. Вы ищете станцию, чтобы подняться на платформу и сесть в таблетку, но, заметьте, ещё не факт, что таблетка остановится и откроет двери. На ближних станциях я уже побывал, там таблетки не останавливаются, а если останавливаются, то дверей не открывают, и я иду к самой дальней станции, теша себя надеждой, что уж там-то... Тут появляетесь вы на красном новеньком мобиле и говорите: «Садись, Мучи, я быстренько подброшу тебя до последней станции на ветке». Нет уж! Я лучше пешком. А что до Бога... так каждый был бы не прочь... — Батон ухмыльнулся. — Хотя, сказать по правде, из вас Бога не выйдет.

— Почему не выйдет? — Бенджамиль даже слегка обиделся.

— Потому что вы держитесь за свои привязанности, — наставительно пояснил Мучи, — а Бог должен быть свободен от сердечных привязанностей. От любимых жён, обожаемых детей, нежно почитаемых родителей, любовниц, друзей, внучатых племянников. Бог должен быть чист, непредвзят, справедлив и равнодушен, как хирург...

— Вот потому-то вы и бросили безжалостно всё, до чего вам когда-либо было дело, а теперь обретаётесь на помойке своего тщеславия! — произнёс слева от Бенджамиля незнакомый голос.

Молодой человек быстро обернулся. Слева от него на краю кушетки сидел мужчина лет пятидесяти в светлом, по всей видимости, очень дорогом костюме. Вальяжно закинув ногу на ногу, он постукивал длинными пальцами по рукоятке лакированной трости. Лицо незнакомца излучало спокойствие и внутреннюю силу, белые точно снег волосы были пострижены почти на тот же манер, что и волосы Мэя. Весь облик загадочного субъекта дышал респектабельностью и лоском, только короткая, аккуратная и совсем чёрная борода смотрелась несколько вызывающе.

— Извините, что вмешиваюсь в разговор без спросу, — сказал мужчина. — Меня зовут Майк... Мигель, Михаил, как вам покажется удобней. Своё имя можете не называть. Оно мне уже известно.

— Откуда? — Бенджамиль с изумлением рассматривал нового собеседника.

— У нас есть общая знакомая.

— Марьям?!

— Совершенно верно. — Мужчина улыбнулся.

— Так вы Мишель?!

— Он самый.

— Просто невероятно! — Бенджамиль развёл руками. — Очень приятно, Майк! Пожалуй, я буду говорить «Майк», вы не возражаете?

— Ради бога. — Мишель благодушно кивнул. — Я ведь сам предложил.

— Мучи, это просто невероятно!.. — начал Бен, оборачиваясь, и осёкся.

Потёртая кушетка была пуста.

— Не обращайтесь внимания, Бен, — насмешливо сказал Мишель. — Мучи часто уходит, не попрощавшись. Да вы уж, верно, и сами замечали за ним такую привычку.

Бенджамиль рассеянно кивнул. И тут же от внезапной догадки его глаза округлились.

— Майк, а вы и есть, — Бен замешкался, подбирая слово, — вы и есть... хай драй Господа Бога?

Мишель сдержанно засмеялся:

— Если угодно, меня можно назвать Его поверенным, так сказать, советником по связям с общественностью.

— Значит, батон был прав, — пробормотал Бенджамиль.

— Кое в чём прав, кое в чём — нет. — Мишель задумчиво поиграл тростью. — Вы знаете, Бен, даже я кое в чем прав, а кое в чем — нет. Даже Он прав только кое в чём.

— Но тогда каким образом?.. — недоумевая, заговорил Бен.

— Методом проб и ошибок, только так и никак не иначе. — Мишель потыкал тростью в пол, словно пытаясь раздавить шустрое насекомое. — Готовых рецептов просто не существует.

— А как же инструкции? — спросил Бен. — Мучи ведь говорил с Ним, слышал Его указания.

— Ну, во-первых, Мучи говорил не с Ним, а во-вторых, слышать и понимать — две большие разницы.

— Значит, не Бог отправил Мучи в чёрный буфер? — Бенджамиль даже подался вперёд. — А кто? Дьявол?

Мишель поморщился:

— При чём тут какой-то дьявол? Поверьте мне на слово: я работаю на Него целую прорву лет, но никакого дьявола ни разу не видел! Клянусь! — Мишель торжественно поднял кверху два пальца. — Всё гораздо проще и вместе с тем сложнее. Представьте себе капитана тонущего корабля. Он посылает матросов то в трюм конопатить пробойны, то к помпам, то велит переставить груз, чтобы изменить наклон корпуса. Он пробует разные способы. Не тот, так другой, возможно, и спасёт судно. Но его команда... Четверть матросов не понимает языка своего капитана, а три четверти — глухи, как пни. Он велит им бежать на нос, они торопятся на корму. На самом деле ситуация ещё более запутанна, потому что капитан не может приказывать. Матросы должны сами возжелать конопатить щели и таскать груз от борта к борту, ибо никто не может спасти не желающего быть спасённым.

— А Мучи? — спросил Бен.

— Мучи... — Мишель грустно улыбнулся. — В сердце Мучи есть место только для Мучи, сердце же Бога должно быть достаточно большим, чтобы вместить в себя целый мир. Мучи оставил свой дом и сделал свой выбор. Теперь его путь больше похож на самоубийство — он обречён двигаться по кругу.

— А я? — Бенджамиль попытался заглянуть в глаза своему собеседнику.

— Это зависит от вас.

— Всё так туманно. — Бенджамиль поёжился.

— Слишком трудно объяснить, — извиняющимся тоном сказал Мишель. — Вы спрашиваете, Бен. А я попробую ответить, на что смогу.

— Это вы устроили мне путешествие по чёрному буферу?

— Нет, — Мишель покачал головой, — путешествие вам устроил мастер Ху-Ху. Мы только обеспечили нужное место и нужное время.

— Зачем?

— Ну как же! Если к покоящемуся предмету не приложить усилия, то двигаться он не начнёт. Это элементарная физика. Если дом обветшал настолько, что вот-вот обрушится на головы жильцов, то дом нужно снести, а на освободившемся месте построить новый дом. Но что делать с жильцами, если они не видят прогнивших перекрытий и не хотят выходить на улицу? Иногда для того, чтобы проветрить комнату, нужно сломать окно. В аутсайде ваш потенциал находился в латентном состоянии. А теперь вы живете, меняетесь и меняете мир. Наверное, это не идеальный метод, но наиболее действенный и скорый.

— И чего вы от меня ждёте? — Бену совсем не понравился разговор о методах

инициации Бенджамилля Френсиса Мэя. — Чтобы я бил окна?

— А вы сами чего от себя ждёте? — спросил Мишель, рассматривавший Бена с нескрываемым интересом.

— Это не ответ, — мрачно сказал Бен.

— Как раз это и есть ответ! — весело отозвался советник по связям с общественностью. — Как только вы определите, чего хотите сами, так наши планы перестанут быть для вас загадкой... По крайней мере на какое-то время. Чего вы хотите, Бен?

— Хочу попасть домой.

— Замечательно! — воскликнул Мишель. — Вы уже знаете свою цель, осталось верно определить направление.

Бенджамиль нахмурился, пытаясь понять услышанное.

— Глядите, Бен. — Мишель обозначил тростью воображаемый круг. — Вот тут аутсайд, а тут Сити. Разница есть, но велика ли она? Там черта не дают поминать потому, что это эзотерика, здесь — потому что Бог не велит... Бенджамиль Мэй в конце концов возвращается к себе в аутсайд. Будет ли это тот же самый Бенджамиль Мэй? Нет. Вероятнее всего, нет. Но весь вопрос в том, велика ли будет разница между старым Бенджамилем и Бенджамилем, замкнувшим круг? Можно ли сказать, что точка старта совпадёт с точкой финиша? Что важнее — быть где-то или быть кем-то? Или быть с кем-то? Что вообще означает слово «дом»? Мучи считает, что без сердечных привязанностей он будет бежать быстрее, а какой смысл бежать быстро, если бежишь по кругу? Чем отличается мастер Краус, привинченный болтом к стулу, от бродяги Мучи, у которого и стула-то никакого нет? Один сидит на месте, другой раз за разом проходит мимо этого места, слегка удивляясь каждой встрече с мастером Краусом. Обоим нет друг до друга никакого дела, и оба находятся на кольце. Все, у кого одна нога сильнее другой, сами того не ведая, рано или поздно сбиваются на круг. И время от времени их необходимо встряхивать, сбивать с шага, учить любить, думать, сопереживать, ломать старые окна...

Мишель, прищурившись, взглянул на Бенджамилля:

— Он уже накидал новые планы, но нужен кто-то, кто сойдёт с нахоженного кольца и, согласно Его новым замыслам, начнёт протаптывать в снегу первую тропинку. Следом двинутся другие, они уже почти готовы, и постепенно тропинка станет дорогой, но сейчас нужен первый. Не лучший, не исключительный, а именно первый. Понимаете меня, Бен?

— Ага! — со сдержанным сарказмом сказал Бенджамиль. — И как же, по-вашему, этот первый протопчет дорогу, если понятия не будет иметь, куда топтать? Его-то в планы Всевышнего никто посвящать не торопится.

— О! Это гораздо проще, чем кажется с первого взгляда! — Рот Мишеля растянулся в лукавой усмешке. — Время от времени дорога вашей жизни пересекает другие пути и чужие трассы. Следите за перекрёстками, на них происходят все замечательные события. Ждите знака, а Он непременно даст вам подсказку. Вам приходилось слышать джаз? (Бен покачал головой.) Жаль! Когда-нибудь я непременно познакомлю вас с этим потрясающим явлением. Чтобы сыграть с Господом Богом, вам не нужно знать партитуру. Вам достаточно чувствовать тему и ощущать партнёров. Не нужно бояться, и музыка получится сама собою.

— И что? По-вашему, именно я должен играть этот самый джаз и протаптывать дорожки? — Бенджамиль с сомнением покачал головой. — А вдруг я не желаю?

— Не попробовав? — улыбнулся Мишель. — Откуда вам знать, чего вы хотите, а чего нет? Впрочем, выбор всегда за вами. Приятно было пообщаться, Бен. К великому моему сожалению, мне пора, как, собственно, и вам.

Мишель поднялся и подал Бенджамиллю узкую, чуть влажную ладонь.

— Надеюсь, что ещё не раз буду иметь удовольствие беседовать с вами и с вашим семейством. — Вторая рука советника по связям с общественностью легла Бену на плечо и принялась его легонько встряхивать.

«Куда же он подевал свою трость?» — с удивлением подумал Бен.

— Бенджамиль! Бен! Бенни, черт тебя дери!

Бенджамиль открыл глаза и увидел прямо перед собой лицо Максуда. Ничего не понимая со сна и с изумлением таращась по сторонам, Бен сел на кушетке.

— Давай просыпайся! — Максуд ещё раз потряс фатара за плечо. — С добрым утром! — Он положил на кушетку грязно-бурый свёрток. — Вот, надевай. Должно подойти. Да поторапливайся! Прыгун внизу ждёт!

Глава 20

Кроме Бенджамиля и Максуда в кабине грузопассажирского прыгуна было ещё девять человек, считая пилота. Максуд указал Бену на одно из двух свободных кресел, стоявших во втором ряду, справа от прохода, а сам прошёл вперёд. Там он, нагнувшись, обменялся несколькими словами с мужчиной, сидевшим сбоку от пилота. Мужчина оглянулся, нашёл глазами Бена, пробиравшегося к своему месту, поскрёб щеку, всю в сизых шрамах от старых фурункулов, и кивнул Максуду головой. Бенджамиль сел в потёртое, но удобное кресло и принялся возиться со страховочными ремнями.

— Минуту внимания, парни! — громко объявил мужчина, с которым говорил Максуд. — В нашей команде замена. Вместо Вальтера и Хаима летят Макс и его дружок из Бентли.

— Что за хрень, Рахиб? — спросил кто-то с первого ряда кресел.

— Не твоего ума дело! — раздражённо ответил Рахиб. — Я делаю, что мне говорит яфат, а ты делай, что скажу я.

— Всё ясно, — лениво произнёс длинноволосый человек слева от пилота. — Яфат х...ей страдает. Здорово, Макс.

Максуд, потянувшись вперёд, хлопнул по подставленной ладони.

— Давай пристёгивайся уже, — негромко сказал ему Рахиб и крикнул, обращаясь к салону: — Ну что, чирки? Вопросы есть?

— Нету! — откликнулось сразу несколько голосов.

— Тогда поехали!

— Меньше вопросов — больше отсосов! — сказал кто-то.

В салоне заржали.

Максуд плюхнулся на сиденье рядом с Беном. В промежутке между передними сиденьями появилась круглая физиономия с рыжим гребнем и рыжими бакенбардами.

— Привет, Макс! — Физиономия расплылась в улыбке и добавила, подмигивая Бену: — А тебя я сегодня около пляцы видел.

— Сгинь, Курти! — беззлобно попросил Максуд.

Физиономия исчезла за краем кресла.

Максуд сноровисто защёлкнул все пять замков и повернулся к фатару, насколько это позволяли широкие ремни. Придирчиво оглядев Бенову упряжь, плотно облегающую плечи, пояс и бедра, он спросил, не жмёт ли комбинезон. Бен ответил, что не жмёт. Свободный костюм из маскировочной буро-коричневой ткани действительно нигде не жал, и всё же Бен чувствовал себя глупо и неловко среди десятка незнакомых людей, одетых в одинаковые комбинезоны. Как ни странно, но Бен успел привыкнуть к ярким, словно оперение тропических птиц, костюмам жителей Сити, и теперь фигуры, упакованные в балахоны цвета истлевшей травы, казались ему диковато-неуместными. Ощущение неловкости усугублялось атмосферой общего возбуждения и лёгкой нервозности. Бенджамиль кожей ладоней ощущал иголки электрических разрядов и чувствовал запах озона. А может, это неисправная проводка? Или такой запах во всех больших прыгунах?

— Точно костюм не жмёт? — поинтересовался Максуд. — А то вид у тебя какой-то встревоженный.

— Чувствую себя не в своей тарелке, — понижая голос, признался Бен, — ещё и место

чьё-то занимаю.

— Ничего, отработаем, — успокоил его Максуд.

Его широко расставленные серьёзные глаза лукаво сощурились.

— Там, сзади, ещё одно кресло свободное. — Бен, не уловивший причин весёлости фатара, показал пальцем через плечо. — Может, надо позвать одного из тех... ну, которые не летят?

Максуд погрозил пальцем:

— В машине тринадцать мест, считая пилота. Одно место всегда пустое, чтобы черта не искушать. Если взять Хаима или Вальтера, нас будет тринадцать. А так одиннадцать и ты — ровно дюжина.

«Одиннадцать и я», — повторил про себя Бен.

Пол под ногами слабо завибрировал.

— Приходилось прыгать на восьмитонниках? — спросил Максуд, нагибаясь к уху товарища.

Бен покрутил головой.

— Ощущения те же, что и на маленьких, только придавит посильнее. Прыгнем по максимальной дуге, без промежуточных касаний, сразу за городскую черту.

— Куда? В соевые плантации? — удивился Бен.

— Дальше. — Максуд засмеялся.

— А как же аутсайд? — испуганно спросил Бенджамиль.

Пол завибрировал сильнее. В воздухе поплыло басовитое гудение.

— Не волнуйся! Будет тебе твой аутсайд, — сказал Максуд. — Ты когда-нибудь бывал за городской чертой?

Бен опять покрутил головой.

Гудение делалось всё громче и выше, вибрация усиливалась.

— Мы сделаем остановку за поясом соевых полей, — Максуд слегка повысил голос, — обтяпаем там одно важное дельце, потом прыгнем к внешней границе аутсайда... Тебе в какой сектор надо?

— В бело-оранжевый.

— Нормально! Ещё одна дуга до бело-оранжевого. И ты дома!

«И мы больше никогда не увидимся», — захотелось прибавить Бену.

Пол под ногами дрожал, как припадочный эпилептик.

— Все готовы?! — крикнул со своего места пилот.

Со всех сторон раздалось нестройное «готовы».

— Держись, — весело сказал Макс.

— Тогда — старт, — сказал пилот.

Мягкая пухлая ладонь перегрузки вдавила Бенджамиля в кресло. Заложило уши. Глаза заволокло туманом. Тяжёлая кровь упруго застучала в виски. Бум! Бум!! Бум!!! Бенджамиль хотел и не мог втянуть в себя воздух. Ему стало страшно, но в этот миг тяжёлая лапа соскользнула с груди, и кишки прыгнули к подбородку. Бенджамиль сжал челюсти и вцепился пальцами в подлокотники. В голове вертелось: «Если к покоящемуся предмету не приложить усилия... Элементарная физика...»

Полуавтоматическая тележка лихо катилась вперёд, переваливаясь через торчавшие из утоптанной земли корни. Только когда узкая тропинка делала поворот, Бену приходилось, действуя консолью, направлять своё транспортное средство в нужную сторону. Управлять этой штуковиной оказалось проще, чем покупательской корзиной в маркете. Просторная поляна с выжженным по центру черным кругом осталась далеко позади. И хотя тупой округлый нос прыгуна давно скрылся за деревьями, Бен мог хорошо представить себе, как аппарат огромным пеньком торчит посреди загаженной лужайки, а вокруг его широких посадочных лап медленно оседает грязно-серая пена из пламегасителей.

Бен поправил низкочастотные очки и повернул тележку налево, объезжая древесный

ствол. Деревья тут были просто удивительные. Бенджамиль знал, что их зовут соснами, но раньше видел такие только на три-М-слайдах. Глядя на них, Бен особенно остро и горько ощущал, что миллионы людей в гигаполисе даже представить себе не могут, какое великолепие скрыто за полосой соевых плантаций. Высокие и стройные стволы, увенчанные шапками липких темных иголок, они так мало походили на корявые аутсайдовские клёны, окольцованные смирительными рубашками высокой огады. И воздух здесь был совершенно особенный — душистый и пьяный.

Впереди, шагах в пяти перед Беном, маячила спина Максуда. Фатар нёс на плече длинный стержень с острым совком на конце. Такой же стержень был в руках у рыжего Курта, шедшего следом за Бенджамилем. Цепочка из одиннадцати ситтеров с пятью полумеханическими тележками двигалась одному богу понятно куда. Богу да ещё сердитому Рахибу, шедшему в голове их маленькой колонны.

Низкочастотные очки перекрашивали мир в серо-жёлтые монохромные тона, и дальние деревья сливались в сплошную непроницаемую массу. А они всё шли и шли, и чем дальше они уходили от поляны и прыгуна, тем беспокойнее становилось у Бена на душе. Он давно хотел спросить о конечной точке маршрута, но от Максуда его отделял корпус тележки, а спрашивать парня с рыжим гребнем на голове ему не хотелось.

Здоровяк, идущий перед Максудом, на ходу обернулся и сказал тому несколько слов. Макс в свою очередь повернулся к Бену:

— Рахиб говорит, что лес кончается и чтобы все подтягивались к нему, будет короткий привал. Передай дальше.

По мере того как деревья редели, тропинка становилась всё шире, границы её постепенно терялись в зарослях короткой жёсткой травы, пробивавшейся сквозь толстый слой сухих иголок.

Цепочка ситтеров, теряя очертания, распалась, расслоилась на отдельных людей, собиравшихся вокруг своего начальника. Эта беспорядочная кучка уже не производила впечатление чего-то спаянного, целенаправленного, похожего на струящуюся в траве гадюку, теперь это был всего лишь табор бродяг, невесть как забредших за городскую черту. У Бена, терзавшегося неизвестностью, слегка отлегло от сердца.

Сквозь редкие деревья впереди просматривалась огромная пустошь.

— Отдыхаем десять минут, — распорядился Рахиб. — Сядьте на землю, чтоб не маячить. Тощий и Хьюзи, делайте своё дело.

Двое парней из тех, кто шёл во главе отряда, положили на землю свои палки и бесшумно двинулись в сторону пустоши. Очень скоро они совершенно исчезли из виду, то ли скрылись за деревьями, то ли как-то особенно ловко пробились между невысокими кустиками.

Бенджамилю, который, как и все, присел на корточки, стало неудобно, и он, чуть подумав, опустил задом на тихо хрустнувшую хвою. Сидеть было мягко.

— Курить хочется, — мечтательно сказал чей-то голос.

— Дома покуришь, — незамедлительно откликнулся Рахиб.

Бенджамиль украдкой покосился на Максуда. Тот сидел выпрямив спину, невозмутимо-терпеливый, будто статуя. Бен вздохнул, по привычке посмотрел на пустое запястье и саркастически усмехнулся.

В ожидании неизвестно чего время тянется невероятно медленно, а в голову лезут глупые мысли. Бену казалось, что с тех пор, как Тощий и Хьюз отправились в сторону пустоши, прошло минимум полчаса, и он жутко обрадовался, когда они вновь появились между деревьями, ловкие и бесшумные.

Парни быстро подошли к Рахибу.

— Всё на мази, — негромко доложил тот, что звался Тощим. — Подходы чистые, проволоку мы убрали, камеры на шестой, седьмой и восьмой мачте ещё три дня будут показывать пустое поле. Никаких патрулей не видать.

— Расслабились толстомясые, — поддакнул тот, которого звали Хьюзом.

— Хорошо смотрели? — строго спросил Рахиб.

Парни разом кивнули.

— Тогда вперёд, и поможет нам Ях! — Рахиб поднялся на ноги. — Быстро разобрали свой инвентарь! И цепочкой по одному! И тихо. По моим следам.

И Рахиб, не дожидаясь, пока поднимутся самые нерасторопные, двинулся вперёд. Ситтеры и Бен миновали последние деревья и сквозь редкую поросль молодых сосенок начали спускаться по пологому склону на обширную пустошь. Лес, охватывавший пустошь слева и справа, издали уже не казался таким высоким, и Бен увидел на востоке полную луну. Серый диск плыл над самой кромкой деревьев. Ночные очки делали его плоским и слегка размытым.

Над пустошью висела тишина, но не мёртвая тишина городской квартиры, закутанной в звукозащитные перегородки, нет! Тишина была живой, пронизанной тысячей звуков, шорохов, посвистываний, скрипов. Бен чувствовал, что если выключить гудящий мотор тележки и остановиться, то можно услышать дыхание целого мира. Но впереди качалась спина Максуда, и Бенджамиль, рефлекторно пригибаясь, трусил следом, слушая вместо вдохов и выдохов мира сопение бегущего позади Курта.

Твёрдую и бугристую почву пустоши сплошь покрывала щётка пыльной травы. То тут, то там торчали из земли обрубки срезанных кем-то деревьев, и Бену приходилось смотреть в оба, чтобы не наскочить на один из таких тележкой. Поэтому он больше глядел под ноги, чем вперёд, а когда поднимал голову, то видел всё ближе и ближе редкую шеренгу каких-то стоек. Стержни высотой метра в два с половиной стояли ровной линией на одинаковом расстоянии друг от друга, словно бы отделяя центр пустоши от леса и склона. На забор это сооружение походило мало, поскольку между стержнями ничего не было. Или всё — таки было? Бен на секунду поднял голову. Он находился уже довольно близко от странной изгороди и на этот раз заметил между мачтами натянутые в несколько рядов тонкие нити.

Тележка едва не угодила колесом в остов дерева, и Бен опять стал смотреть на землю. Максуд впереди снизил темп. Бен тоже притормозил. Изгородь была совсем уже близко, и теперь Бен отчётливо видел, что между шестами натянута проволока. Для чего кому-то пришло в голову натягивать её посреди пустыря? Бен терялся в догадках. Впрочем, проволока имелаась не везде — между двумя столбами, в створ которых направлялась колонна ситтеров, никакой проволоки не было. Если проволоку убрали, то сделали это, вне всякого сомнения, Тощий со своим дружкой. Но зачем?!

Колеса тележки пошли мягче, и Бен понял, что они на широкой асфальтовой дорожке, идущей вдоль ряда шестов. Голова колонны, слегка сбросив скорость, пересекла асфальт, и Рахиб повёл своих людей в глубь пустоши. Бенджамиль поравнялся со столбом. Сначала он увидел петли отогнутой в стороны проволоки, потом табличку, укреплённую на столбе. Табличка гласила: «Частные владения! Проход запрещён! В случае нарушения вы можете быть привлечены к уголовной ответственности!» «Приехали, — подумал Бен, ощущая холодок внизу живота. — Только этого мне ещё и не хватало».

Асфальт кончился, и ноги сразу почти по щиколотку утонули в рыхлой земле. Колеса тележки пошли тяжелее. Бенджамиль, спотыкаясь, прошёл ещё два десятка шагов, и вся колонна остановилась. Вокруг, влево, вправо и вперёд, простиралась пустошь, обширная, словно полсотни школьных площадок для занятий физкультурой. Собственно, и пустошью-то это место можно было назвать уже с большой натяжкой. Доколе хватало глаз, оно поросло аккуратными рядами невысоких кустиков, частью пожухлых, частью бодрых и мясистых.

— Видите мачту слева?! — сдавленным голосом прокричал Рахиб, он покинул своё место во главе отряда и теперь, переваливаясь, шёл вдоль цепочки остановившихся людей. — Дальше её не заходить, а то запалят! Каждая пара берет по восемь полос! Три полосы оставляйте, чтоб тележку возить, пять — работайте. И в темпе, чирки! В темпе!

Максуд дождался, пока Бен подъедет к нему со своей тележкой, и сказал вполголоса:

— Ничего сложного, просто помогай мне и всё.

Бен хотел спросить, в чём помогать, но Макс, не дожидаясь расспросов, скинул с плеча

палку с совком на конце и глубоко вогнал её в землю у основания ближайшего кустика. Нажал, вытянул, воткнул с другой стороны, ещё раз нажал. Кустик печально покосился набок. Максуд присел на корточки, выдернул и откинул в сторону жухлые побеги, потом пошарил в рыхлой земле руками и вытянул наверх какой-то толстенький корешок, кольцом огибавший земляной холмик.

— Берись с другой стороны, — скомандовал он, потряхивая и расправляя свою находку.

Недоумевающий Бен тоже присел, нащупал среди пыльных комочков плотный шнур, обросший нитевидными отростками.

— Тянем! Три, четыре! — сказал Максуд.

Они потянули, и из мягкого грунта легко вывернулся не то мешок, не то сетка размером с большой детский мячик. Максуд встряхнул эту сетку, и рассыпчатая, чуть влажная земля посыпалась сквозь некрупные ячейки прямо им на ботинки. Максуд встряхнул ещё пару раз и мотнул подбородком в сторону тележки:

— Кладём...

— Что это? — спросил Бен, когда сетка легла в решетчатый кузов.

Вместо ответа Максуд достал складной нож, разрезал несколько ячеек, выпростал из сетки округлый предмет размером побольше кулака и протянул Бену. В ладонь Бенджамиля лёг продолговатый булыжник, прохладный и чуть шершавый от приставшей земли. Или всё-таки не булыжник? Удивлённый Бен поднял глаза на Максуда.

— Potato... — сказал Макс, — земляное яблоко... а попросту — картофель.

— Вот это? — пробормотал Бен.

— А что тебя удивляет? — Максуд был явно доволен произведённым эффектом.

— Я думал, он мельче. — Бен осторожно поковырял картофелину пальцем. — И потом... ночью... лететь черт знает куда, с тележками... Для чего? Если картошку в порошке или в брикетах можно купить в любом маркете? Дороже, конечно, чем бобы, но всё же...

— Простая ты душа. — Максуд отобрал у Бенджамиля клубень и кинул в кузов. — В маркете продаётся модифицированная х...ня, а это настоящий, чистый картофель. В белом буфере на свободном рынке такой идёт по пять тысяч марок за кило.

— А откуда он здесь? — спросил Бен, ощущая себя последним дураком.

Максуд восторженно покрутил башкой:

— Ну, ты даёшь! Это частное поле Эванса Пита.

— Директора «Айнбекк роад»?!

— Его самого! — Максуд веселился вовсю. — И в наших с тобой интересах, фатар, побыстрее закончить уборку. А-то, боюсь, мастер Эванс будет недоволен, если застанет нас в своих владениях. Его частный дом километрах в четырёх отсюда, во-о-он в том сосняке.

— А разве он не в аутсайде живёт? — спросил вконец растерявшийся Бен.

— Квартира там есть, конечно, — серьёзно ответил Максуд. — А жить они предпочитают за соевыми плантациями, на свежем воздухе. Хрен ли, когда прыгун под жопой! Ладно, пошли отрабатывать твой проезд. Нужно торопиться.

Глава 21

Присев над очередным кустом, Бенджамиль с Максудом ухватились за вытяжное кольцо. Четыре сильных мужских руки потянули сетку наверх, но картофельный кокон с сухим треском лопнул, и его содержимое осталось в лунке, перемешанное с комьями земли.

— Черт, — досадливо сказал Максуд. — Кажется, я сетку порезал.

Бенджамиль сунулся было выбирать картошку, но Макс велел не заниматься глупостями.

— Не трать время, — сказал он, направляясь к следующему кусту. — Лучше тележку подгони поближе.

Бен, проваливаясь и спотыкаясь, пошкандыбал к тележке. Консоль удобно легла в

грязные ладони, и тележка, наполненная уже почти на треть, двинулась вперёд. Максуд загодя предупредил, что очень важно следить за колёсами. Он сказал: «Забуксуем в лунке — п...ец, на себе будем вытаскивать», и Бен следил вовсю. Проехав вперёд с запасом шагов в пять, он отпустил консоль и огляделся. Сначала он увидел Макса, потом парня, которого все звали Хрящ, потом бритого крепыша, на три ряда обогнавшего всех прочих. Потом взгляд Бенджамия задержался на картофельных зарослях метрах в пятнадцати от ловкого коротышки. Кусты слегка шевелились, и Бен подумал, что это странно, поскольку ночь выдалась тёплой и совершенно безветренной. Он пригляделся повнимательнее, и ему опять померещилось слабое движение.

— Макс, — позвал Бенджамия вполголоса. — Ма-акс!

Максуд поднял голову.

— Гляди. — Бен указал рукой в сторону непоседливых кустов. — Там кто-то есть или мне только кажется?

Максуд быстро обернулся, и в этот момент Бенджамия ослеп. Серо-жёлтое поле, серо-жёлтые кусты, серо-жёлтая фигура Максуда — всё утратило очертания, растворилось в ярко-оранжевой вспышке. Сразу за вспышкой на Бенджамия обрушился громовой голос, идущий разом со всех сторон. «Господи! — мелькнуло в помутившемся от ужаса мозгу. — Мы крали чужой картофель. Теперь мы будем наказаны слепотой». В следующий миг Бен различил слова: «...находитесь на охраняемой частной территории! Немедленно встаньте во весь рост и положите руки на затылок, иначе мы будем вынуждены...» Следом за словами раздался яростный рёв Максуда и ударившие один за другим два оглушительных выстрела: «Ба-ба-бау-у!» Затем мир вокруг взорвался, и уши Бенджамия перестали различать звуки. Он больно налетел на что-то грудью, шарахнулся в сторону, запнулся и полетел вверх тормашками.

Потом был провал. Какое-то время Бен не знал, кто он и где он. Потом рассудок вернулся вместе со вкусом земли на оскаленных зубах, и Бенджамия догадался сорвать с себя низкочастотные очки. Он вовсе не ослеп, напротив, со всех сторон бил яркий свет веерных прожекторов, а по полю метались серые тени. Он не оглох, просто со всех сторон стреляли. Проведя короткую ревизию своих мыслей, Бен пришёл к выводу, что голова его в относительном порядке, и, пересилив страх, кое-как встал на четвереньки с твёрдым намерением ползти на поиски Максуда. Но Максуд нашёлся сам. Вывалившись невесть откуда, он сгрёб фатара в охапку и поволок за опрокинутую тележку.

— Попали! — проорал он Бену прямо в ухо, когда они оказались в относительной безопасности. — Бульдосы нам капкан подставили! Кто убит, кто нет, непонятно! Нужно пробираться к лесу! У тебя патроны ещё есть?!

Бен ошалело кивнул и полез в кобуру.

— Прорвёмся! — Максуд размазал по щеке кровь. — Прикрываем друг друга по очереди. Стреляй во всякого, кто поднимет голову. Пока ты стреляешь — я бегу, пока я стреляю — ты бежишь. Понял?

Бен кивнул.

— Ты первый! — Макс указал рукой направление. — Только туда, иначе попадёшь на колючку. Ну, суки! — Он быстро высунулся из-за тележки и открыл беглый огонь, прижимая к земле неведомого противника.

Обдумывать и планировать свои действия было некогда. Не имея в голове ровным счётом ни одной здоровой мысли, Бенджамия привстал на карачки, чтобы ринуться вперед, но то, что он увидел, заставило его отшатнуться обратно к тележке и заорать:

— Макс! Макс! Он улетает!

Грузопассажирский прыгун висел над лесом, оглашая окрестности пронзительным клёкотом. Непривычно яркая струя выхлопа била вниз, прямо в кроны высоких деревьев.

Максуд откатился за спасительный металлический корпус и закричал:

— Он не улетает! Он сюда летит. Руди хочет нас подобрать.

Прыгун по очень пологой и боязливой дуге действительно поплыл к полю, и сердце

Бенджамиля застучало с утроенной силой. Он вспомнил, что очень давно слышал от кого-то, будто прыгуны действительно могут выполнять перемещения по очень короткой дуге, но для этого требуется уйма горячего и недюжинное мастерство пилота. Если чудесный, волшебный, божественный Руди посадит аппарат перед оградой, то они наверняка спасены.

Несколько пуль, выбивая снопы искр, с отвратительным визгом срикошетили от края тележки. Бен автоматически пригнулся, а когда вновь поднял голову, прыгун-восемьмитонник лопался в воздухе, разрываемый на три части огненным бутоном взрыва. Ещё не веря в происходящее, Бен смотрел, как обломки, разваливаясь на лету, рушатся на пологий склон, по которому всего сорок минут назад он катил тележку вслед за Максудом. «Мне всё это снится, — отстранённо подумал Бен. — И поле, и Максуд, и тележка, и белесый след от ракеты, словно скальпелем разрезавший чёрное небо. Нужно только поплотнее зажмуриться, и всё исчезнет».

— Теперь нам кранты, — стеклянным голосом сказал Максуд.

Он неожиданно поднялся во весь рост и, изрытая проклятия, принялся, как заведённый, стрелять по бегущим к тележке фигурам. Расстреляв остатки обоймы, Максуд быстро присел и завожился с пистолетом. Его бледное лицо с блестящими провалами глаз оскалилось бешеной улыбкой. Крепко ухватив Бена за шиворот, он подтянул его к себе так, что их головы соприкоснулись.

— Теперь беги! — коротко сказал Макс.

Он передвинул рычажок на пистолете и опять вскочил на ноги. Один за другим грохнули два взрыва, кто-то тонко, по-женски завизжал. Корпус тележки опять брызнул искрами. Максуд шагнул вбок, оступился и начал кулем оседать на мягкую землю. Бенджамиль метнулся к нему, подхватил, волоком потянул к укрытию. Голова Максуда судорожно вздрагивала.

— Что?! Что?! — закричал Бен, захлёбываясь в водовороте ужаса.

Максуд захрипел.

— Что?! — Бен, пачкаясь в чём-то липком, принялся дрожащими пальцами расстёгивать ворот мокрого комбинезона.

— Всё, — хрипло сказал Максуд, во рту его что-то булькнуло. — Беги к лесу. Может, успеешь...

Его сильное тело мучительно выгнулось и обмякло. Размазывая по щекам кровь и слезы, Бенджамиль поднялся на колени и начал стрелять в темноту. Он не хотел никого убивать и не знал, кого ненавидеть, он стрелял в безысходность и в собственное отчаяние, с каждым выстрелом выплёвывая из себя сгусток запёкшегося чёрного ужаса. А когда ствольная коробка бессильно отъехала назад и палец несколько раз остервенело нажал на спуск вхолостую, Бенджамиль отшвырнул бесполезный пистолет и побежал. Он бежал, рыская из стороны в сторону, спотыкаясь, едва не падая, но вновь и вновь чудом оказываясь на ногах. В его душе больше не было страха, была упрямая злая уверенность в том, что он должен, обязан уйти живым. Пули повизгивали вокруг его втянутой в плечи головы, пули стегали по рыхлой земле и по картофельным кустам, но он уже не боялся.

Он совсем не думал, между какой парой столбов перерезана проволока, и почти не удивился, когда попал в нужный проход. Выскакивая на асфальтовую дорожку, он заметил, что следом за ним бежит ещё кто-то в костюме цвета истлевшей травы, но останавливаться уже не мог, не имел права. И он мчался, прыгая через срезанные под корень деревья, моля неведомого вершителя своей судьбы об одном: не дать ему запнуться и упасть.

Предательский склон встретил его порослью молодых колючек. Склон был на стороне загонщиков. Но и это уже не могло его остановить. Не снижая темпа, он проломился сквозь колючие заросли и, оставляя за правым плечом исходившие жирным горячим дымом останки прыгуна, помчался среди темных стволов. Последняя шальная пуля, щёлкнув, сшибла ветку над его головой. «Спасён! Спасён! Спасён!» — билось в пустой голове.

— Похоже, этот последний. — Йохан Шнайдер тупым носком шипованного ботинка

ткнул неподвижное тело в пятнистом комбинезоне. — Ариф!.. Нойман! — Он обернулся в сторону тёмного силуэта, бродившего неподалёку, и помигал фонарём. — Иди сюда!

— Мертвяк? — Нойман, шаря вокруг себя световым конусом, вразвалочку подошёл к старшему драйверу отряда.

— Мертвее не бывает.

Ариф Нойман осветил плечи и голову лежавшего. Правая сторона черепа была разворочена, волосы, стриженные коротким гребнем, слиплись от чёрной запёкшейся крови.

— Чисто сработано, — сказал Нойман.

— Какие у нас потери? — Шнайдер, прищурившись, повернулся в сторону ярко освещённого картофельного поля.

— Шестеро раненых, четверо тяжело. — Нойман тоже оглянулся на поле, по которому неторопливо двигались фигурки стоксгардов. — Хансу кисть оторвало, когда тот ублюдок начал палить из подстволки.

Шнайдер досадливо поморщился:

— Сам виноват, я ему говорил, чтобы не совался.

Нойман покивал головой:

— Не повезло.

— Прыгуна из клиники уже вызвал? — деловым тоном спросил Шнайдер.

Нойман взглянул на часы:

— Минут через сорок будет. От Вейта Хофмана.

— Хорошо. — Шнайдер опять посветил фонарём на труп налётчика. — А хорьков сколько положили?

— Шесть трупов, четверо раненых, все тяжело, один ушёл в лес.

— Молодец, Арви! — Старший драйвер дружески потрепал помощника по плечу. — И парни твои молодцы. Хорошая работа! Хвалю.

Нойман вяло козырнул.

— Будь на хорьках дефендеры, мы бы так легко не отделались, — мрачно сказал он, снимая каску с прозрачным забралом. — Это какими надо быть идиотами, чтобы не думать про броники?

— Здесь ты не прав, Арви, дефендеры они принципиально не носят, — проговорил Шнайдер назидательно. — Для них это «кляйба», вроде как трусость до боя.

Ариф Нойман скептически усмехнулся.

— Ты вот что, — сказал Шнайдер, демонстративно притрагиваясь к мочке левого уха, — своих раненых готовь к погрузке, а хорькам окажи первую помощь. — Он поднял оттопыренный палец и выразительно провёл им по горлу. — Кстати, как их состояние? До прибытия полистопов дотянут?

— Даже не знаю, — громко сказал Нойман озабоченным голосом. — Все тяжёлые. Вполне могут и передохнуть.

— Если не имеешь медицинской страховки от корпорации, то глупо надеяться на хорошее медицинское обслуживание, — согласился Шнайдер, и оба мужчины негромко засмеялись.

— А что с тележками делать? — спросил Нойман.

— Не знаю. — Шнайдер призадумался. — Пока сложи на них трупы, а там видно будет. И немедленно займись ранеными хорьками! Мы же не хотим, чтобы мастеру Питу вдруг пришлось отчитываться перед начальством за плохое обращение с гостями из Сити?

— Почём ты знаешь, что хорьки из Сити? — скептически поинтересовался Нойман. — Может, это простые крысы из буфера?

— Знаю. — Шнайдер ткнул ботинком труп ситтера. — Уж арси от трэча я на слух всегда отличу. Ладно, расклад такой: какая группа пострадала меньше других?

— Вторая, — доложил Нойман.

— Оставь на поле вторую группу, пусть охраняют территорию, ждут медиков и стопов. Кто у них командир?

— Шайне.

— Ага... Нужно послать пару ребят в лес. Так вроде огня не видно, но могли остаться очаги, а если пожар пойдёт верхами, нас с тобой за яйца подвешат. Если что, пусть Шайне вызывает пожарных. Остальным отдыхать. И, вот ещё: того парня, что убежал, надо догнать. У Шайне есть собака?

— Найдётся.

— Поставьте её на след. Нечего сидеть по лесу шляться. Да! И, как окажешь помощь раненым, вызывай стопов.

Нойман кивнул.

— Вопросов нет? — Шнайдер похлопал стволом автомата по голенищу ботинка. — Ясно всё?

— Так точно!

— Выполняй!

Нойман опять козырнул и шатающейся тяжёлой рысцей побежал к полю. Старший драйвер ещё раз глянул на труп, потом на останки прыгуна и неторопливо пошёл за помощником.

— Маркус! Шайне! Полянский! Эль-Мансур! Ко мне! — проорал Нойман, замедляя бег возле стойки ограждения с порванной проволокой. — И побыстрее, мать вашу!

На поле произошло некое быстрое, невнятное, но вполне осмысленное движение. Не прошло и минуты, а командиры групп уже стояли перед помощником стардрая.

Нойман, как обычно, был краток, и вскоре трое из четверых командиров отправились командовать своим группам «отбой», а злой и недовольный Шайне, бормоча под нос проклятья, побежал разыскивать своего кинолога.

Рузьяк нашёлся не сразу. Он курил, присев за перевёрнутой тележкой, и стряхивал пепел в валявшуюся рядом чужую каску, видимо потерянную кем-то из раненых. Увидев Шайне, он сунул сигарету в рыхлый чернозём и вскочил на ноги. Шайне дважды открыл и закрыл рот. Больше всего на свете ему хотелось размахнуться и со всей силы двинуть кинологу в оттопыренное ухо. Но бить в ухо было, к сожалению, нельзя, и вместо этого Шайне только до хруста сжал кулаки да несколько раз вдохнул и выдохнул воздух через ноздри.

Рузьяк смотрел на отца-командира круглыми испуганно-наглыми глазами. Курение в неположенном месте считалось проступком, но не слишком серьёзным. Рузьяк пытался сообразить, чем он мог вызвать гневное трепетание ноздрей начальства, и ничего не мог припомнить. Ну, не лез в герои! Ну и что? Делал всё по инструкции: лежал, бежал, даже пуля по каске чиркнула один раз...

— Собака в вездеходе? — тихо и зловеще спросил Шайне.

— В вездеходе. — У Рузьяка слегка отлегло от сердца. — А где ей ещё быть?

Он хотел добавить, что из автомата Грета стрелять не умеет, но вовремя сдержался.

— Тащи свою тварюгу сюда, — сказал Шайне, немного успокаиваясь.

— Зачем? — подозрительно спросил Рузьяк.

— Работать! — сказал Шайне, опять наливаясь злостью. — Хорька в лесу ловить!

— А почему Грета? — неприязненно поинтересовался Рузьяк, мгновенно наглев. — У Греты передатчик барахлит и аккумулятор разряжен. Пусть бы Крюгер свою Кору тащил, она у него в порядке.

Насчёт аккумулятора он слегка привирал, зато про передатчик говорил чистую правду.

Шайне качнулся взад-вперёд и наконец заорал. Он орал о том, как его достал долбаный собаковод со своей долбаной Гретой, как ему хочется, чтобы однажды Грета откусила Рузьяку башку, и что если этого не сделает Грета, то это сделает он, Артур Шайне, и не подавится, и не облюется. Ошалевший от такого напора Рузьяк даже отступил назад.

— Чтоб через пять минут здесь была! — Шайне не удержался и сунул-таки собаководу кулак под нос.

— Слушаюсь, — запоздало отрапортовал Рузник и потрусил к вездеходу.

В вездеходе было тепло и душно. Грета лежала под боковыми сиденьями в собственном контейнере. Рузник вытянул контейнер на середину салона, включил питание и ввёл девятизначный код. Грета, оживая, чуть шевельнула острой конусообразной головой. Каждому кретину ясно, что механизм такого класса, как Грета, лучше вообще не отключать. Но инструкцию по применению служебных собак составляли люди, которым до уровня среднестатистического кретина ещё карабкаться и карабкаться. Пока собака запускала и тестировала контуры своего мёртвого организма, Рузник присел рядом и закурил. Он с интересом следил, как один за другим загораются миниатюрные датчики по бокам узкой морды. Вид оживающего робопса доставлял ему удовольствие. Он вообще любил смотреть на Грету, не без основания полагая её верхом инженерной мысли и, в некоторой мере, своей собственностью. В отличие от бытовых моделей, на настоящих служебных робопсов никогда не надевают декоративных покрытий. Насколько знал Рузник, их даже не производят. Никаких мохнатых ушек, хвостиков колечком, глаз-бусинок. Изолируют только суставы для защиты рабочих поверхностей, но изолирующее вещество скорее похоже на прозрачный гель. Рузник неторопливо затягивался, выпускал дым через ноздри и любовался на свою питомицу. Тонкие, чуть изогнутые стальные лапы, узкий обтекаемый корпус, ляжки, прикрытые пружинными дисками амортизаторов. От механизма исходило едва слышное гудение. Пасть Греты чуть приоткрылась, словно собака ненавязчиво демонстрировала кончики острых, никелированно блестящих клыков. Рузник протянул руку и осторожно провёл вдоль холодной гладкой спины... Затем, спохватившись, он погасил сигарету о рант ботинка, помахал в воздухе ладонью, разгоняя табачный дым, ловко выпрыгнул из салона и поманил за собой Грету.

Нойман и Шайне дожидались его возле проволочной ограды.

— Поживее, мать твою! — ещё издали крикнул Нойман.

— Ты что, поспать успел? — спросил он, когда Рузник и Грета остановились возле него и Шайне на уставном расстоянии.

— Никак нет, мастер помдрай! — сейчас же ответил Рузник. — Собака разогревалась.

Нойман скептически хмыкнул. Шайне помалкивал, глядя куда-то в сторону.

— Разрешите приступить? — спросил Рузник.

— Пошли уже. — Нойман махнул рукой в сторону пустоши с вырубленными деревьями.

Рузник задал Грете примерное направление следа, и в течение следующих десяти минут они ходили по пустоши вслед за сосредоточенной и деловитой робопсиной.

— По-моему, он левее бежал, — подал голос Шайне.

Поискали левее, и через пару минут собака действительно взяла след, неспешно поводя мордой, пробежала шагов тридцать и, приподняв переднюю лапу, замерла возле мёртвого ситтера с гребнем на голове.

— Экая дура, — устало сказал Нойман. — Перенастраивай её, парень, снимай задачу.

— Если этот лежит здесь, то второй бежал во-он там, — сказал Шайне не очень уверенным тоном.

Нойман недовольно скривился в сторону командира группы и указал совсем в другую сторону.

— Там... — сказал он, — там поищем.

Не прошло и пяти минут, как собака взяла нужный след. К удивлению Рузника, Нойман особой радости по этому поводу не изъявил.

— Молодец, — сказал он, обращаясь то ли к собаке, то ли к собаководу, ткнул пальцем в крышку панели настроек и добавил: — Открой.

«Это ещё зачем?» — подумал Рузник. Он нагнулся и отомкнул панель. Нойман присел рядом с собакой и начал тыкать толстым пальцем в кружочки сенсоров. Рузнику захотелось сказать: «Если сами такие умные, так чего мне деньги платите?» Он открыл было рот и сразу

закрыл. Нойман снимал все блоки и устанавливал уровень воздействия на отметку F. Если помощник старшего драйвера отряда программирует робопса на уровень F, то лучше не задавать глупых вопросов вслух, а то самого однажды найдут в овраге со сломанной шеей.

Нойман захлопнул крышку и поднялся.

— Действуй, — сказал он, отступая в сторону.

— След! — негромко скомандовал Рузник.

Криставиральный процессор Греты был настроен на его голос, и собака внимательно подняла морду, потом вытянула шею, припонижаясь. Она прошла несколько шагов, фиксируя в блоках биллектронной памяти запах и форму следа, затем просигналила готовность и замерла, будто блестящее металлопластиковое изваяние.

— Взять! Фас! — Рузник чуть подтолкнул робопса вперед.

Грета бесшумно сорвалась с места. Пригибая голову к земле, она заскользила между пнями, в мгновение ока достигла заросшего зеленью склона и, всё убыстряя бег, растворилась в темноте сосняка. Какое-то время Рузнику чудилось, будто он различает отблески лунного света на её полированных боках.

— Теперь будем ждать сигнала. — Нойман, щурясь, смотрел на тёмную громаду леса.

— Долго ждать придётся, — сказал Рузник, засовывая руки в карманы.

— Почему долго?! — Помдрай был так удивлён, что даже забыл сделать стоксгарду замечания за неуставную позу.

— Так у неё передатчик неисправен... Я командиру группы докладывал. — Рузник видел в слабом лунном свете, как у Шайне непроизвольно перекосялся рот. — И аккумулятор разряжен процентов на шестьдесят.

Нойман повернулся к Шайне. Было ощущение, что он примеривается, как бы половчее врезать командиру второй группы под дых. Рузник даже вперед подался, чтобы лучше видеть, но Нойман только крякнул и отвернулся. Шайне отчётливо выдохнул. Нойман сплюнул под ноги и сказал:

— Ни хрена! Далеко он уйти не успел. За час тварь его нагонит. А там... видно будет... Все свободны.

Нойман забросил автомат на плечо и вразвалку двинулся к ограждению.

— Стоксгард Рузник, — зловеще-официальным тоном вполголоса сказал Шайне. — Объявляю вам взыскание по службе. Стоимость ремонта собаки вычту из вашего жалованья.

Он развернулся и торопливо зашагал следом за Нойманом. Кинолог долгим взглядом проводил его спину.

— Сука — сказал он сквозь зубы. — Бл...кая рожа. Чтоб тебя черти взяли.

В левом ухе пронзительно пискнуло.

— Александр Рузник, — прошелестел информатор корпоративной сети. — За употребление нецензурно-религиозных слов вы оштрафованы на десять марок. Примите к сведению.

Глава 22

Длинный и тёмный. Тёмный и длинный...

Бенджамиль испуганно вздрогнул и в очередной раз проснулся. Светало. Чёрная прорва над вершинами деревьев уже начала таять, обращаясь в голубовато-серую плотную дымку, пронизанную по краям холодным светом ещё невидимого солнца. Бен покрутил головой, отгоняя обрывки муторной полудрёмы, и пошевелил пальцами. Рука, обнимавшая ствол дерева, затекла, к левой щеке прилипли сухие чешуйки коры. Грудь болела, и шея болела, и задница. Бен повозился, тщетно пытаясь найти удобное положение, и только потом посмотрел вниз.

Собака была на месте. Сидела, выпрямив спину и задрав кверху узкую морду, неподвижная, безмолвная, очень опасная. От неё исходило острое ощущение угрозы. Поначалу Бенджамиль здорово боялся, что собака попытается добраться до его ветки, но

ничего подобного не произошло, робот преспокойно уселся под деревом и принялся ждать. Тогда Бенджамиллю такое поведение показалось ещё одной удачей, теперь он явственно понимал: пройдёт день, два, неделя, год, а тварь всё будет сидеть под деревом и ждать, пока ослабевшая от голода и жажды добыча свалится с ветки. Бен пощупал сухим языком сухие десны. Только падать с дерева скорее всего не придётся. Явятся парни в дефендерах и... О дальнейшем думать не хотелось вовсе. Парни в дефендерах церемониться точно не станут. Он уже имел счастье видеть их церемонии.

Бен поёжился. Сырая осенняя прохлада забиралась в рукава комбинезона...

Сначала ему везло. Он издали слышал звук погони и бросился бежать со всей скоростью, на какую были способны его аль-найковские мышцы. Потом на его пути выросло кривоватое дерево с удобным наростом на стволе, и он, ещё не видя механической собаки, ни секунды не раздумывая, подчиняясь одной лишь интуиции, полез наверх, чтобы через минуту оказаться на толстой ветке в пяти метрах от земли. Но запас удачи, отпущенный сегодня на его долю, как видно, оказался не безграничен.

Бенджамиль тяжело вздохнул. Вот если бы рядом был Максуд, он бы враз придумал, как выкрутиться, но Макс теперь лежал на поле с простреленной грудью и вряд ли чем-то мог бы помочь. «Зато ему уже на всё наплевать», — уныло подумал Бен, разглядывая поляну под деревом. Будущее с ветки, расположенной в пяти метрах над головой механической твари, виделось ему исключительно в мрачных тонах.

А если попробовать так: он прыгает вниз, именно прыгает, поскольку действовать нужно молниеносно, и мимо ошарашенной собаки бросается во-о-он в те заросли? Бенджамиль представил себе, как он прыгает, как кидается в кусты, и безнадёжно вздохнул. Эту, пожалуй, ошарашить! А обогнать механическое чудище и вовсе нереально. Даже если добежать до кустов, то что потом?

Бен ещё раз посмотрел вниз, словно выискивая подсказку среди сосновых корней, прикрытых хвойным одеялом. А может, действительно свалиться собаке на голову? Хрястнуть её со всего лета ботинками прямо по узкой спине? Мысль была безумной и заманчивой, от неё зачесались ладони, а по спине побежали мурашки.

А может, он, как дурак, сидит на ветке, а тварь неисправна?.. Сломалась?.. Разрядилась?.. Сколько она торчит в одной и той же позе, даже не шелохнётся?.. Сомнительно... Но вдруг! Бенджамиль сорвал шишку и кинул её вниз, стараясь попасть собаке в голову. Шишка пролетела совсем рядом, но чёртова собака и ухом не повела. Или что там у неё вместо ушей? Сидела, как сидела. Бенджамиль, волнуясь от нахлынувшей надежды, бросил вторую шишку и на этот раз попал. Ничего! Псина сидела неподвижно, будто коллекционная статуэтка. Бен потянулся за третьей шишкой, но тут в его душу закралось сомнение: может, робопес просто не реагирует на шишки? Нужно попробовать кинуть чем-нибудь потяжелее, желателен металлическим. Бенджамиль похлопал себя по карманам комбинезона. В правом обнаружилась запасная обойма для пистолета, про которую он напрочь забыл, а в левом нашёлся складной нож, тот, что Макс дал Бену прямо на поле. Решив, что нож ещё может пригодиться, Бен взвесил обойму на ладони и, крепче ухватившись левой рукой за ствол сосны, швырнул плоскую воронёную коробочку, метая прямо в узкую морду. Собака сделала неуловимое движение, укорачиваясь от летящего предмета, потом нагнулась к земле, обследовала упавшую железку и опять застыла, уставившись вверх.

Бен тихо выругался и в сотый раз принялся перебирать в голове варианты спасения, один нелепее другого. Попробовать перепрыгнуть на соседнюю сосну, до которой метров шесть... Попробовать чем-нибудь отвлечь робопса... Влезть на самую верхушку дерева и попытаться раскачаться так, чтобы достать верхушку соседнего... Влезть на самую верхушку дерева... а там будь что будет... Он думал до тех пор, пока небо не приобрело цвет жемчужной эссенции. И лишь когда луна стала совершенно прозрачной, словно бы сотканной из сигаретного дыма, Бенджамиль понял, что выхода нет.

Тупое отчаяние заполнило его живот, сердце, грудь, желудок. Отчаяние было вязким,

как кисель, и прозрачным, как глицерин. Оно мешало втянуть воздух сквозь сжатые до хруста зубы. Оно давило, жало, выкручивало, туманя рассудок плёнкой невольных слез. Хотелось завывать истошно и тоскливо, во весь голос. Рискуя свалиться с ветки, Бенджамиль замотал головой. Ногти вцепились в податливую кору, влажное от слез лицо запрокинулось к стеклянному шарiku луны.

— Отче наш, иже еси на небесах! — полузабытые слова, слышанные когда-то в детстве, сами собой рождались из пересохшего рта. — Как бы ни звали тебя — Деем, Алляхом или Сантой, да святится имя Твоё, да придёт Царствие Твоё, да будет воля Твоя, на земле и на небе. Дай нам хлеб наш насущный и оставь нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим, не введи нас во искушение и избави нас от лукавого! Ангеле Божий, хранитель мой святой, живот мой соблюди. Не оставь меня, грешного, и не отступи от меня за все грехи мои. Прошу тебя! Укрепи и направь меня на путь истинный! Прости все прегрешения, что совершил я в день минувший, и защити меня в день нынешний. Сохрани душу мою в чистоте, дабы не прогневил я Господа...

Что он хотел выпросить у неведомого Вершителя Судеб? Крылья? Мост из радуги? Манкидресс, которым всё равно не умел пользоваться? Бен и сам не мог бы сказать, чего именно он хочет... Быть может, просто оказаться за три тысячи миль отсюда? Но когда последнее «аминь» слетело с его губ, удивительное спокойствие и умиротворение сошло на него откуда-то сверху. Он вдруг явственно увидел себя на широкой, размеченной белыми полосами дороге, дороге, уходившей и вперёд и назад, не имеющей ни конца, ни начала. И не то чтобы он ощутил себя ничтожной букашкой перед этой бесконечностью, нет! Он ощутил ничтожность и суетность своих страхов, метаний, бессмысленных мелких устремлений. Он вдруг услышал крохотных жучков, роющих ходы в сосновой коре, увидел целенаправленную муравьиную суету между хвойными иглами, бег невидимых электронов по стальным жилам биллектронной собаки, увидел небо и землю, огромный мир, перед целостностью которого всё остальное теряло смысл и значение.

Это длилось секунду, может быть — две, а затем ушло, растаяло, будто утренний туман. Но и этого было достаточно. Бен наконец увидел там, внизу, под деревом, то, что должен был увидеть уже давно, — кусок пластика и железа, жалкую частицу мира людей, проекцию страха, зла, косности, грубую пародию на себя самого.

Это опять длилось какую-нибудь секунду и опять оставило след в душе Бенджамилля, наполнив сердце и мозг знанием чего-то огромного и сияющего.

Ничего ещё не было кончено! Всё как раз только и начиналось! Собака внизу была лишь досадной помехой. И помеху это требовалось убрать.

Бенджамиль огляделся по сторонам, затем устался на носки своих ботинок и едва не хлопнул себя по лбу. Ну конечно же! Как он не подумал об этом сразу?! Нужно просто спросить совета у оракула! Бенджамиль коснулся рукой груди и вскрикнул от боли. Грудь заныла, будто пониже яремной ямки воткнули тупой гвоздь. Бенджамиль, как мог, скосил глаза на ворот комбинезона. На камуфлированной ткани красовалась невеста откуда взявшаяся дырка размером с десятипфенниговую монету. Бенджамиль осторожно коснулся отверстия пальцем. Френч под комбинезоном, по всей видимости, был тоже продырявлен. В голове Бенджамилля шевельнулась смутная догадка. Он слегка развернулся на ветке, высвободил вторую руку и, плотнее упершись плечом в смолистый ствол, распустил завязки на шее комбинезона, расстегнул вторую пуговицу френча, верхнюю пуговицу рубашки, затем подцепил пальцами толстый витой шнурок и бережно потянул оракула вверх. Металлический диск скользнул по коже груди, не причинив ни боли, ни дискомфорта. Бенджамиль подхватил его ладонью, выпростал из-под одежды и ахнул. Страшная вмятина изуродовала крышку оракула. Полированный металл прогнулся глубокой, скошенной вбок воронкой, кристаллическое табло треснуло черными треугольниками. Бенджамиль стянул шнурок через голову. «Быть может, это ещё можно исправить?» — подумал он беспомощно. Крышка, поддетая ногтем, неожиданно легко отделилась от корпуса... Ни черта это было не исправить, оракул был испорчен бесповоротно и окончательно. Табло пошло трещинами и

расслоилось, электрическая плата, исчерченная светлыми волосками дорожек, раскололась напополам. «Так вот оно что, — подумал Бенджамиль. — Так вот на что я наскочил грудью, когда ослепли очки». Уже безо всякой надежды он рассматривал обломки чудесного раритета. Разбитая плата, мёртвое табло, пара крохотных цилиндриков на тонких ножках, плоская металлическая таблетка, скорее всего, допотопная батарейка, а прямо на таблетке капелькой тёмного серебра... Бенджамиль поднёс оракула к самым глазам. На блестящей поверхности допотопной батарейки сидело крошечное насекомое — универсальный интельфаг Виктора Штерна...

Подувший невесть откуда ветер зелёной волной качнул верхушки сосен, и механическая собака внизу едва заметно повела острой мордой, словно принюхиваясь. Впрочем, загнанный на дерево пленник не обратил на это абсолютно никакого внимания, он с изумлением рассматривал свою неожиданную находку. Малюсенькое блестящее насекомое совершенно не походило на таракана. Оно напоминало скорее вытянутую капельку ртути, прилипшую к поверхности старой батарейки.

— В самом деле, почему бы и нет? — пробормотал Бенджаль, разглядывая крохотного пожирателя биллекултур.

Он вспомнил испачканные кровью осколки аквариума... Кажется, Виктор говорил, что в пассивном состоянии тараканы реагируют на тепло. Если один из интельфагов зацепился за Бенову одежду и, совершив восхождение по штанине, забрался под френч, то он вполне мог выбрать оракула в качестве временного прибежища... Невероятно... Бенджамиль осторожно поднял мятый диск и осмотрел его снизу. Так и есть! На задней стенке имелось три маленьких отверстия, то ли для вентиляции, то ли для удобства разборки... Удивительное создание!..

И тут до Бена дошло. Он недоверчиво поглядел на небо, потом перевёл взгляд на сидевшего под деревом робопса. А ведь это шанс! Главный приз в лотерею! Как говорили в старину, «джек-пот»! Бенджамиль боязливо погладил оракула по острому ободку. Говорить «спасибо» невидимому благодетелю было слишком странно и, пожалуй, нелепо. Бенджамиль поёжился. «Если правда то, что я про него слышал, то мои благодарности ему как рыбе зонтик», — подумал он и принялся осторожно разворачиваться на ветке так, чтобы сесть спиной к стволу. Собака бесстрастно наблюдала за его скованными движениями.

Бенджамиль несколько секунд соображал, куда пристроить оракула, и не придумал ничего лучшего, чем взять сломанную игрушку в зубы. Во рту моментально разлился едкий металлический привкус, от которого слегка заныли зубы. Не обращая на это внимания, Бенджамиль поднял руки и, словно сказочный волшебник, трижды хлопнул в ладоши. Потом, сильно волнуясь, вынул оракула изо рта и уставился на ртутную точку. Таракан не реагировал. Сидел себе на батарейке и бросаться в бой по приказу Бенджамилля Френсиса Мэя не собирался. Бен терпеливо ждал пару минут, затем вновь взял влажный диск в зубы, три раза старательно и раздельно ударил ладонью о ладонь. Таракан не реагировал. Всё сильнее сомневаясь в том, что хлопает нужное число раз, Бенджамиль подождал ещё две минуты. Индистрактер не шевелился.

— Ну же! — сказал Бен просительно. — Катаешься на мне второй день. Мы с тобой уже как родственники, а ты не хочешь оказать крошечную услугу товарищу.

Таракан оставался безмолвен и неподвижен. «Проклятье! — подумал Бен. — Наверное, я что-то перепутал. Но Виктор точно хлопал в ладоши!» Бенджамиль прикрыл глаза, вспоминая. Вот Виктор стоит возле жароупорного аквариума, вот он хлопает в ладоши, и маленькие твари кидаются на роллекс... Не то!.. «Это будет война, Бен! Настоящая война!» Тоже не то!.. «Сигналом может быть всё, что угодно, хоть куплет из модной песенки...» Точно! Бенджамиль покачнулся и едва не полетел с дерева. Обхватив левой рукой ствол, он перевёл дыхание. Ну конечно же! «...Теперь они реагируют на трехкратное сжатие».

Очень осторожно Бен попытался снять таракана с пуговичной поверхности батарейки. Маленький диверсант держался цепко, и Бенджамиль не рискнул сковыривать его ногтём.

Вместо этого он просто вынул из корпуса оракула батарейку вместе с вцепившимся в неё тараканом. «А ведь батарейка-то давным-давно должна была сесть, окислиться, или что там происходит с древними батарейками?» — между прочим подумал Бен. Он сунул корпус в карман, а батарейку сдавил между большим и указательным пальцем. Раз, ещё раз и ещё раз. Держа напряжённую правую руку над собранной в лодочку ладонью левой, Бен, затаив дыхание, глядел, как капелька темной ртути шевельнулась и, кажется, выпустила крохотные усики-антенны. Бен склонился чуть ниже и не успел удивиться. Серебристая блестящая поверхность батарейки с выдавленными буквами вдруг опустела — маленький интельфаг десантировался с неё так быстро, что глаз просто не успел прореагировать.

Бенджамиль несколько раз мигнул и недоверчиво потёр батарейку пальцем. Едва таракан исчез из поля зрения, вся затея стала казаться ему бредом. Как может букашка размером с крупинку сахара навредить боевому механизму весом в полцентнера? Спору нет, в лаборатории Штерна тараканы ловко расправлялись с часами за полторы тысячи марок, но здесь-то вовсе не лаборатория, а робопес, загнавший Мэя на дерево, мало походит на роллекс. И вообще, был ли таракан внутри испорченного оракула или это только игра воображения свихнувшегося переводчика?

Привалившись спиной к стволу, Бенджамиль напряжённо смотрел вниз. Текли длинные, как зубная боль, секунды, а внизу ничего не менялось. Собака сидела под деревом, всё такая же внимательная и такая же опасная. Так и свихнуться можно, подумал Бенджамиль, и в этот миг собака беспокойно шевельнулась. Она мотнула головой и поднялась на все четыре ноги, постояла, будто прислушиваясь, потом металлопластиковая спина выгнулась дугой. Явно не понимая, что с ней происходит, собака несколько раз крунулась вокруг своей оси, пытаясь поймать несуществующий хвост, остановилась, вытянула вперёд гофрированную шею и замерла в неестественно-мучительной позе. Долгий тоскливый полускрип-полувои запутался в сосновых ветках. Задние лапы, шатнувшись, подломились, и железная тварь села на задницу, опустив книзу острую морду.

Подождав несколько минут, Бенджамиль достал из кармана корпус оракула и кинул его в неподвижную псину. Металлический диск, звякнув о гладкий матово-блестящий бок, упал на хвою. Тварь даже не шелохнулась. Медленно, очень осторожно Бенджамиль начал спускаться с ветки. Ныла ушибленная грудь, по отсиженным ногам бежали мурашки. Спустившись до уродливого наплыва на стволе, Бенджамиль замер, готовый в любую секунду ползти обратно. Робопес сидел в десяти шагах от дерева, морда его всё так же была опущена, но от собаки всё ещё исходил запах опасности и смерти. Бенджамиль сглотнул сухим горлом. Была не была! Он оттолкнулся от ствола и прыгнул на пружинистый ковёр хвои. Собака не шевелилась. «Похоже, всё», — подумал Бенджамиль, пристально глядя на робопса и медленно отступая от дерева. У него вдруг появилось нелепое, острое и азартное желание подобрать смятого оракула. Он должен был лежать справа от корпуса.

— Эй, тварь, — довольно громко сказал Бен, обращаясь к собаке, — ты ведь мертва, на кой черт тебе мой оракул?

Он сделал осторожный шаг в сторону неподвижного врага. Громко хрустнула под каблуком ветка, и в ту же секунду робопес прыгнул. Стальное тело взвилось в воздух несколько криво, будто вслепую, и Бенджамиль успел среагировать. Он шарахнулся вбок, прямо в заросли молодого сосняка. Хлётко стегнули по лицу колючие ветки, что-то острое вцепилось в штанину. Бенджамиль рванулся вперёд, с сухим треском разрывая материю, и что есть духу побежал прочь.

Глава 23

«Пустое, — думал Бенджамиль, пробираясь сквозь особенно густые заросли подлеска. — Собака наверняка застряла в кустах возле поляны. Там она и сдохла окончательно. А я-то, как дурак, бежал без оглядки, ветки ломал. Хотя кто бы на моем месте не побежал? Чёртова тварь! Погонись она за мною всерьёз, я бы сейчас не размышлял об

исправности её процессоров. А последний прыжок — это лишь рефлекс умирающего механизма. Доконал-таки псину универсальный диверсант, вернее, доконали. Одному богу да ещё покойнику Штерну известно, сколько индистрактеров сейчас в собачьем корпусе. Десять? Двадцать? Сотня? „Жрут и размножаются...“ И ещё умнеют... Страшно подумать, что будет, когда таракан Штерна попадёт в среду гигаполиса.» Бен представил себе вставшие заводы, миллионы неподвижных таблеток на станциях тубвея, мёртвые мониторы информационно-вещательной сети, мёртвые банкоматы. Волна прожорливых малюток сметёт всё, начиная от наручных часов и карманных интельблоков, кончая стратегическими военными вычислителями. Если тараканы окажутся так хитры, как рисовал Штерн, то арши с чайниками тоже не отвертятся. Никто не отвертится. Тараканья пандемия постепенно охватит всю планету. Останутся только спутники на орбите. Да и то не факт. Кавардак будет жуткий! Как говорят ситимены, полный кишер. И остановить пожирателей биллекультуры будет практически невозможно. Их даже не получится изучить. Исследователи, изучающие крысу с помощью кусочка копчёного сала, будут выглядеть весьма презабавно.

«Весь мировой порядок полетит в тартарары», — подумал Бенджамиль. Конец света! Наверное, это было нехорошо, но отчего-то он не чувствовал страха. Закон Киттеля превратится из закона в бессмыслицу. Но если вдуматься, то у ситуации есть свои плюсы. Исчезнут корпоративные телефоны, отслеживающие каждое твоё словечко, исчезнет табельная машина мастера Крауса, исчезнут телепостановки-лонгливеры, а вместо них появятся театры, где будут играть живые актёры. Марси это наверняка понравится...

«Только ничего такого не будет», — сказал Бен самому себе. Виктор Штерн оказался хорошим поваром, но его блюдо так и останется на плите. Фаршированный тараканами робопес никогда не покинет пределов лесной глухомани. Муравьи наташат на него хвои, деревья оплетут корнями, трава прорастёт сквозь корпус, сквозь кучу ненужных деталей в красивой металлопластиковой коробке, в неподвижной и, заметьте, немой коробке. Охранники, конечно, могут искать своё имущество, но вряд ли они возьмутся прочёсывать лес. Лес довольно большой, поди догадайся, в какую сторону я бежал. А если так, то единственные в мире активные тараканы Штерна навсегда останутся под грудой хвои и муравьиных какашек.

Бенджамиль остановился и, шурясь, поглядел на низкое солнце, острыми лучами пробивавшее хвою сосновых крон.

— Значит, так, — бодро сказал он вслух. — Когда я бежал, луна была вон там, потом, когда сидел, — вон там, потом взошло солнце, вон там, значит, мне нужно взять немного правее.

«На работу я сегодня не попаду, — подумал Бен, забирая чуть правее. — Ну и черт с ней, с работой. Если уволят — плевать. Найду работу поинтереснее, чем в „Шульце“».

Бенджамиль зябко поёжился. Часа полтора назад он снял с себя разодранный в двух местах комбинезон и опрометчиво выбросил его в кусты. Теперь сырой утренний холодок пробирал до самых костей. От этого ещё сильнее хотелось домой, в тепло, к горячему душу, к бутерброду с соевым маслом, к огромной кружке горячего кофе, даже к двум кружкам. Бенджамиль пошевелил во рту сухим языком. Нет худа без добра. В жару было бы ещё хуже, а так и потерпеть можно. Тем более, сколько ещё идти, один бог знает. Нужно выйти из леса к соевым плантациям, пересечь сами плантации, и только потом он окажется на окраине аутсайда, причём совершенно неизвестно, в каком конкретно секторе. А поскольку денег у него нет... Глупости! Глупости всё это! Неважная чепуха. Главное — дойти до аутсайда, а там уж он сообразит, как попасть домой.

Бен представил знакомый запах в маленькой прихожей, представил заправленную кровать, тонкий слой пыли на полках с антикварными игрушками. В голове шевельнулся болезненный червячок сомнения. А что, собственно, ждёт его в бело-оранжевом секторе, кроме кружки плохого кофе и теплого ароматического душа? Новый корпоративный телефон в ухо? Бракоразводный процесс? Пыльные полки?

Скука.

Скука и запустение. Смотреть старые фильмы. Дважды в неделю ходить на эмулятор беговой трассы. Один раз в неделю выпивать кружку пива у Гансана Маншала. К сорока годам купить механическую канарейку... А Марси? Черт возьми! Он совсем забыл о Марси! Ну конечно же! Бенджамиль Френсис Мэй завершает процесс с Ириной фон Гирш, платит брачную неустойку и женится на Марси (если она, конечно, согласна стать миссис Мэй). Странная девушка из чёрного буфера перебирается в аутсайд к мужу. Никакой работы ни в «воротничке», ни в белом буфере для неё, само собой, не находится, и Марьям становится счастливой домохозяйкой. Лет через пять, при условии, что департамент демографии не откажет странным родителям в патенте на ребёнка, она рождает Бену маленького славного сынишку и учит его стихам и песенкам. А если департамент не даст патента, то лет через десять Марси Мэй начинает дивно петь хором с механической канарейкой. Хотя есть и другой вариант. Вместо того чтобы тащить Марси в аутсайд, Бенджамиль может сам перебраться в чёрный буфер. Не так уж и страшно в буфере, если знать, что к чему. Но с работой для Мэй в буфере не лучше, чем с работой для Марси в «воротничке». Эй, люди! Кому нужны переводы с арабского на трэч?! Недорого перевожу с франглийского на китайский, немного говорю по-русски и португальски! Что? Не нужно? А не дадите ли тогда хоть немножко мелочи? Трубы горят, и мутит с позавчерашнего...

Бред! Бенджамиль пнул попавшуюся под ноги ветку. Самое ужасное то, что теперь ему претит эмулятор беговой трассы, а грязь чёрного буфера пахнет дерьмом и ржавчиной, а в Сити держат в банках отрезанные головы. И непонятно, где выход, поскольку неясно, где вход. И хочется, подобно Мучи, отправиться в Хадаш Иерусалим, только ведь и там то же самое, если не хуже.

«Может, я заразился чем-то от проклятого Мучи, — думал Бенджамиль. — Потерять старый дом легче, чем найти новый. Я видел смерть, видел любовь, я лизнул счастье, понюхал страх. Но что мне делать со всем этим? С умными словами, с глупыми словами? С людьми? С лесом? Или я схожу с ума?!»

Тук-тук-тук-тук! Тук-тук-тук! Бенджамиль замер, прислушиваясь. Где-то быстро колотили палкой по дереву. Колотили вдохновенно, с азартным ожесточением. Так может стучать ребёнок, слишком звонко и бестолково. Но откуда за линией соевых плантаций может взяться ребёнок? Разве что шкодливый отпрыск какого-нибудь богатого огородника вышел подышать свежим воздухом? Стук стих и через несколько секунд возобновился. Нет! Стучали слишком методично для ребёнка. Стук опять стих и опять возобновился. На этот раз Бенджамиль уловил направление. Звук явственно шёл откуда-то сверху. Бенджамиль задрал голову. Звук опять стих. Что-то серо-красное оттолкнулось от дерева и полетело, колотя по воздуху двумя оперёнными веерами. Бенджамиль, замерев, глядел, как большущая птица, по крайней мере в три раза больше стандартного городского воробья, уселась на сосновый ствол метрах в шести от земли и принялась стучать длинным острым клювом по жёлто-коричневой коре, сосредоточенно и настырно: тук-тук-тук. Бенджамиль, задрав голову, глядел на удивительное создание, и постепенно до него доходило, что он, наверное, впервые за всю свою жизнь видит настоящую птицу.

— Не впервые... — тихо сказал кто-то за спиной.

Бен быстро обернулся. Как и следовало ожидать, за спиной никого не оказалось, зато Бен увидел тропинку. Узкая, едва заметная дорожка вилась между корнями деревьев и зарослями невысокого кустарника. Дорожка была такой дикой, такой брошенной, такой ничейной, что Мэй не смог удержаться от искушения. Дятел перестал выбивать носом пулемётную дробь, вспорхнул с дерева и полетел по своим птичьим делам, а Бенджамиль сошел на тропинку.

Плавный поворот, ещё один. Солнце висит над левым плечом и слегка греет левую щеку. Тихо шуршит прелая хвоя под подошвами ботинок. Неторопливые мысли плывут в голове, в такт движению ног. Так идти бы и идти, не думая, куда и зачем идёшь, ощущая запах смолы, стараясь позабыть о том, что каждый шаг так или иначе приближает тебя к

душной суете гигаполиса.

Бенджамиль вздохнул. Пятую часть жизни полноценный работник «воротничка» вынужден проводить в дороге на службу и со службы. Он, скрючившись, летит в закупоренной со всех сторон таблетке и играет в дурацкую головоломку на интельблоке, или слушает дурацкие новости, или смотрит дурацкий лонгливер про честного трудолюбивого корпи, который благодаря своей старательности умеренно продвигается по службе. Жуть! А как здорово было бы возвращаться домой по едва приметной тропинке, хрустя сосновыми шишками, слушая шум ветра в верхушках сосен или стукотню красноглазой птицы? Тогда всё обстояло бы куда как правильнее. Но разве это возможно? Даже мастер Пит прилетает в свой особняк на прыгуне, наверняка забирается в свой навороченный коттедж, съедает ужин из натуральной картошки по пять тысяч марок за кило, выпивает натурального портера и ложится спать, дабы утром забраться в прыгун и махнуть обратно в «воротничок», где без его гениального руководства всё, конечно, пойдёт прахом.

Бенджамиль остановился. Сбоку от тропинки лежало огромное старое дерево. Его высохшие черные корни торчали над землёй, точно скрюченные пальцы мёртвого великана или как мумии тропических змей. Здесь тропинка делилась надвое. Одна, более отчётливая, исчезала за плотными зарослями молодого ельника, вторая, совсем неприметная, сворачивала направо. Бенджамиль в нерешительности поскрёб висок. Идти направо или обогнуть ельник? Левая тропинка нравилась ему больше, но правая вела именно в ту сторону, где, по его расчётам, находились плантации.

Бен уже совсем было собрался повернуть направо, когда его уши уловили негромкий треск и из-за зарослей ельника показались трое мужчин в поношенных камуфляжных куртках непривычного покроя. Приключения, судя по всему, продолжались.

Понимая, что броситься наутёк он ещё успеет, Бенджамиль на всякий случай оглянулся и сунул руку в карман. Пальцы нащупали и сжали рукоятку складного ножа. Передний из мужчин остановился шагах в пяти от Бена. Был он высок и крепок, лет пятидесяти с виду. Короткие светлые волосы стрижены щёткой, глаза с прищуром, светлая бородачка обрамляет широкое загорелое лицо. Руки свои мужчина нарочно держал на виду и лишних движений старался не делать. Двое спутников бородатого, двигаясь тихо и плавно, обошли своего товарища по бокам, встали справа и слева. Они были моложе бородача, может, ровесники Бена, а может, младше. Так же как бородатый, они держали руки на виду, и вид у них был настороженный. Славные, в сущности, ребята. Оба длинноволосые, оба шатены, один потемнее, другой посветлее. У того, что потемнее, на шее топорщился красно-синий линялый платок, а в ухе блестело широкое колечко, тот, что посветлее, нёс за спиной рюкзак, точь-в-точь как альпинисты из Беновой фильмотеки.

Они мало походили на охранников с картофельного поля и совсем не походили на гуляющих по лесу хозяев загородной виллы. Бенджамиль мог с уверенностью сказать, что они не из благопристойных, затянутых в сюртуки корпи и не из туповатых буферских индустов, они почти наверняка были не из Сити и точно не имели никакого отношения к трэчерам. От всей троицы веяло спокойной, уверенной силой. Они внушали опасливое подсознательное доверие, такое же чувство внушает огонь, к которому хочется протянуть ладони. От них исходило почти ощутимое тепло.

Бенджамиль разжал пальцы и вытащил руку из кармана. В эту же секунду мужчины, переглянувшись, почти разом опустили на одно колено.

— Здрав будь, несущий конец и начало! — произнёс бородач со странным акцентом и добавил непонятно: — Исполать тебе, Будень, Святой Богородицей Выбранный!

«Только сумасшедших мне не хватало, — подумал Бенджамиль, непроизвольно отступая на шаг. — Какая исполать? Какой Будень?»

Бородач прижал правую руку к груди и склонил голову.

— Какой Будень? — Бенджамиль отступил ещё на шаг, прикидывая, не стоит ли кинуться наутёк прямо сейчас.

— Нового Бога отец и зачинатель, по верной тропе творцом Иссаем направленный. —

Бородач поднял глаза на Бена. — Дозволь говорить стоя, Избранник.

Измученный Бенджамиль только головой кивнул, а странный человек уже был на ногах. Парни последовали примеру старшего товарища и тоже встали.

— Я что-то не совсем... — пробормотал Бенджамиль, переводя взгляд с одного незнакомца на другого. — Кто вы, собственно, такие? И что вам от меня нужно?

— Я вот — Ирга. — Бородач ткнул себя в грудь узловатым пальцем. — Это Ратмир. — Он указал на парня с шейным платком. — Это Илим. — Парень с рюкзаком нагнул голову. — А нужда у нас простая — встретить тебя да проводить до места. Уже тридцать лет, как сказано в откровении Усть-Кутском: «С головою, как снег белой, со ждущим нутра божьим телом». Слово в слово и место указано и случай, вот только со временем оплошал батюшка Андрон, второй год тебя ждём. Дождались, хвала Создателю!

Глаз не успел заметить, в какой именно момент Ирга успел переместиться. Только что стоял поодаль и вдруг оказался совсем близко. Глаза в глаза. И акцент... Бенджамиллю стало слегка не по себе. Насколько он мог судить, акцент походил на русский. Сумасшедшие из Байкальской Автономии?! Может, таки прыгнуть в сторону и побежать?

— Грядет новое воплощение Создателя, а ты избран стать отцом и зачинателем. — Серые глаза глядели безбоязненно и цепко. — Будет при рождении Господнем хаос и великая смута, рухнут устои старого, последние станут первыми, а первые — последними. Вот и нужда нам: встретить избранника Божьего, чтобы забрать его из горящего дома, проводить туда, где сможет пережить он кровь и смуту, где вырастет и окрепнет молодой Бог. Так сказано в пророчестве.

— Я ничего не понимаю, — признался Бенджамиль. — Куда вы собираетесь меня проводить?

Ему одновременно хотелось и броситься наутёк, и дослушать этого чудного дядьку со светлыми морщинами на желтовато-коричневом лице.

— Туда. — Ирга указал рукой в сторону восходящего солнца. — Там снег снимает все грехи с души человеческой, там ели — вдвоём не обхватишь, а на кустах — россыпи голубой ягоды, птицы там поют на рассвете и полосатые звери-бурундуки лазают по кедром день-деньской, будто заведённые. Ты видел когда-нибудь бурундука, Выбранный? А козу? А сохатого? У нас и медведи встречаются, правда нечасто, но случается. — Глаза Ирги блеснули. — Пчелы жужжат летом. Ты когда-нибудь ел мёд, Будень?.. В посёлках возле Старого Новосибирска прямо посреди леса есть пасеки. А если захочешь, можно уехать ещё дальше на восток, до Байкал-моря. Ты сможешь ловить настоящую рыбу! Вот этими руками! (Бенджамиль невольно взглянул на свои ладони.) Стоит захотеть, и ты окажешься за тысячи километров отсюда. Нужно всего лишь сказать «да».

Ирга выжидательно уставился на собеседника.

— Мне очень жалко, — Бенджамиль виновато развёл руками, — но вы ошиблись. Я смутно представляю, где этот ваш Новосибирск, и совсем не представляю, что такое пасеки. Даже если я захочу отправиться с вами, то ни один charterный прыгун не возьмёт меня на борт без визы, а визу мне не дадут, пока не завершится бракоразводный процесс, а после процесса не дадут, поскольку я буду иметь привод в суд по гражданскому иску. Мне правда жаль, но так уж выходит.

— Это неважно, — терпеливо сказал Ирга, — Наши друзья здесь обеспечат тебе любые бумаги, а бессрочная виза через Китайскую границу у нас уже есть, и главное — у нас есть вертолёт! Он старый, но надёжный. И горючего с запасом.

— Вертолёт?! — изумлённо переспросил Бен. — Но это же ещё добиллектронная технология, или я ошибаюсь?

Ирга кивнул:

— Точно, добиллектронная, мы биллектронной не держим почти.

— Почему?!

— Умные вирусы от Лукавого, — очень серьёзно сообщил Ирга.

— А разве можно обойтись без вычислителей? — спросил ошарашенный Бен.

— Отчего не можно? — Лицо бородача пошло лукавыми морщинками. — Очень даже можно. Чтоб на тракторе вспахать поле, умные микробы нам без нужды, а если посчитать чего нужно... Илим! — Ирга обернулся к парню с рюкзаком. — Сколько будет двести четырнадцать тысяч пятьсот пятьдесят четыре помножить на... — Бородач приглашающе взглянул на Бена.

— Что?.. А! На три тысячи семьсот пятьдесят три, — наобум предложил Бен.

— Восемьсот три миллиона двести двадцать одна тысяча сто шестьдесят два, — не моргнув глазом, сказал Илим.

— Впечатляет, — сказал Бен, соображая, что проверить результат ему всё равно не на чем.

— То-то и оно. — Ирга улыбнулся с нескрываемой гордостью. — Человек, он много на что годится. Запускай в себя руку и черпай сколько потребно. Главное, черпак иметь подходящий и умение. А биллектроника — от блажи да неведенья. Костыль не у дела, когда ноги целы. У нас тебе и без биллектроники весело будет. Так что скажешь, Будень?

«Бред», — подумал Бенджамиль. Ему вдруг страшно захотелось увидеть бурундуков. Он представил себе малюсенький город на берегу озера. Сколько там домов? Тысяча? Пятьсот? Сотня? Как, наверное, здорово каждый день идти домой через лес и смотреть на бурундуков. Он представил себе бурундуков, здоровенных, как механический кот, с гибкими полосатыми хвостами. Они висели на деревьях, обхватив стволы пушистыми полосатыми лапами. А ещё по вечерам можно будет купаться в озере...

— Я не могу, — сказал Бен. — Мне правда очень жалко, но я не Будень.

Ирга досадливо сморщил лоб и подвигал скулами.

— Ужели не было тебе никаких знаков? Да даже коли и не было, спроси у сердца своего. В какую сторону оно тебя тянет? Сердце человеку лучший советчик.

— Нет, — сказал Бенджамиль. — Я действительно не могу.

— На нет и суда нет, — сказал Ирга, и лицо его враз погасло. — Трижды нам велено спрашивать, но не более. Знать, и вправду неувязочка вышла. Извини, добрый человек. Тебе свой путь, а мы дальше ждать станем. Ступай по правой дорожке, она аккурат тебя на поле выведет, а дальше и город твой.

— Спасибо, — неуверенно сказал Бен. — А воды у вас не найдётся?

Ирга отстегнул от широкого пояса фляжку-термос и протянул Бену. Внутри фляжки призывно плеснуло. Бен торопливо отвернул колпачок и прижал влажное горлышко к губам. Восхитительная, чуть горьковатая жидкость наполнила пересохший рот. Испытывая острое наслаждение, Бенджамиль сделал десяток жадных глотков и только потом перевёл дыхание и вытер губы.

— Холодный чай, — сообщил Ирга. — Хорошо жажду утоляет.

Бенджамиль приложился к фляжке ещё раз и протянул её хозяину. На языке и небе остались терпкие влажные чаинки.

Ирга улыбнулся и отрицательно качнул головой:

— Оставь себе. — Он сделал знак своим спутникам, и все трое гуськом двинулись по тропинке.

Бенджамиль смотрел им вслед и чувствовал, как уходят на другой конец света огромные синевато-зелёные деревья, мохнатые от пахучих иголок, уходит тёплая галька под босыми ступнями, горячее солнце, садящееся прямо в холодную воду необъятного озера, уходят полосатые звери бурундуки, уходят бесповоротно, окончательно, уходят навсегда.

— Дурак, — сказал за спиной знакомый голос.

— Эй! — заорал Бен. — Погодите одну секунду!

Они остановились на самой границе ельника, со сдержанным интересом глядя на недавнего собеседника.

— А можно мне взять с собой одного человека?! — спросил Бенджамиль, улыбаясь оттого, что уже знает ответ.

Дорога начинается именно в тот момент, когда ты окончательно решил отправиться в путь. Дорога начинается в голове. Разум становится ловким, как цирковой жонглёр. Он цепко выхватывает из тысячи явлений и фактов самые нужные, выстраивает их в стройную линию, вычерчивая воображаемый маршрут. У зубодробительных загадок, над которыми ты тщетно ломал голову, вдруг находятся простые ответы, в голове рождаются правильные вопросы, а на душе весело и страшно.

В который раз обернувшись на ходу к шедшему позади провожатому, Бенджамиль спросил:

— Ирга, а что сказано в вашем пророчестве про мать предсказанного Бога?

— В нашем пророчестве... — вежливо поправил Ирга. — Там сказано только то, что она избрана Богом.

— И не сказано, где её искать или как?

Ирга покачал головой:

— Больше ничего. Я так думаю, что раз Иссай подсказал в одном, то и в другом не оставит.

— Выходит, я избран Богородицей, а она — Богом?

— Выходит так. — Ирга пожал плечами. — Богородица избрала тебя, Бог избрал её, Иссай указал тебе путь. Бог часто действует с помощью воплощённой троицы, что в этом странного?

— Да нет, ничего, похоже, нынче Иссай намерен устроить себе выходной, — пробормотал Бен, улыбаясь. — Далеко ещё до базы?

— Версты четыре осталось.

— А на базе есть телефон?

— Телефон есть, — сказал Ирга. — Станция спутниковой связи на вертолёте.

— Ого! — сказал Бенджамиль. — Тоже добиллектронные технологии?

— Что-то вроде того.

— Но это ведь ненадёжно!

— Отчего? — удивился Ирга. — Работает нормально. Ненадёжным в самом скором времени может оказаться всё остальное. — Он вздохнул. — Хотя ты прав, связь — это пока наше слабое место. Но после рождения Ладоги этой сферы коснутся кардинальные изменения. Спутники станут просто орбитальным металлоломом.

— Вы считаете, что он модернизирует связь?

— В том числе и связь. Главное — чтобы черпак был подходящий! — Ирга расплылся в широкой улыбке. — Только почему ты говоришь про Ладогу «он»? Новый Бог родится девочкой.

Бенджамиль запнулся и едва не упал.

— Дай-ка я впереди пойду, — сказал Ирга, обгоняя Избранника Богородицы.

— А я смогу позвонить? — спросил Бен у спины, раскрашенной зелёными и коричневыми пятнами.

— Конечно, — отозвался Ирга. — Только гляди, чтобы сделать для вас визы, нужно дней пять. Может, лучше забрать твоего друга из буфера, когда всё будет готово?

— Нет, — сказал Бен. — Сразу. Лучше всего завтра.

— А твой друг сможет неделю жить в палатке?

— Сможет, — сказал Бен. — Мой друг много чего может.

Он украдкой сунул руку в правый карман брюк. Листок плотной бумаги замялся на углах и посередине. Бенджамиль осторожно раскрыл свёрнутый в четыре раза книжный форзац. На одной стороне было напечатано выцветшими от времени буквами: Гомер, «Одиссея». На другой стороне темно-красным косметическим карандашом было выведено: 17-27-55-666. Девять цифр, как преддверие нового мира и нового дома.

Эпилог

Рузняк остановился на краю поляны возле кривой сосны и поводит из стороны в сторону самодельным радио-сканером. Все четыре лампочки светились ровным малиновым накалом. Собака была где-то поблизости. Внимательно следя за датчиками, стоксгард осторожно повернулся влево-вправо и медленно двинулся вперёд.

Грету он увидел за раздвоенным деревом возле полосы невысокого кустарника. Она лежала на боку, вытянув вперёд узкую морду с оскаленной пастью. Совершенно разряженная псина. Тем более странно, что про аккумулятор он тогда сказал для красного словца. Зарядки оставалось ещё процентов двадцать, вполне в пределах нормы.

Рузняк присел на корточки возле своей любимицы, вытянул из пачки сигарету и прижал к её кончику зажигалку. Несколько раз он неторопливо, со вкусом затянулся и только потом скovyрнул с собачьей ляжки крохотную наклейку с самодельным же радиомаяком. Наклейку он сунул в нагрудный карман, а из рабочей сумки вынул тестер, снял крышку с зарядного гнезда и приложил тестер к контактам аккумулятора. Поглядел на показания, почесал в затылке, нажал сброс и снова приложил тестер к контактам. Хрень какая-то! Тестер показывал, что аккумулятор заряжен на восемнадцать процентов и вполне работоспособен. Покачав головой, Рузняк достал из сумки второй тестер рабочего комплекта. Второй тестер подтвердил показания первого, как подставной свидетель на судебном разбирательстве. Недоумевая всё больше и больше, Рузняк отомкнул крышку панели настроек. Индикаторы были мертвы.

— И что из этого следует? — пробормотал Рузняк, тыча пальцем в кружки сенсоров. — Из этого следует, что навернулась вся биллектроника.

Случай редкий, как выигрыш в гослотерею, но ведь кто-то же выигрывает иногда эту гребаную лотерею. Не то чтобы Рузняк всерьёз расстроился, но ситуация была не из приятных. Теперь Шайне точно спустит на него всех собак. Спустит на него всех собак из-за сломанной собаки... Звучит смешно.

Рузняк сплюнул в траву. Когда минула ночь с понедельника на вторник, а потом со вторника на среду, он только в потолок поплёвывал, его даже забавлял взъерошенный вид командира группы. Чего, собственно, волноваться? Скорее всего тогда, на поле, он просто попал пальцем в небо, и если хорёк оказался приткий, то робопес действительно подсел, гоня ситтера по лесу, теперь стоит себе под ёлкой, отдыхает. Рузняк был абсолютно спокоен до самой среды. В среду информация наконец пошла вверх по цепочке начальства. Нойман отымел Шайне, Шайне попробовал отыметь Рузняка, но не тут-то было. Рузняк даже улыбнулся, вспоминая: «Никак нет, мастер комгрупп, я докладывал, что собака неисправна...» Помдрай лично взял из первой группы Крюгера с его Корой, и они попытались пустить одного робопса по следу другого. Дохлый номер! Рузняк это чуял с самого начала. Нойман отымел Крюгера, потом Шайне ну и виновника торжества не обидел вниманием. Дважды вздрюченный начальствам Шайне вконец озлился и нашёл в уставе пункт, из которого следовало, что техник-собаковод по-всякому выходит виноватым.

— Три дня! — сказал Шайне, с ненавистью выпячивая челюсть. — У тебя есть три дня. Ищи робопса как хочешь и где хочешь. Не найдёшь, рассчитаю без пособия!

— А можно четыре? — с самым невинным видом спросил Рузняк.

Что ж три так три. Откуда этому придурку знать о маячке, приклеенном к собачьей ляжке? С четверга техник-собаковод приступил к поискам, рассчитывая «найти» Грету не раньше субботы. Не каждый месяц выпадает пара оплачиваемых выходных на природе, а Рузняк обожал бродить по лесу, к тому же погода стояла подходящая.

Четверг и пятница прошли просто великолепно, а в субботу, прихватив радиосканер и одну из трофейных тележек, Рузняк со спокойной совестью двинулся по слабенькому, но отчётливому сигналу. Он планировал ещё до обеда найти Грету, немного перекусить на свежем воздухе, поспать часок-другой и к вечеру вернуться в особняк гордым победителем: «Я же говорил, а вы не верили!»

Теперь выполнение плана изрядно усложнялось. Одно дело — привезти собаку с севшими аккумуляторами, совсем другое — сломанную собаку.

Рузняк демонтировал в двух местах броню и проверил кинематические цепи. Моторика робопса была в полном порядке. Рузняк повеселел. Хитрый план постепенно слаживался в его голове. Он закурил новую сигарету и прижал пальцем мочку левого уха. В ухе пискнуло.

— Энтони Нубас, 41-13-52... Не помню, как там дальше, — сказал Рузняк.

В ухе щёлкнуло и запищало.

— Алле! — сказал раздражённый голос. — Эл, какого тебе нужно? Я машину готовлю.

— Привет, Тони, — не обращая внимания на раздражённый тон, пропел Рузняк. — Машины, говоришь? Это кстати.

— Не забивай служебку, — голос раздражился ещё больше. — И вообще, что тебе надо? Мне вылетать через двадцать минут.

— Слушай сюда! — весело сказал Рузняк. — Твой маршрут меняется.

Раздражённый голос замялся:

— Меняется? Эл, ты там что... пьяный? Ты где?

— Я в лесу, — Рузняк выпустил сигаретный дым через ноздри, — и я желаю, чтобы ты кое-что для меня сделал. Ты куда летишь?

— Какого?.. — сказал голос, недоумеая. — В аутсайд лечу, к Гофману за продуктами.

— Чудно. — Палец техника-собаководы нарисовал в воздухе замысловатую петлю. — Сначала дуй ко мне, здесь отличная поляна. Посадишь прыгуна, я тебя проинструктирую.

— Эй! Ты что о себе возомнил? — изумился невидимый собеседник. — Почему я должен куда-то там дуть?

— Потому что в карты играть не умеешь! — вкрадчиво сказал Рузняк.

Голос негромко кашлянул и спросил на полтона ниже:

— Эл... какого ты мне это говоришь по служебной сети? Ты что, с мозгов слетел?.. Где я тебя там искать буду?

— Лови пеленг, — добродушно сказал Рузняк, переводя наручные часы в режим навигатора, — и учись в карты играть.

— Пошёл ты, — сказал Нубас и отключился.

Не выпуская из зубов зажжённой сигареты, Рузняк лёг на спину и, закинув руки за голову, принялся изучать голубое, совершенно безоблачное небо.

Энтони Нубас задумчиво склонил голову сначала к левому плечу, затем к правому.

— И что мы с этим собираемся делать? — Он ткнул пальцем в лежащего на боку робопса.

— Объясняю для тех, кто не умеет играть в карты. — Рузняк поймал на себе негодующий взгляд и усмехнулся. — Сейчас мы берём это за ноги, грузим в прыгун мастера Пита, и Тони Нубас отправляется в промкольцо. — Предупреждая вопросы и возражения, Рузняк поднял ладонь. — В промкольце, в оранжево-лиловом секторе, Тони находит мастерскую Лю Го Фэня, сдаёт туда собачку и летит к Гофману за бараниной. Пока он летает за бараниной, ловкий Лю меняет процессоры, чистит микроблоки памяти, заполняет их новой биллекултурой и производит настройку. На всё про всё Лю понадобится не больше двух часов. Тони забирает баранину у Гофмана, собачку у Лю и летит сюда. Я получаю здоровое животное и забываю про долги. Доступно?

— А кто будет платить за ремонт? — подозрительно спросил Нубас.

— Мастер Пит. Скажешь Лю, чтобы он прислал счёт мастеру Питу. А мистер Пит получит счёт и разбираться не будет.

Нубас с сомнением покачал головой:

— А если Го Фэнь попросит задаток?

— Лю никогда не берет с Пита задаток, — авторитетно сказал Рузняк. — Хватит стонать, берись за задние лапы.

— А как я за горючее отчитаюсь? — поинтересовался Нубас.

Рузняк пожал плечами.

— Твоё дело, — сказал он равнодушно. — Придумай что-нибудь.

Нубас вздохнул.

Они дотащили Грету до пятиместного прыгуна, стоявшего с западной стороны поляны, и Рузняк помог загрузить робопса в багажную камеру.

Нубас полез в салон и, уже убирая лесенку трапа, спросил:

— Ты думаешь, Лю успеет за два часа?

— Скажи ему, что он может прибавить к счёту десять процентов за срочность.

— Не знаю, в какую игру ты играешь, — сказал Нубас сумрачно, — но когда-нибудь ты доиграешься.

— Не доиграюсь, — безмятежный Рузняк снизу вверх смотрел в раззявленную пасть люка. — Вот ты бы доигрался.

— Почему это?

— Потому что в покер играть ни хрена не умеешь.

— Пошёл ты! — Нубас потянул вбок дверку.

— Жду тебя к трём! — крикнул Рузняк, отступая назад.

Прыгун заклекотал...

Он стоял и шурился на перистую дугу выхлопа, пока какая-то тварь не укусила его в ухо. Рузняк выругался, потёр пальцами левую мочку и подумал, что кусачим тварям пора бы уже и отлетаться. Осень всё-таки на дворе, ситтеры картошку воруют...

На самом краю поляны остался след посадки стратосферного снаряда — безобразное чёрное пятно, заплёванное ошмётками бурой пены. «Зае...ись, — подумал Рузняк, усаживаясь в тени высокого кривого дерева так, чтобы гадкая проплешина оставалась вне поля зрения. — За два часа Тони, конечно, не обернётся, но к пяти будет как пить дать». Он достал из пачки сигарету и поглядел на часы. Объёмный куб с цифрами над запястьем отчего-то не поднялся. Циферблат был мёртв и чёрен.

— Что за чертовщина? — пробормотал Рузняк и автоматически приготовился услышать в левом ухе: «Александр Рузняк, за употребление нецензурно-религиозных слов...»

Корпоративный телефон молчал. Удивлённый стоксгард похлопал себя по уху. Никакого эффекта. Только укус на мочке засаднило. «Что за неполадки? — весело подумал Рузняк, первый раз в жизни не оштрафованный за матерщину. — Как они теперь без моих десяти марок?» Рузняк покрутил головой и принялся нажимать кнопки на часах. Циферблат не зажигался. Всё одно к одному. Эх! Знал бы раньше, отправил бы часы к Го Фэню вместе с собакой. Теперь придётся ждать другой okazji.

— Черт поberi! — громко сказал Рузняк, наслаждаясь молчанием телефона.

Он достал пачку, пересчитал оставшиеся сигареты, потом прислонился спиной к кривому стволу, закрыл глаза и принялся ждать.